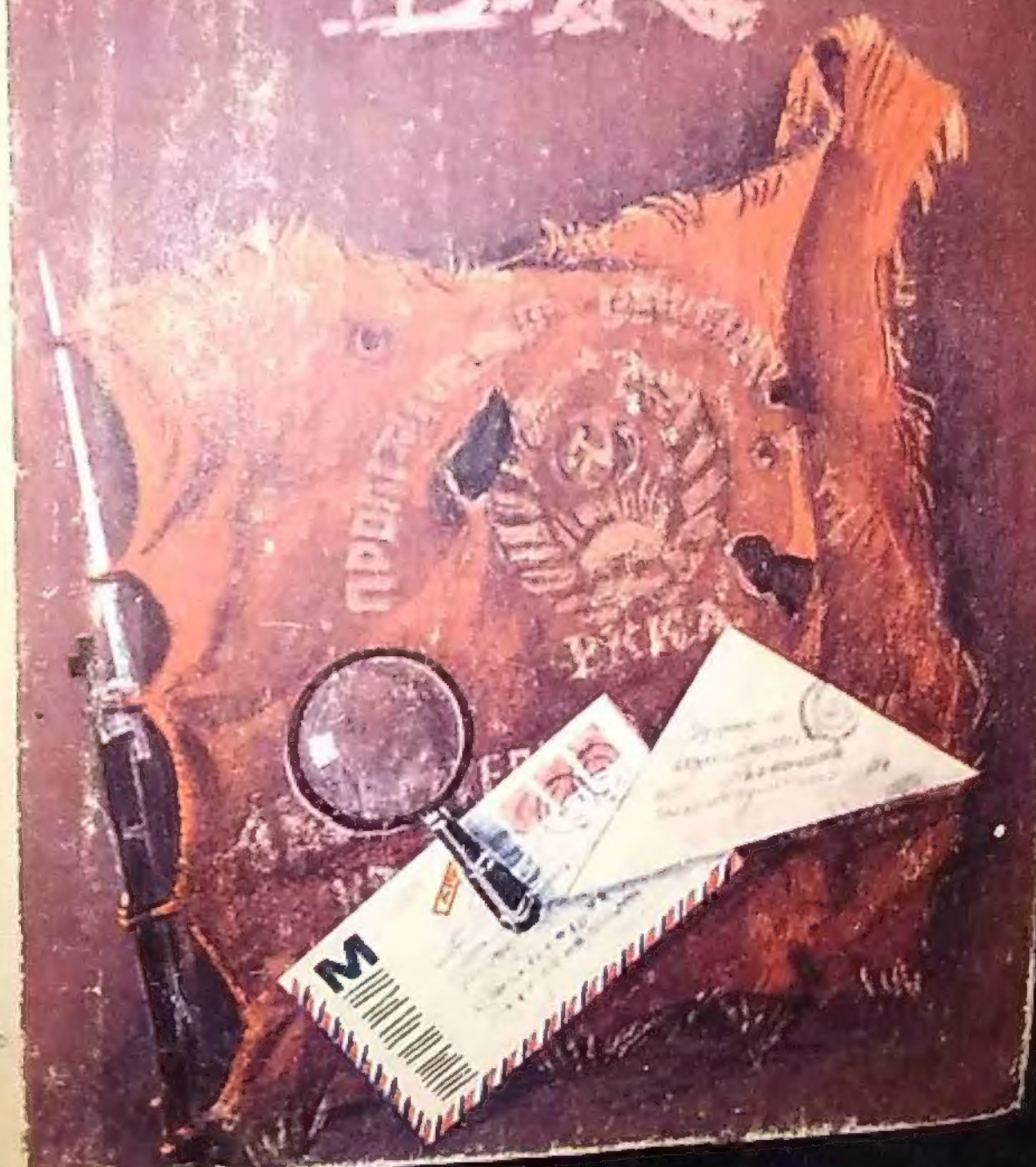
ИВАН
БЕРЕЗЮК

ОПЕРАЦИЯ "DR"



ИВАН
БЕРЕЗЮК

ОПЕРАЦИЯ "ЛИК"

ПОВЕСТЬ

БАРНАУЛ
АЛТАЙСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1989

Р 2
Б 48

Редактор В. Извеков

Б $\frac{4802010201—20}{М\ 138(03)—89}$ 37.89

Р 2

© Алтайское книжное издательство, 1989

ОТ ПУБЛИКАТОРА

Как и большинство людей моего круга, предисловий я не читаю. А что сам предисловие буду писать, такое даже в шутку на ум не приходило. Это — первое. И второе: хотя на обложке значится мое имя, никакого касательства к данной книге я не имею.

Странно... Поначалу и мне так казалось, а теперь ничего странного не нахожу в том, что, вняв редактору этого сочинения, фигурирую в качестве его условного автора. Мало ли какие бывают обстоятельства! И в конце-то концов все открыто и без обмана: читателя сразу, на пороге книги, про момент условности извещают.

Иной вопрос: какие такие обстоятельства вынудили прибегнуть к столь необычной мере? Об этом и предстоит рассказать.

В Барнауле немало сложных перекрестков, но лично для меня перекресток улиц Петрова и Малахова самый трудный. А с 16 апреля 1984 года — и самый памятный. Именно в этот день на обочине тротуара, метров за сто до упомянутого перекрестка, стояла девочка. Обеими руками она прижимала к себе короб, в каких обычно продается обувь: «голосовать» она не могла, но было ясно: нуждается в транспорте. Приостановив «Жигули», я открыл заднюю дверцу, и девочка села в машину.

Мельком бросив взгляд в зеркало заднего обзора, я отметил большие серые глаза моей попутчицы, светлые

волосы, выбивающиеся из-под серой шапочки-пилотки, и несколько великоватый рот. Я еще подумал где-то вычитанной фразой, что, как ни странно, именно великоватый рот придает ей живую прелесть. Отсвет некоей тайны был в выражении ее лица. Хотя, скорее всего, это не непосредственное впечатление, а результат последующих событий и разогретого ими воображения.

Дело в том, что, высадив девочку у магазина «Снежинка», я вскоре обнаружил в машине забытую вещь. То, что мне показалось коробом для обуви, было папкой с рукописью.

Больше месяца длились поиски автора. Куда только не обращался, даже объявление в «Алтайской неделе» давал — без результата. Исключительно в поисковых целях прочел рукопись. Но, кроме того, что главные ее герои — плод так называемого художественного вымысла, ничего не уяснил. Однако же сочинение — вот оно, реальность, и его автора самолично видел.

Я не переставал думать о своей вине.

Какая малость — быть внимательным ко встреченному тобой человеку. Не был.

Какой пустяк — заметить оплошность попутчика и подсказать: вы что-то забыли. Не заметил.

Не исключено, что моя вроде бы извинительная невнимательность обернется большой бедой. Ведь никто не знает с уверенностью, чем кончится эта потеря для юной писательницы. А вдруг моя бывшая попутчица думает, что ее рукопись попала к «частникам» и уже расходована на кульки для семечек; или рукопись давно выбросили в мусорку равнодушные люди; или рукопись оказалась у циников и, читая ее, они хохочут в свое удовольствие... По-моему, от подобных мыслей вряд ли снова захочешь писать!

Какой сигнал подать автору, что его рукопись жива и необходима людям? Я обратился к издателям. И они все поняли.

И. Березюк

Подробность, которая, возможно, сыграет определенную роль в дальнейших поисках автора. Несмотря на то, что девочка явно вышла из пионерского возраста, в забытой ею рукописи находился аккуратно сложенный галстук, в большом углу которого просматривались следы текста, начертанного синей пастой. Я еще подумал: несомненно, это — тот самый галстук!..

И. Б.

Глава 1

ПОДЛОСТЬ

Я лежала в тени корпуса и читала «Неизбежность странного мира». Книга не очень чтобы очень, и я даже обрадовалась, когда на горизонте показался Витя Груздь.

— С чемпионским приветом! — крикнул он, идя в мою сторону и потрясая вскинутыми вверх руками. Благодаря телевидению известно, что руками радуются все спортивные знаменитости.

Подойдя, он, будто целясь, наставил на меня указательный палец.

— Несмотря на ваши козни, фрау Логачева, приз обрел достойнейшего! — Тем же пальцем ткнул себе в грудь. — Скоро вечерняя линейка — слушайте!

Я села и, глядя на него снизу вверх, ответила:

— Поздравляю! Ты не думай, я не сержусь, правда. И ты не сердись, ладно?

Груздь ритмично завихлял всем телом (смотреть — одно удовольствие!), фальшиво запел на мотив «Барабана» Раймонда Паулса:

Нам все яс-нень-ко,
все по-нят-нень-ко!
Чем-пи-он всег-да

не по-пом-нит зла!
Чемпио-о-он,
чемпио-о-он.

У меня — улыбка до ушей, под ложечкой — «мороженое тает».

Подурачившись в стиле «диско», он закончил в стиле «интуристо»:

— Фридэн унд фройндшафт, что по-заграничному означает: мир и дружба!

— Зэр гут!

А ведь еще сегодня он волком смотрел на меня. Да и я была не ягненком...

Мальчишки старшего возраста готовились к заплыву. Они уже зашли в воду, когда меня осенило.

— Есть идея! Разрешите? — обратилась я к главному судье соревнований (им был Брунэт). Он кивнул: разрешаю.

— Ребята! Пловцы! — истошно заорала я. — Подойдите к судейскому столику!

— Зачем? — спохватился Брунэт. — Что еще придумала?

— Спокойно, Олег! Спокойно!

(Кстати, наш вожатый Олег Николаевич Иванов — красивый белокурый юноша, потому и «Брунэт». Согласна, не очень остроумно, но что-то такое есть. Люська Лютикова кличку сотворила.)

Мальчики нехотя приблизились к столу, покрытому газетой «Молодежь Алтая» с ненужной программой ТВ на неделю: лагерь принципиально не имел телевизора.

— Товарищи! — возвысясь над столом и руками упершись в ТВ-программу, официально начала я. — Вам скучно и грустно, потому что загодя известно: победит Груздь. Выше головы! Будет честная! спортивная! борьба! на равных! — Помолчав и передохнув, сообщила главное: — Решено: Груздь плывет вне зачета.

— Ха, ничего себе чего! — опешил Груздь, он же Чемпиньон. — Брейк под балалайку.

— Попрошу не перебивать! — Поворотом головы указала на свое левое предплечье: там была повязка, а на ней — белым по красному, еще влажные буквы — СУДЯ. Мягкий знак Козлова в спешке потеряла. — Отвечаю, Груздь, на твое «ха!» Ты — спортсмен, первый разряд по плаванию. А они, несчастные? Обыкновенные безразрядные физкультурники. Они и будут соревноваться между собой. Да!

— Олег Николаевич... — заныл Чемпиньон.

— Сейчас, Витя, минуточку, — засуетился Брунэт. — Майя, отойдем в сторонку.

— Никуда и ни от чего я не отойду! Давайте здесь, при массах!

— Отлично! — твердо изрек Брунэт и объявил: — Ничего подобного судейская коллегия не решала. Это самодеятельность Логачевой.

— Ха! Интересное кино «Черная ночь средь бела дня»! — возликовал Чемпиньон.

— Болеет за Галкина и решила помочь, — ухмыльнулся Юра Кузьмин, он же Кузя. — Судья называется!

Я задохнулась от обиды и гнева.

Клянусь, ничего подобного мне и в голову не приходило! И потом, всем ясно: с Груздем или без него — Леве заплыв не выиграть. Он же не парень — жердь ошкуренная. Очкарик.

Но ничего такого я не сказала. Я предложила:

— Надо сейчас же, до старта, приз вручить Груздю Вите. Зачем борьба, когда победитель известен? Формализм!

— Резонно, — не отрываясь от книги, пророкотала Горшок, она же Берта Карловна Кох, самый толстый и высокий обитатель пэ-лагеря. Наш врач.

— Да не в призе дело — в участии, — простонал Брунэт.

— Тогда зачем он? Зачем приз? А если он есть, надо бороться за него на равных. Чтобы справедливо. И чтобы интересно.

— Одна Логачева за справедливость, — пожаловался Кузя. — А остальные, выходит, жулики.

— Юра, без демагогии! — осадил его Брунэт.

— Ты, Майя, извини, но Олег Николаевич в институте на физического культурника учится, а ты, значит, больше его понимаешь? Так, Майя, не бывает, — вмешалась, наконец, третий член судейской коллегии Люся Лютикова, куколка Лю-Лю. Сказала и со значением посмотрела на Брунэта, на собравшихся (а вокруг нас — уже пол-лагеря): дескать, все убедились, какая я умненькая?

— Ладно, Майка, чего ты? — кисло сказал Красавец, оттянул резинку плавок и, отпустив ее, щелкнул по упитанному животу.

— Пускай. Мы не против, — замямлили и остальные пловцы, обреченные на поражение. За них же стараешься, и они же против тебя. Все против меня!

— Кстати, о справедливости, — подпустив басу, затянул Брунэт. — Витя регулярно посещал секцию, во многом отказывал себе. А кто другим мешал? Справедливость в том, чтобы прилежание было вознаграждено. И победой, и призом. Он же не профессиональный спортсмен — профессионалов у нас нет, а любитель, как все...

— Все вы против меня! — вдруг крикнула я. — Ну и пожалуйста! — Сорвала повязку, бросила ее на газету. — Вот! Принципиально! Да!

...И вот мои слова: «Не сержусь». И вот его слова: «Мир и дружба». Груздь — чемпион лагеря по бегу, по броскам мяча, прыжкам в высоту и теперь — по плаванию. Молодец! Никто за него не бегал, не прыгал, не плавал. Задается, правда. Но еще не известно, что было бы со мной, окажись я на его месте. Мне кажется, не задавалась бы. Так это — кажется.

Я бесхарактерная: ни на кого не сержусь, ну, подуюсь

минут пятнадцать и отошла. Я благодарна Брунэту. Он не воспитывал: Логачева, это еще что за фокусы? Он сделал вид, будто ничего не случилось. Мне даже стыдно за мой каприз. Однако не раскаиваюсь.

— По-моему, из тебя можно выдрессировать классную бегунью. Твои ноги — такой материал! У-у!.. Хочешь, сведу с преотличным тренером?

Груздь говорил так, будто ему доступны все вершины жизни, и «выдрессировать» звучало, как «сотворить», а «по-моему», как «на взгляд специалиста». Самоуверенный мальчишка! Этот — не Лева Галкин.

— Я бы занялась каратэ.

— Не слабо! Без трепа?

— Ну!

— Ратифицировано!

В искренности Вити я нисколько не сомневалась: он был счастлив, и потому добр.

Но вот, нагнувшись, он взял книгу и — совсем другой человек: озабоченный и хмурый.

— Гм, сегодня братан ему привез — сегодня Логачева читает.

Груздь выронил книгу, и она шлепнулась на траву. Он кивнул на нее, лежащую, сказал, как уличил:

— Там печать «Из книг Льва Галкина». Видела, поди? Надо ж, корифей! Смешно.

Он исчез, будто растворился. Я чувствовала себя без вины виноватой.

Нехотя раскрыла «Неизбежность странного мира». Груздь прав: эту книгу вручил мне Лева: «Вот, колоссальная вещь! Начнешь — не оторвешься. О теории относительности». — «Да ну!» — «В расчете на незнаек!» — «Да ну! Не хо». — «Вот не ожидал! Ну, почитай, ну, пожалуйста. А что не поймешь — помогу».

Лева — очень начитанный мальчик. Сколько раз убеждалась: он знает даже больше, чем студенты пединститута, наши вожатые (правда, правда!), но не воображает из

себя... Лишь однажды похвастался: такой оправы, как у его очков, в Барнауле ни у кого не встретишь — брат привез из ФРГ.

Заставить меня что-то делать против моей воли — фантастика! А он заставил, и я читаю «Неизбежность...», и не могу сказать, что нельзя оторваться. Но мне почему-то стыдно перед Левой, и я решила: одолею! Пусть не пойму, но прочту.

— Э, Майка! — окликнул меня вновь явившийся, вновь сияющий Груздь. — Галстук дашь? Я своим царапину перевязывал. У Брунэта увел красный кусок — примерю да вырежу.

— Конечно! Будут приз вручать, а ты не при параде. Неси материал — сделаю.

— Нет, что ты! Я сам. Самообслуживание!

Я забежала в корпус, вынесла ему свой пионерский галстук.

Возвратясь минут через десять, Груздь вызвался повязать мне мой галстук.

— В знак благодарности за все, — пояснил он свое желание.

Он завязывал галстук, а я — трусиха! — посматривала по сторонам: не видит ли кто?

— Спасибо, Витя.

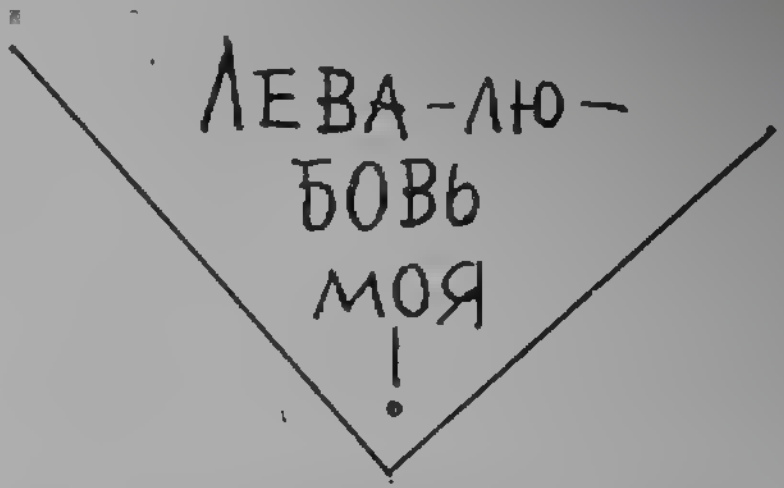
— Кушай на здоровье!

Пока шла линейка, за моей спиной шушукались и хихикали. И я, счастливая дура, время от времени оборачиваясь, спрашивала: «Что? Вы что?» — «Потом, Майка, узнаешь», — все же успокоила Лю-Лю и поперхнулась смехом. И все, кто рядом с нею стоял, засмеялись громче положенного. И я туда же, за компанию.

— Логачева! Команда «смирно» тебя не касается? — раздался голос Эльвы, Эльвиры Кондратьевны, начальницы лагеря.

Я приняла стойку «смирно». И все равно улыбалась — так мне было хорошо.

А после линейки убежала в лес и, плача, закопала свой галстук. В его большом, наспинном, углу фиолетовыми буквами было написано:



В лагерь вернулась после отбоя, молча залезла в постель. Впрочем, никто ни о чем меня не спрашивал. Где была, что делала — всем наплевать. Даже Козловой!

Я долго не могла уснуть.

Им было весело. Особенно мальчишкам. И особенно — Чемпиньону. Прикинулся бедной овечкой, галстук сам повязал: «Кушай на здоровье». Скушала...

А Галкин. Будто его не касается...

Глава 2

СЕМЬ ДНЕЙ СПУСТЯ

Миновала неделя.

Глава 3

«СПАСИТЕ, МАЛЬЧИКИ!»

В полдвенадцатого ночи я вышла из корпуса.

Дождь мрачно шумел в деревьях, бубнил на кровле, хлопал в невидимой луже.

Невдалеке от корпусов нашего отряда высился столб с фонарем. В желто-зеленом круге под столбом, блестя и сверкая, шевелилась трава. Рядом с фонарем таинственно шептала громада подсвеченного тополя.

По другую сторону Звездной площади, в домике начальницы лагеря, пробиваясь сквозь черные заросли сирени, мерцал огонь.

Набросив куртку на голову, я рванулась под дождь. Лохматая тень догнала и перегнала меня и, вдруг уменьшившись, застыла на деревянной стене библиотеки. Это была моя тень. А все равно жутковато.

Собираясь с духом, я постояла у лестницы, ведущей к мальчишкам. На первом этаже библиотека, на втором — их спальня.

Из тьмы трижды тявкнул лагерный пес Радар.

— Кто там? — тревожно спросил неблизкий мужской голос и на всякий случай пригрозил: — Вижу, вижу!

Спрашивал и грозил Иван Агафонович, ночной сторож.

По широкой наружной лестнице я взлетела на второй этаж, на цыпочках прошла веранду и замерла у двери.

Вода стекала с куртки, капала на босые ноги.

Как я и думала, мальчишки еще не спали. Кто-то «с выражением» декламировал прозу. Прислушавшись, я узнала голос Вити Груздя. После отбоя он чаще других рассказывал страшные истории. А уж в такую-то ночь!..

Я постучала. За дверью стихло, потом — голоса: «К нам, что ли?» — «Показалось». — «Да нет же, стучали». — «Ладно, валяй дальше, Витек!»

Я постучала еще раз. И вдруг рядом, сразу за дверью, громко сказали: «У нас все дома!» Говорил Белоштанный Петя, он же Красавец. Его кровать стояла почти у самой двери.

— Пустите, мальчики! Бегом! — панически сказала я.

Щелкнула задвижка.

Темно, как в подвале нашего дома. Темно и душно. Лишь тускло мерцает окно, что справа от входа. Будто се-

куиду назад выключили телевизор, но экран еще сереет.

— Ой, спасибо! — сказала, облегченно вздохнув.

— Майка? — удивился Галкин Лева, он же Сова. — Случилось что?

— Ха! Явление Логачевой народу! — радостно завопил Чемпиньон. Можно подумать, только меня и ждал.

Тьма наполнилась шуршанием, скрипом, гулом.

— Мальчики, милые, спасите! — дрожащим голосом взмолилась я. — Что-то страшное заглядывало к нам в окно. А девчонки спят. Ужас! Можно, я у вас побуду?

Мальчишки загалдели. Им понравились мои страхи.

— Ха! Ужасное! Заглядывало! — передразнивая меня, якобы уточнил Чемпиньон. Его тон выдавал бесстрашие и неверие. — Вот еще, Бормудский треугольник!

— И не побоялась — одна на улицу?! — спросил Лева. Всезнайка, он не поправил Чемпиньона: не Бормудский — Бермудский. Он был восхищен моим поступком. И этим как бы признавал: я, Галкин, никогда бы не решился на такое!

— Вам-то хорошо, к вам никто не заглянет: второй этаж, — толково объяснила я. — До вас не добраться, стены мокрые, скользкие.

— Подъем, мужики! — скомандовал Чемпиньон. — Осмотр окрестностей! А то Логачева и домой уедет, уверенная, что к ней приходило привидение.

— Ага, — мрачно отозвался Кузя. — Под дождем мокнуть. Была охота!

Я заверила, что ничего мне не надо, кроме стула. Посижу с полчасика и уйду. Без провожатых.

— Ну уж это ты брось, — лениво, но твердо сказал Красавец. — Мы все тебя проводим. Проводим даму, Сова?

Что-то грохнулось. После секундной паузы мальчишки возбужденно загалдели. Подумали, однако, о привидении, а оказалось: Лева стул опрокинул.

— Вот. Посиди пока, — сказал мне Лева, подсовывая стул.

В углу кто-то пискнул, хихикая. Послышался мягкий удар: кто-то кого-то шмякнул подушкой.

— Так что померещилось-то? — небрежно спросил Чемпиньон: я, мол, не верю, но забавно.

И все успокоились. Только в дальнем углу, перешептываясь, кто-то тихо смеялся.

Сквозь открытые форточки доносился ровный гул дождя. Темно в комнате. Лишь сереет окно, чуть обозначенное рассеянным светом надворного фонаря.

— Не томи душу. Излагай! — теперь уже требуя, сказал Чемпиньон.

Комната умерила дыхание.

— Ой, кто-то ходит, — паническим шепотом ответила я Чемпиньону. — Под окнами.

Комната перестала дышать.

— Вроде бы... Ага... Слышите? — осторожно подтвердил Красавец.

— Ха! Дефектив! — веселясь, громко сказал Чемпиньон. А объяснил вполне серьезно: — Сторож, однако. Или студенты гуляют.

Тем самым и он подтвердил, что «кто-то ходит».

— Они что, дураки, что ли — гулять под дождем? — себя и других пугая, сообразил Кузя. Молодец!

За окнами шумел, хлюпал, возился дождь.

Вдруг ухнула, застонала ночная птица.

Далеко, в Горелой Заимке, лаем зашлись собаки. Кто потревожил их в такую ночь?

Казалось, лагерь не спит — притаился, ждет чего-то...

— Знаете историю про Черного Скитальца? — тихо спросила я. — Нет? Это главная тайна Горелой Заимки.

Глава 1

ЛЕГЕНДА О ЧЕРНОМ СКИТАЛЬЦЕ

— Ну, так слушайте... Давным-давно, в одна тысяча каком-то году на Барнаульском сереброплавильном заводе работал мастер Матвей Петров. Никто точнее Матвея не мог определить время, когда жидкое серебро надо отливать в формы. Как Матвей у печи — идет серебро разнавысшей пробы. И какое серебро — золотистое! Продают слитки всех прочих мастеров — одна цена, продают слитки Матвея — в два раза дороже!

Доложили про Матвея самому Демидову, хозяину рудников да заводов на Урале и Алтае. Взъярился Демидов: «Почему раньше молчали? Подать сюда этого Матвейку!»

Пока бегали за Матвеем, Демидов счеты в руки — щелк-щелк! — взъярился пуще прежнего. «Ворюги! — кричит. — Средь бела дня грабют!»

Привели Матвея. Усадил его Демидов за стол, чаем с баранками угощает да приговаривает: «Не робей, братец! Сахарку-то вволю клади. Хошь вприкуску, хошь вразмешку, а хошь все разом».

И приятно Матвею, и боязно. Видано ли: он, работный человек, расселся, как барин, сам Демидов ему баранки подает, а большие начальники, генералы да полковники, столбами стоят, навытяжку.

Примостился Демидов рядом с Матвеем, спрашивает ласково: «Каковы, братец, жалобы? Чем недоволен?» — «Что ты, ваше превосходительство, всем премного благодарен! И чай скусный, и бублики знатны». — «А я, братец, тобой недоволен, — говорит Демидов. — Скрытничаешь и тем обижаешь». Насторожился Матвей, а Демидов дальше речь ведет: «Я русский человек, а не какой-нибудь хитрец иноверный, и допрежь всего честный труд почитаю. Ты мне хороший работник — я тебе хороший хозяин. Почему не зашел ни разу, не попросил чо-ни-то? Как зарпла-

та — хватает?» — «Рублишко бы не лишко», — говорит Матвей. Оборачивается Демидов к самому толстому генералу: «С сего дни Петрову Матвею положить зарплату в два раза более прежнего».

Не ожидал Матвей такого оборота, бухнулся Демидову в ноги: «Благодетель!..» — «Встань, братец, — ласково сказал Демидов. — Знаю: жена у тебя, сын и дочь, а живете в худой конуре. Велю кедрову избу рубить. Говори же, где ее ставить? Как скажешь, так и будет!»

Видит Матвей, хозяин не шутки шутит, и оттого слова молвить не может. Хлебнул чаю горячего — не помогло. Лишь вода холодная в чувство привела, речь вернула.

«Приглянулось одно местечко, — заговорил Матвей, — чиста речка журчит, добрый лес шумит, сладка ягода красуется, всякого гриба вдосталь, всякого зверя во множестве. А пуще всего то место любо, что саму большу отраду с женой там нашел — доченьку мою, Настену светлу...» — «Где же оно, место такое? Сказывай — через неделю влазины справлять будешь!» — «Ежели по Барнаулке, то вверх километров тринадцать».

— Не! — вмешался Кузя. — Тогда были... ну, как их?

— Версты, — подсказал Чемпиньон и сердито одернул: — Не вылезай, полуглот! — И мне поощрительно: — Ну-ну!

— И велел Демидов тощему генералу: чтоб изба, как игрушка, стояла. И чтоб остальное, что для хозяйства требуется, соорудить. И чтоб каждую субботу Матвея отвозить на ту заимку, а воскресным вечером доставлять в Барнаул. И все — за счет завода.

— Ух ты! — не сдержался Кузя.

— Опять? Глохни! — пресек его Чемпиньон.

«Доволен ли, братец? — спросил Демидов. — А коли так, позволь и мне об одной малости тебя просить. Как и все, ты работаешь по двенадцать часов. Но теперь ты не как все — наособицу. То ж и работа. Вот, скажем, осьмнадцать часов в сутки — сдюжишь?» — «Сдюжу, ваше

превосходительство! Рад бы и все двадцать, да, боюсь, сил моих не станет». — «И на том спасибо, братец... Дайте ему фунт сахару и — с богом!»

Увели Матвея, а Демидов снова за счеты - щелк-щелк! — все сходится: если бы Матвею за его лишние шесть часов каменный терем поставить и зарплату втрое увеличить, все одно через три месяца к Демидову пошли бы большие тысячи рублёв лишку.

— Во, гад! — возмутился Красавец. И никто его не одернул.

— Как велено, так и сделано... Больше и лучше прежнего работал Матвей. И не выдержали его глаза, ослеп мастер. Различает день да ночь, солнце видит, если прямо на него глядит. Теперь Матвей работал без закопченного стеклышка: левый глаз прищурит, а широко открытым правым за плавкой следит. И странное дело: точнее точного стал работать Матвей, его слитки теперь были в три раза дороже всех остальных.

Английский профессор, самый искусный специалист по драгоценным металлам, приехал в Барнаул, чтобы выznать секрет русского мастера. Но как ни бился, как ни хитрил — не выведал секрета. «Сэр Петров есть талант. А талант не есть вещь — не передается», — сказал англичанин Демидову, а Демидов — начальнику канцелярии: «Матвейку — ко мне!»

Привели Матвея под руки, усадили. Демидов и говорит, смеясь: «Тут аглицкий гость, хоть и профессор, а оценил тебя. Но я это сделал раньше — верно, братец? Как здоровье-то?» — «Что об моем здоровье говорить? О детях дума. Вот Настену, солнышко мое, вскорости замуж отдаю». — «И кто жених?» — «Ванюша, крестьянский сын. Из Лебяжьей деревни». — «Ну, братец, на свадьбе твоей дочери весь Барнаул гулять будет!» — сказал Демидов.

В назначенный день приезжает на Матвееву заимку роскошный фаэтон (это как теперешняя «Чайка»), драгуны на конях гарцуют. Посадили молодых, впереди эскорт, сза-

ди эскорт — умчались в город. А родителей на заимке оставили: отец слепой — все равно ничего не увидит, мать приболела — нечего праздник портить.

Глянул Демидов на молодую — обомлел. Что за прелесть! Ни в Москве, ни даже в Санкт-Петербурге подобных красавиц не видывал. Нет, слишком лакомо для Ивана. Кончится свадьба — Ваньку в кандалы да в темную! Всегда кака-никака вина сыщется.

— Во, гад! — возмутился Красавец. И никто ему не перечил.

— Сыграли свадьбу и повезли Настеньку домой, а она слезами умывается: «Где ты, сокол мой ясный?» Рядом, в фаэтоне, сидел офицер. Всю дорогу молчал, а приехали — он и говорит: «Простите, барышня, но ваш жених, вор и преступник, не вынес порки. Так что не извольте напрасно беспокоиться».

Мать узнала про такую свадьбу, всплеснула руками и преставилась. Умерла, значит.

Назавтра был понедельник, а потому офицер, который сопровождал Настю, в обратный путь должен прихватить Матвея: работа не человек, ждать не может. «Никуды я не поеду», — тихо сказал Матвей. «Бунтовать?! — вскричал офицер. — Да я тебя...» И вдруг осекся, зашептал: «Сатана! Господи, спаси и помилуй!» Перекрестился судорожно и — задом, задом — вон из темной горницы. Кони с ходу вскачь, унесли напуганного офицера.

Настенька потерянно стояла у крыльца, а Матвей сидел в темной избе, возле покойной. Во мраке он и впрямь был страшен: ресницы и зрачки светились, как плавленое серебро, а белки мерцали черными каменьями; левый глаз прищурен, правый — широко открыт. В глубине правого зрачка тяжело бурлил золотистый металл.

«Сынок! — позвал Матвей в темноту, но никто ему не ответил. — Не вернулся еще... Каки его годы, а знал: худом выйдет барская затея. Стариков, однако, не всегда слушать надо...»

В понедельник приехал сам Демидов.

Отец и дочь сидели у покойной. Горели свечи.

Зайдя в горницу, Демидов перекрестился, повел шапкой — двое солдат, грохоча ботфортами, тяжело внесли кованый сундук. За согнутыми солдатами выступил офицер.

Демидов указал на святой угол — сундук поставили под иконы, офицер положил на него красный сверток, перевязанный золотистой лентой. Сделав это, вышли служивые, будто их вовсе не было.

«Горе-горюшко, — печально молвил Демидов. — Все под богом, на все воля божья... Матвей! Под образами пуд серебра золотистого да тысяча рублев в придачу. Это — тебе. А мне — Настасью». — «Ирод», — сказал Матвей. «Напрасно, раб, напрасно, — ласково ответил Демидов. — Дочь твою не на каторгу — на счастливую жизнь беру. По-людски хочу, по-божески. Увезу в столицу — там все, что душе угодно, и все самое дорогое». — «Самое дорогое вы уже взяли», — сказала Настя. «Тебя, ладушка, не спрашивают... Матвей! Все я тебе, а ты мне — что? Дочь прошу осчастливить, и то супротивничаешь. Гляди, Матвей!.. До вскорева!»

С тем и уехал.

Рудный обоз в Барнаул вернулся, вместе с обозом Матвеев сын прибыл. Ждали его к похоронам.

Хоронили втроем. Кроме них, никого не было, даже священника.

«Красное ли место, сынок?» — спросил Матвей. «Рядом речка, отец. Но маманю не зальет, на пригорке она». — «Сухо и мягко. Обижаться не будет, однако», — сказал Матвей.

Поставили крест и долго-долго молчали. «Ну, прощай, маманя. Прощай, отец. И ты, сестричка, прощай. Мне в другую сторону». И пошел парень к лесу. Оглянулся у опушки, крикнул чистым голосом: «О тебе молюсь, Настенька! Но век мой недолог — я мстителем буду!»

В ночь с 23 на 24 июня Матвей поджег заимку.

Высокое пламя с ревущим стоном тянулось к черному небу.

Обнявшись, Матвей и Настя молча смотрели на огонь. Матвей начал различать оконные проемы, брусья. И вдруг подумалось: если он видит, значит, накал хороший, еще малость и — не зевай! — время плавки, пора леток бить...

«Платочек! Ванюшин подарок!» — вскрикнула Настена и взлетела на крыльцо, прошла сквозь золотисто-красный полог. Жар был таким ярым, что слепой Матвей увидел все...

И он медленно пошел к дому. Он годами смотрел прямо на огонь, а телу к жару не привыкать. Последнее, о чем подумал: Настеньки уже нет, а серебро — зло бесовское — еще долго будет самим собою, пока не расплавится, да и за него, переплавленного и худого, люди друг другу глотки будут рвать. И что им до души Настены? И до моей тож?

На пожарище и окрест люди поставили дома, выросла деревня, которую издавна называют Горелой Заимкой. Ее старожилы рассказывают, что в ночь с 23 на 24 июня по улицам бродит черная тень, лишь глаза горят лунным блеском. Черным Скитальцем назвали бродягу. Издали, молча разглядывает он девчат и парней, иногда смотрит в окна, если за ними есть молодые. Будто бы до сих пор жива старуха, которая в юности даже слышала Черного Скитальца: «Не с вами ли моя Настенька? Платочек — знак Ванюшиной верности ищет...»

Глава 5

СТРАШНАЯ МЕСТЬ

— Бабушкины сказки, — зевая, подытожил Чемпиньон. — Кто что, а я дрыхнуть. Спасибо за снотворное, Логачева. Доконала.

— Не фуфрысь, Витек, не муфрысь. Не надо, — сказал

Красавец. — Это не твои рассказы ужасов: гробы да скелеты, скелеты да гробы.

— Ха, Белинский! — проворчал Чемпиньон. — Не устраивает — заткни уши.

— Пацаны! — внезапно заорал Кузя. (Так кричат «караул!») — Эта ночь та самая!

— Тю на тебя! — сказал Чемпиньон. — Уснешь с таким!

— А ведь точно: ночь на 24 июня, ночь Черного Скитальца, — то ли удивляясь, то ли восторгаясь, подтвердил Лева «открытие» Кузи. — Она самая.

Отведя руку назад, костяшками пальцев я легонько стукнула в дверь.

— Тс-с, кто-то к нам...

Тишину разорвал восторженный вопль:

— Ура! Матвей пожаловал! Милости просим, Черный Скиталец!

— Нет, будет колоссально, если... — воодушевленно зазвенел Левин голос и — оборвался...

В окно, в тускло освещенное окно на втором этаже, кто-то постучал. Не показалось и не померещилось. Явственный стук услышали все. И все мгновенно затаились.

По-иному, таинственно и угрожающе, шумел дождь. Там, под дождем, появилось нечто, оно пришло к нам, заставляло нас сдерживать дыхание и думать о том, что сразу за корпусом начинается лес, уже ночь, и сторож, однако, спит. А ведь есть же что-то такое, о чем люди еще не знают, и не исключено, что вот оно, рядом, под окном...

— Если б кто чужой, Радар голос подал бы, — осторожно нарушил молчание Чемпиньон.

— Он — тень. А тень собачий нюх не возьмет, — напуганный собственным выводом, обреченно сказал Лева.

— Кто «он»? — прошептал Кузя.

— Мастер — кто ж еще!

Молчание.

— Э, гляди на окно, — еле слышно призвал публику Красавец.

По ту сторону окна — черный силуэт мужской головы. Опущенные уши зимней шапки чуть шевелятся под дождем. В глазах — страшный мертвый огонь: зрачки и ресницы горят, вместо белков — черные провалы. Левый глаз прищурен, правый — широко открыт. Черный Скиталец!

Даже я малость оробела. А каково мальчишкам?!

— Это что за маскарад? — раздался внизу ликующе-грозный голос Брунэта.

Черный Скиталец мгновенно исчез.

Под окнами — визг девчонок, шлепанье босых ног.

— А вот я тебя по одному месту! — явно на бегу грозил Брунэт. — Не уйдешь! Козлова? Хорошенькое дело — парней стращать!..

А здесь, в комнате, что здесь творилось! Ее население будто увеличилось в сто раз. Крик, смех, визг — и все разом!

— Еще чуток — заорал бы!

— А-ха-ха!

— Ну, тетки! Ну, напугали!

— Гад буду, ни вот столечки не испугался! (Врет! Все перетрусили. Все!)

— Ой, умора! Ой, молодцы!

Никто не заметил моего ухода. Не до меня: народ праздновал свое «спасение».

Под фонарем, вокруг столба, ошалело тявкая, носился Радар.

Прихрамывая, спешил ночной сторож Иван Агафонович. «Нарушаем? Кто? Чего?» — спрашивал он. Но некому отвечать: девчонки и Брунэт уже в нашем корпусе. Там ярко вспыхнули окна. Сейчас Брунэт скомандует: «Все по местам!», увидит пустую кровать и, возложив руки на янтарную шевелюру, воскликнет: «Опять эта Логачева!»

Терять было нечего. Я рванула дверь, пошарила выключатель — да будет свет!

Жмурясь, мальчишки уставились на меня.

И на мгновенье увидела себя со стороны. Как в кино: стою, гордая и решительная, с левой руки свисает мокрая куртка, а правая, в красивом жесте вскинутая вверх (точь-в-точь Плисецкая!), взывает к тишине. И на мгновенье — парисска несчастная — я понравилась себе.

Глядя на Чемпиньона, я возвестила ледяным тоном:

— Это была месть! — Но закончила по-девчоночьи, чуть не плача: — Да, да! Будешь знать, как писать глупости... Струсили? Все струсили! Только насмехаться умеете. Вот!

Смотрела на Чемпиньона, на Витьку Груздя, но заметила, что Лева помрачнел, потупил глаза. Не понравилось. Ну да, если тебя уличают в трусости...

Хлопнув дверью, я удалилась. Теперь уже навсегда!

Я медленно спускалась по лестнице.

Внизу, по мокрой дорожке, стремительно шел Брунэт. Иван Агафонович, стоя под фонарем и явно приглашая Брунэта к беседе, рассуждал:

— Погодка — только храпеть без задних ног, а они, слышь, отрицательные факты вытворяют.

Брунэт — ноль внимания.

А я — ноль внимания и на сторожа, и на Брунэта. Я, кажется, начала понимать, что смутило Леву. Назвав глупостями слова, написанные на галстуке, я как бы перечеркивала их смысл.

Глава 6

ЧЕРНЫЙ СКИТАЛЕЦ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

— Прямо-таки по Гоголю! — торжественно возмутилась Эльвира Кондратьевна, когда Брунэт рассказал о моей выходке (значит, девчонки выложили ему все, печально). — Учим на свою голову!

Она, Брунэт, Иван Агафонович, Радар и я стояли под фонарем. Эльвира была в сарафане и босоножках. На ее плечах радужными блестками вспыхивали капли дождя. Под дождем, пошедшем, кстати, на убыль, она появилась позже всех, но ее короткая стрижка уже потемнела и прядками липла ко лбу.

— И-и! — взвизгнул Иван Агафонович. — Это, помнится, пред войной, ночью, ага, мы телегу на избу Гришака способили — это смеху! Почище КВН!

Он хвастался своей молодостью. А Эльвира, однако, решила, что нас выгораживает, и, сурово нахмурясь, пресекла эту попытку: «Ну, милый, слишком кстати!»

— А я чо, говорю, чо так и надо? — нашелся Агафоныч.

— Не-эт, последнее лето в лагере! — поклялась Эльвира Кондратьевна. — Десяти месяцев школьной колготни предостаточно! Отпуск — и в Сочи или на Телецкое озеро, как все нормальные люди!

Ее громко поддержал Иван Агафонович:

— Кого хочешь допекут, ага. Вы не согласны — я тем же макаром! Чтобы здесь мантулить?! Да никакими коврижками...

— Громче нельзя? — шикнула Эльвира Кондратьевна. — Дети же отдыхают.

Ни в одном из корпусов не горел свет, но я знала: наш отряд взахлеб обсуждает вечерние известия.

— Гипердинамический тип, — глядя вниз, на мокрые кроссовки, солидно начал Брунэт.

— Об этом — в отсутствие ребенка, — сказала Эльвира. И распорядилась: в совхоз на прополку укропа Логачеву не брать; с утра пораньше отправим ее на кухню, картошку чистить.

Картошку так картошку. Главное, что я — гипердинамический тип. А что? Очень даже ничего!

— То так, сынок, — вдруг сказал Иван Агафонович, опять же поддерживая Эльвиру, — чо бы там и когда ни как — детишек обзывать не гоже.

И все внимательно посмотрели на Ивана Агафоновича. Даже Радар посмотрел и, вильнув хвостом, тявкнул: «Извини, но я бы назвал ее по-иному». Многие считали Радара глупой дворняжкой, а мне он нравился: просто иногда поступал не по-собачьи.

— Ох, простите, Эльвира Кондратьевна! — сказал Брунэт и начал снимать свою импортную серебристую куртку.

— Спасибо, спасибо! — испугалась Эльвира. — Я превосходно себя чувствую.

— Ну, я на объект, однако. Служба! — вздохнул Иван Агафонович.

Малость помолчали.

— Да! — как бы вспомнив, тихо воскликнула Эльвира. — А где реквизит, Олег Николаевич?

— Что?

— Ну, это... пугало.

— Под окном. Как окликнул девчонок — они бросили его и деру.

— А ну! Полюбуемся на искусство Логачевой.

Мы оставили светлый круг под фонарем и погрузились во тьму. Нагнувшись, Брунэт принялся руками исследовать место происшествия.

— Майя, ищем-то здесь?

Он сказал «ищем», хотя искал один, а Эльвира Кондратьевна и я стояли рядом и ждали.

— Ну! — ответила я и посмотрела вверх: да, мы под тем самым окном.

— Странно, странно. Более того — странновато, — шелестя травой, продолжая поиск, обеспокоился Брунэт.

— Иван Агафонович, вы где? — громким шепотом позвала Эльвира Кондратьевна.

— Здеся мы! Здеся! — возвестил Иван Агафонович. Оказывается, недалеко ушел.

— Потише! Сколько можно? Фонарик с вами?

— Кажись, был, однако. Имеется. Бегу!

Первым явился Радар. Он юркнул к Брунэту.

— Вот он, я, вот он, фонарик, — сообщил Иван Агафонович. — Я его, считай, не жгу. Батарейки-то дефицит. ные, сами сказали.

Пошарив лучом фонарика, Эльвира спросила, какая она, эта штука.

— Нечто достаточно крупное. Голова и грудь в натуральную величину, — доложил Брунэт.

— Не иголка. Может, спрятали? А, Логачева?

— Вот еще! Как спрячешь? Олег Николаевич видел: по лестнице я от мальчишек шла.

— Да, был такой случай в нашей жизни, — подтвердил Брунэт, вглядываясь в траву.

— Ищи, Дружок! — скомандовал Иван Агафонович. Дружком он называл Радара.

Радар посмотрел на сторожа, заскулил: «Бесполезно искать то, чего нет».

— Очевидное—невероятное, — задумчиво произнес Брунэт. — Что бы это значило?

— Вора не было, а вещь украта, — хихикнул Иван Агафонович.

— Логика подсказывает: был вор. А где же был сторож? — сказала Эльвира. На ее лице — ни тени веселья.

— Украли не вещь, а Черного Скитальца. И не украли, а, получается, сам ушел. Единственно возможное объяснение!

— Бесподобно! — возмутилась Эльвира. — Пожалуйста, без мистики, Олег Николаевич!

— Шучу. Шутка!

— А дело-то не шутейное, однако, — очень и очень серьезно сказал Иван Агафонович. — Я об ём, черный-то который, еще в малости слыхал, ага. Так навроде самая что ни на есть фактическая правда.

Сразу за лучом фонарика — рукой подать! — черная стена ночного мрака. Таинственно перешептывались деревья и травы. Из-под брезентового капюшона Иван Агафонович вглядывался в темноту близкого, но невидимого ле-

са. Я хотела сказать, что о Черном Скитальце он не мог слышать: эту легенду придумали мы с бабушкой, и впервые я рассказала ее сегодня. И самого Скитальца («реквизит») по моему рисунку делала бабушка. Но вдруг — то ли я приболела, то ли перепсиховала? — вдруг почудилось, что не Иван Агафонович говорит неправду, а я — я обманываюсь. Будто и я давно-предавно слышала (от бабушки?) или читала эту историю... Такое невозможно придумать — такое можно лишь вспомнить.

— Может, он и вправду ушел? — неожиданно, помимо своего сознания брякнула я.

Первой опомнилась Эльвира Кондратьевна:

— Бесподобно!

— Такой поворот! — изумился Брунэт. — Черный Скиталец — не миф, а реальность. Не соскучишься! Вернусь в институт — потешим публику.

— Но в данный момент вы на педагогической работе, которая все двадцать четыре часа... — сердито начала Эльвира Кондратьевна. И — умолкла.

Глава 7

ОН ВЕРНУЛСЯ!

Радар тихо, но грозно рычал.

Непрерывный рык клокотал в его груди. Никогда не слыхала, чтобы собака так серьезно кому-то угрожала.

Эльвира Кондратьевна осветила Радара. Он явно кого-то чуял или видел и пристально, не отрывая глаз, смотрел в его сторону или даже на него самого. Всегда вислые уши — торчком. Шерсть — дыбом. На загривке она чуть шевелилась, вспыхивая мелкими синими искрами. Не забавный песик — свирепый зверь стоял рядом с нами.

Я вцепилась в руку Эльвиры. Она прижала меня к себе и слишком спокойно сказала:

— Ну, девочка, ну что такого? Ну, лес. А в лесу белоч-ка, бурундучок...

— Дайте-ка фонарь, — нисколько не волнуясь, сказал Брунэт. — Посмотрю, что за гость.

— Кыш! — неуверенно шикнул Иван Агафонович. — Дружок, взять его!

Радар, утробно рыча, не двигался с места. И я поняла, что никуда он не пойдет, но, если потребуется, погибнет, а к нам никого не подпустит.

И здесь —

с треском ломая ветки, КТО-ТО кинулся в глубь леса;

яростно взвизгнув, Радар бросился в ЕГО сторону;

вздрогнув, Эльвира Кондратьевна крепко обняла меня.

Все это — вдруг, разом, одновременно. Во всяком случае, так мне показалось.

Первое, что я услышала, был голос Левы Галкина: «Э, что там?» Но ведь его не было с нами. Со страху что не померещится...

— Спите, ребятки, спите. Ничего не случилось, — в меру громко ответила Эльвира Кондратьевна. И шепотом мне: — Тоже пора. Баиньки, девочка, баиньки. Я провожу тебя.

Я действительно порядком напугалась, если забыла, что мы стоим под открытой форточкой, и, конечно же, мальчишки прислушивались к тому, что здесь происходило.

Наконец-то шепотом заговорил и Иван Агафонович:

— Чтоб волк или там рысь — ни-ни! Мясоеды-хищники шумно не ходят, ага. Сохатый, однако. А то, слышь, и ОН, тот самый... Ружьишко бы мне, Кондратьевна. По штату положено.

Эльвира попросила, чтобы о случившемся помалкивали, а то родители шум подымут, чего доброго, следующий заезд сорвется. А сторожу сказала, подслащая улыбкой:

— Ружье, говорите? Да милый вы мой, у вас же отличная сторожевая собака. Бесподобный пес! А вы — в палатку.

— Кака така паника? Обижаете! Я на него, на вражину, сам поперед Дружка хотел идти. Жаль, сбежал паразит.

— А я, честно говоря, труханул, — сказал Брунэт. — Острый моментик, приятный. Есть что вспомнить! Да-а, моментик!

Он тихо засмеялся, и всем стало хорошо.

Радар, что-то вынюхивая, семенил вокруг столба. По-моему, он помнил о встрече с незнакомцем, но делал вид, будто ничего такого не случилось, будто для него это обычное дело — отпугивать лесных пришельцев.

— Реквизит-то не оприходовали, — напомнил Брунэт.

— Какой реквизит? — удивилась Эльвира. — Ах, да!.. Завтра, завтра, а сейчас — спать.

— А мне — служба, — печально молвил Иван Агафонович. И оглянулся на близкий, но невидимый в ночи лес, вроде силился узнать: кто там шастает и явится ли вновь? — Охо-хо, вся надежда на Дружка.

Глава 8

ТРИУМФ ПРОФЕССОРА В. В. ДЕНИСОВА

А в корпусе меня ждали. И, вернувшись, я тут же и обо всем рассказала девчонкам.

«Вся надежда на Дружка», — эхом повторила Козлова и вдохновилась:

— Лю-Лю, твой священный долг — сделать картонную медаль «За спасение Брунэта» и на голубой ленте повесить на шею Радара.

Дружным смехом девчонки одобрили эту идею.

Тут соль была вот в чем. Однажды, после похода на озеро Круглое, Люся шире обычного распахнула голубые глаза и, поводя шикарными голубыми бантами, сообщила:

«Кончится смена — как жить без этого брюнэта?» С тех пор и пошло: «Брюнэт».

— Вот ты, Наточка, и сделаешь медаль. Ты же у нас художница, — рассердилась Лю-Лю. — И Олежка тебе нравится. Не вижу, что ли? Нашли дурочку!

— Ну да! Я сделаю, а ты донесешь. Ты же, Люсенька, у нас доносчица. Зачем Брунэту разболтала? Сама же ходила с чучелом и сама же донесла.

— Спрашивает человек — что же, обманывать, не знаю?

— Зачем? Скажи знаю, но не скажу.

Тогда Лю-Лю бросилась в атаку: захотелось-де Майке перед мальчишками покрасоваться, вот она и приплела байку про Скитальца, всех под дождь потащила. «Что, я не вижу, что ли? Нашли дурочку!» — заключила Лю-Лю.

— Ах, так?! — взвилась Козлова. — А галстук портить — Майке тоже самой захотелось? Ты ее не трожь!

— А то что? Ну что? Носишься со своей Логачевой! «Талант, талант!» А про Скитальца я собственными глазами читала. Такое только в книжках бывает.

— Где читала? — спросила я.

— «Где-где!» Знаем, где.

— И все же? — вновь включилась Ната Козлова. — Вспомни, ну!.. Майка, ты сама Скитальца придумала?

— Да, — нехотя ответила я: не нравился этот допрос.

— Вот! — рубанула Козлова. — Есть предложение: доносчицу и врушу Лютикову поколотить, ее банты изорвать и сказать, что так и было.

— Только попробуйте! Мой папа в милиции работает!

— Фи, напугала! Как же! Не отвертишься — поколотим!

Лю-Лю молчала. Ее и впрямь могли поколотить. Что девчонки? «Драчуны в юбках — нечто новое и противоестественное», — как-то сделала открытие моя бабушка.

И если поколотят, то лишь потому, что, сказав «да», я сказала не все и, значит, солгала. Второй раз по тому же случаю. И, сделав второй ложный шаг, вдруг с ужасом о

напружила: после первого шага возвращение было бы в тысячу, в сто тысяч раз легче. А теперь — нет, не могу, слишком поздно. Один ли, два ли — вроде без разницы. Но как увязла! Недолго думая или почти не думая, от досады и даже злости на себя я вранье перекрыла враньем же, но с противоположным знаком.

— Люся права. Легенду про Черного Скитальца я вычитала.

— Я же говорила! А то — бить. Нашли дурочку!

— Логачева, зачем ты это сделала? — тоном строгой учительницы спросила Козлова. — Ты же врешь, что ты врешь! Талантливые люди не врут, по себе знаю.

С Наташей Козловой я впервые встретилась в горсаду, на сборе перед заездом в пионерский лагерь. Она сразу узнала меня и подошла: «Козлова Наталья». Я смотрела на нее, кругленькую, беленькую, губастенькую, и улыбалась. Не потому, что при знакомстве не принято быть букой (Наталья как раз была очень серьезной), а потому, что тоже узнала свою будущую подружку — задиристую и надежную.

Она вычислила меня на третий день: «У тебя, Майя, есть что-то такое не такое. Ты талант. Будешь писательницей». Сказала так просто и убежденно, что я, мечтавшая стать врачом, сразу ей поверила. И не отпиралась хотя бы из приличия: какой, мол, талант, какая писательница? Это было бы лицемерием и неуважением серьезного разговора. Наоборот, я, помолчав, ответила, что вообще-то мои сочинения нахваливают, одно даже десятиклассникам зачитывали.

Согласна, когда тебе говорят приятное, в это легко верится, но сама про себя все же знаешь: правду тебе подсовывают или нет. Здесь я не сомневалась: правду.

Так вот, перед тем, как идти к мальчишкам, мы все обдумали: я рассказываю им легенду о Скитальце, морально готовлю их и не раньше, чем постучу в дверь (под дверью стояла Козлова), в окне появляется «он самый».

Девчонки попросили меня рассказать легенду, и я рассказала. Тут-то Козлова и объявила, теперь уже для всех, что у меня талант, что как только мы познакомились, ну и так далее... Знаю, что выгляжу нескромной, но, когда пишешь (а я вот сейчас сижу и вместо того, чтобы делать уроки, пишу «Операцию «DR»), ничего нельзя утаивать. Об этом, между прочим, говорил настоящий писатель — Лев Квин, когда выступал у нас в школе.

— Талантливые люди не врут, по себе знаю, — сказала Козлова.

— Еще один талант! — насмешничая, обрадовалась Таня Касьянова. — Папа с мамой надоумили?

— Нет, профессор Виктор Васильевич Денисов, — ответила Козлова. Так ответила, что было ясно: и профессор, и его слова про Козлову — все на самом деле.

— Профессор?! — изумилась Касьянова. — Про тебя: талант? Именно про тебя?

— Да, про меня. И про Лютикову.

— Среди наших знакомых нет профессоров! — огрызнулась Лю-Лю. — Все выдумываете! Не вижу, что ли?

Теперь моя очередь изумляться. Во мне все похолодело. Конечно же, Козлова выдумывает! Разыгрывает, шутит таким странным, таким жестоким манером. А я уши развесила, сопли распустила: мои сочинения нахваливают... Перед кем откровенничала, глупышка? Никому верить нельзя! Противно, хоть сейчас, ночью, вставай и пешком к бабушке.

Но тут — словно радуга в комнату! А всего-то: выяснилось, что Козлова не шутит и не разыгрывает. Просто все подумали, что Козлова лично общалась с профессором. Ведь Лю-Лю повернула на знакомых, а знакомые что делают? Беседуют.

Оказывается, этот самый профессор, выступая по телевидению, авторитетно заявил, что все дети, все без исключения, талантливы, надо лишь обнаружить, в чем этот талант проявляется. А папа Козловой сказал, что это очень

важное, государственное открытие, что скорее всего люди, которых мы считаем дураками, вовсе не дураки, просто они не на своем месте, и коммунизм мы построим лишь тогда, когда изживем это безобразие.

— Какое безобразие? — не поняла Лю-Лю.

— Ну, когда работают не по способностям. Вот ты, например, кем хочешь быть?

— Мама сказала: надо поступать в торговый.

— «Мама сказала». А самой что нравится?

— Не знаю. Петь, однако.

— Такие платья себе наделала и «не знаю»? Ты родилась модельером. Талант! — решительно заявила Козлова. — А про пенье — ни звука.

— Это — что? Я и маму, и соседскую девчонку обшила, сама фасоны придумываю. Ну и что? — скромно поведала Лю-Лю, но было понятно: гордится!

— Талант! — окончательно и бесповоротно решила Козлова. Она задалась целью вычислять способности детей и тем помогать государству.

— А вот и не получается! — сказала Касьянова. — Майка не может врать, потому что талант. А Люська доносчица и тоже талант? Пятью пять — тридцать шесть. Не сходится с ответом.

Но разве Козлову собьешь? Верная последовательница профессора В. В. Денисова и своего отца, слесаря высшего разряда, заслуженного изобретателя РСФСР, она ответила, что все талантливы, надо лишь обнаружить себя. А до того человек, случается, и врет, и подличает. Таланту же это ни к чему, он свободен и независим. Вот и Лютикова, теперь, когда она узнала, кто она, другой стала.

Веки слипались — спать, спать... Лишь хватило сил спросить у Лю-Лю: «Скитальца там оставила, под окном?» — «Тама». Куда же он подевался?

Глава 9

ВСТРЕЧА В БЕЛОМ ДОМЕ (сон).

Вашингтон (ЮПИ). В Белом доме состоялась встреча Президента США с советской школьницей М. Логачевой. Кроме них во встрече участвовали: с американской стороны — Директор Центрального Разведывательного Управления (ЦРУ), с советской стороны — Посол СССР в США.

Стенографическая запись их беседы.

Президент. Ну, что ж, мисс Логачева, признаться, никто так откровенно мне не писал. Ты меня покорила.

Логачева. Приятно слышать. А как насчет конкретных дел?

Президент. Сегодня же поставлю вопрос о сокращении военного бюджета на девяносто девять процентов.

Посол. Бесподобно!

Директор ЦРУ. Ха! Вкусный компот: серная кислота с вишневой косточкой.

Президент (директору ЦРУ). А ты, братец, готовься на пенсию. Получишь очередную медаль и — катись! Совсем, понимаешь, заврался. Спасибо Логачевой — открыла глаза.

Директор ЦРУ. Я больше не буду.

Президент. Да, не будешь, когда выгоню к чертовой матери! (Логачевой.) Извини за грубость, но кого хочешь допекут. Работенка — не позавидуешь.

Директор ЦРУ. Господин Президент, можно вам на ухо? Самая оперативная, самая полная и самая секретная информация о систематическом вранье Логачевой. Только факты. Будучи еще в пеленках...

Президент. Опять липа?

Посол. Майя — правдивая откровенная девочка. Вся в бабушку.

Президент. Господин Посол, передайте своему правительству, что я в любое время и в любом месте готов на

чать переговоры о полном уничтожении ядерного оружия.

Посол. Передам немедленно! Бесподобный день! Если бы не письмо Логачевой...

Президент. Да-да! Вот что значит, без всяких там дипломатических увертюк, без всяких там штучек-дрючек, никаких таких всяких яких, а прямо в лоб — бац! И я ей верю. Поэтому верю.

Посол. Мы, дипломаты, как привыкли? Вместо того, чтобы сказать «не надо!», разводим тягомотину: «К сожалению, ваша акция, вероятно, не встретит понимания с нашей стороны». А Логачева... Не сомневаюсь, что ее письмо откроет новую главу в искусстве дипломатии.

Президент. Вам, профессиональному дипломату, лучше знать. Я вот по какому вопросу: если наши правительства направят совместное ходатайство в Нобелевский комитет о присуждении Логачевой премии...

Логачева. Благодарю. Но категорически против!

Посол. Бесподобная скромность! Вся в бабушку.

Президент. А что бы ты хотела?

Логачева. Быть в пионерском лагере «Салют». И чем быстрее, тем лучше.

Директор ЦРУ. Господин Президент, каким рейсом прикажете отправить мисс Логачеву?

Президент. Она полетит вне расписания на моем президентском «Боинге». Прямо в Барнаул.

Директор ЦРУ (шепотом, потирая руки). Ха! «Рейс моей мечты» — отличное кино! Парни постараются...

Посол. Господин Президент, Майя Логачева полетит на Ил-86. Летайте самолетами «Аэрофлота»!

Логачева. Приятно было познакомиться, Президент. Желаю вам долгих лет жизни. Берегите себя!

Президент (утирая слезы). Спасибо, девонька! А то, может, погостишь? «Кока-колы» попьешь?

Директор ЦРУ (протягивая руки к Логачевой). Погости, Майечка, погости, девочка. Я тебе каньончик покажу...

Логачева (в ужасе). А-а-а!..

— Ты чего? — подняв голову над подушкой, испуганно спросила Козлова.

— Спи, Наташа, спи...

Я пошарила в тумбочке. Письмо было на месте. Галстук, а под ним — письмо президенту США.

Глава 10

СЛЕДСТВИЕ ПО НОЧНОМУ ДЕЛУ

— Куда мог подеваться, ума не приложу!

Утро чистое и прозрачное, как после большой приборки. Лагерь, лес, воздух — все умыто ночным дождем, все улыбается под ранним солнышком, птахи щебечут...

Все радуется, а тетя Нюра, повариха наша, в отчаянии.

— Запропастился, как снег стаял.

Пропал сторож. Ни Ивана Агафоновича, ни Радара. А у сторожа — ключ от столовой.

Эльвира Кондратьевна, тетя Нюра и я стояли у запертой двери, гадали, что могло случиться. Дважды обошли весь лагерь, тетя Нюра даже в туалет стучала — нет Ивана Агафоновича.

Вместе с ночью уходят страхи, при солнце о них думается по-иному. И все же...

Что, если пропажа Черного Скитальца и Ивана Агафоновича — одних сил дело? Иван Агафонович. Как он прощался ружье! А как печально смотрел на лес! Предчувствовал! Славный добрый старик. А Радар? Милый смешной песик. Всех жалко. Хорошо бы, они нашлись (конечно-конечно!), но хорошо бы, случилось что-то невиданное...

Да, знаю: мысли, достойные второклашки. Аркадий Гайдар в шестнадцать лет — почти в моем возрасте! — полком командовал (кстати, в полку сколько человек?), а я... такая, какая есть, и, честно говоря, не расстраиваюсь.

Тетя Нюра, оправдывая себя, рассказывала:

— Надену, думаю, шерстяну кофточку, после дождя

прохладно, поди. А ключ-то в ситцевой! Память дырява... Кофточка попервости надевана, брательник из Алма-Аты прислал...

— Простите, Анна Григорьевна, меня не интересуют эти подробности. Через сорок минут подъем — как детей кормить будем? — И малость помолчав: — Бесподобное легкомыслие! Ну, уходишь — оставь записку. Теперь думай всякое...

Столовая на замке, сторож пропал — волнуется Эльвира Кондратьевна. Оттого ее голос, как у дикторши московского радио — мелодичный и сильный.

— Ох, знать бы! Ох, беда! — Всегда улыбчивая тетя Нюра чуть не плакала.

А я с самого начала не верила в беду, словно шепнули на ухо: ничего страшного. Правда-правда! Может, поэтому в голове — одни глупости. Вдруг, будто впервые увидев Эльвиру Кондратьевну, смотрела на нее, пораженная озарением: такой стройностью и красотой могут быть стройны и красивы только взрослые. Значит, скоро и я?..

Свежее утро, но Эльвира Кондратьевна была в сарафане, слегка вздрагивала от прохлады. И, должно, от возмущения.

Тетя Нюра сняла кофточку и в сердцах бросила ее на влажные перила: мол, из-за тебя, злополучная, все неприятности!

И тут снова меня озарило:

— Так через окно же!

Столовая имела две двери: одна закрывалась снаружи, на замок, а другая — изнутри, на засов. Если проникнуть внутрь, считай, вторая дверь открыта.

Но тете Нюре не везло.

— Как на грех, окна на шпингалетах. Сама закрывала.

Проверили на всякий случай — закрыты окна, прочны запоры.

— Порядок! — сказала я, чтобы хоть чем-то приободрить тетю Нюру. А вышло наоборот.

— Оно так: нет худа — добра не жди, — печально отозвалась тетя Нюра на мое «порядок!». И окончательно себя доконала: — Пожилому да больному все не слава богу.

— Не кокетничайте, Анна Григорьевна. Вам сколько лет?

— Сороковину в августе справлять буду.

— Ровесницы.

— Вот-вот! Вы, Эльвира Кондратьевна, как невеста. А я? Баба, она баба и есть.

А ведь права тетя Нюра, никогда не подумаешь, что они ровесницы. Как же так?

Хорошо было слышать, не слушая, разговор взрослых; а еще хорошо, что есть такое имя — Нюра; надо, не надо, а его хотелось повторять и повторять; так вновь и вновь перебираешь пожелтевшие фотографии из бабушкиного «архива»...

Будто впервые увидев, я смотрела на лес, на небо, на тихие корпуса, на мачту со спущенным флагом, на песок, ослепительно отражающий солнце, на прохладно-синие тени и чувствовала, догадывалась, что во всем этом, в небе, в деревьях, в людях, есть какая-то самая главная тайна, которую — придет час — я всенепременно разгадаю. Никогда не было так хорошо и тревожно. Смеяться хотелось и плакать.

— Чем голодом детишек морить, легче шибку выдавить, — сказала тетя Нюра. И враз просияла лицом и голосом: — Погодим окна-то бить! Слава богу, явился, не запылился!

Сначала я увидела длинную непокойную тень, а потом и самого Ивана Агафоновича. И верно, не запылился. Его плащ был темным от влаги. И Радар был мокрым, отряхивал себя.

Худое морщинистое лицо Ивана Агафоновича виновато улыбалось.

— В чем дело? — строго спросила Эльвира Кондратьевна. Так строго, что дальше некуда. — Ночных приклю-

чений мало? Бесподобно! Попрошу ключ от столовой.

Иван Агафонович, тронув седую щетину и тем хмурь на себя нагнав, тете Нюре ключ вручил, а Эльвире заявление сделал:

— За ночное баловство есть кого шпынять. А я ответчик за матерьяльные ценности. Пропало что — дрючьте, слова не скажу. Все в цельности — вы словам воли не давайте, ага... Но раз тако дело — увольняюсь! На меня комроты так не кричал. Нет, сегодня же — полный расчет и прощевайте!

— Ну, Иван Агафонович, не надо, прошу вас. Ну, голубчик, пожалуйста. Издергалась я и за вас, и за все.

Голубчик опешил от таких слов, заморгал белесыми ресницами.

— Чего уж? Пост оставил — тако дело, непорядок... Однако следствие по ночному делу учинил в аккурате.

Радар лапу грыз, что-то там в порядок приводил, но тут голову поднял: «А нужно ли рассказывать? Все равно не поверит».

— Да? И что же? — полюбопытствовала Эльвира Кондратьевна. Не спросила как начальница, а любопытством загорелась, как все обычные люди.

Тетя Нюра уже замок открыла, дверь распахнула, но в столовую не зашла. Выглядывает из дверного проема: «А ведь что-то случилось! Что? Ну, что же?!»

Иван Агафонович стоял спиной к солнцу (влажный плащ курился помаленьку), а потому Эльвира Кондратьевна ладошку козырьком сделала, глаза затенила, нетерпеливо смотрит на сторожа: говори! рассказывай!

Видя такой интерес, Иван Агафонович даже помолодел и росту прибавил.

— Чуток радвиделось — пошел я в сторону, в которую Дружок серчал давеча. Песик шустрый, мигом все обнаружил, злобой исходит, сам не свой. Место, вишь ли, окаянное... Навроде с ума сдурел!

— Кто сдурел? — напрягаясь, спросила тетя Нюра.

— Дружок. Не я же. Ага, место, говорю, сатанинское — кровищи! Комьями спеклась кровь-то. Ну Дружок практически озверел. Гляжу — след! Песок-то мокрый. Мы по следу, по следу и — вот он! В ивняке лежит, телом тужится, а встать — ни в какую! Дружок к сапогам льнет.

— Никак убили кого! — испугалась тетя Нюра.

— Собственно, кто? кого? что? — отняв ладошку от глаз, зачастила Эльвира Кондратьевна. — Говорите толком!

— Еще ночью докладывал, однако. Все, как есть, по моим словам вышло. Сохатый!

— Лось! — Эльвира Кондратьевна будто черту подвела. И, заметно смущаясь (почему?), спросила: — А Черный Скиталец? Ну, маска-то...

— Пугало которое? Вокрест каждую травинку обшарил — навроде и не было. Сгинул, шельмец!

— Животное где находится?

Задумался Иван Агафонович. Видать, прикидывал, как объяснить половчее. А меня вопросы донимали. «Как же так? И девчонки, и Брунэт твердят, что он остался под окном. Никто его оттуда не брал. Что все это значит? Где Черный Скиталец?»

— Ага! — сообразил наконец Иван Агафонович, развернулся, встречь солнцу руку вытянул. — По прямой километра полтора. У Желтого омута, аккурат у Барнаулки.

Эльвира Кондратьевна взяла сторожа за пуговицу и, пристально взглянув на меня, сказала:

— Молчок. Дети узнают — не удержишь, до чэпэ недалеко. В Горелой Заимке охотинспекция есть?

— Не слыхал вроде. Тута геологи обосновались, они при оружии. Не откажут, поди. Лосятины — неделю весь лагерь кормить. Режим экономии. Было бы у меня ружье!

— Это не выход! — сказала Эльвира Кондратьевна. Очень правильно сказала. — Позвоню в Барнаул — приедут, решат. Может, его лечить будут? Но эвакуируют обязательно.

Глава 11

ТОЛЬКО РАЗ В ГОДУ

— Все будет как в аптеке! — заверила я тетю Нюру, свернула бумажку вчетверо и положила в задний карман джинсов. (Джинсы, кстати, барнаульские, очень дешевые и потому практичные: на чем угодно и сколько угодно валяйся — не жалко!). На бумажке рукой тети Нюры были начертаны номера отрядов и фамилии ребят. Сегодня их было трое.

Я должна проследить, чтобы этим троим (только им!) завтрак был подан в праздничной посуде — деревянных расписных чашках, к которым полагались такие же расписные ложки. По этим чашкам в каждом отряде уже с утра знали, у кого сегодня день рождения. Бывало, сам виновник торжества забудет о своем дне, а тут ему в сказочной посуде кашу подают... А вечером, на отрядном костре, ему вручают лесные цветы, сувенир и в его же честь песни поют.

Рассказывают, что раньше дни рождения отмечали один раз в сезон, скопом чествовали тех, кому повезло родиться летом, — июньских, июльских и августовских.

Это с приходом тети Нюры появился нынешний обычай. Она же и деревянную посуду в барнаульском магазине «Подарки» купила.

«День рождения не нами выдуман — природой установлен, и отмечать его следует по природе. Когда он по правде твой день, тогда и радость не в фальшь, и никого обида не точит. Ведь до голимого насмехательства докатывались! Поют, бывало: жаль, что день рожденья только раз в году. И первый сезон поют, и второй, и третий — и все одному и тому же, который летошный и все сезоны здесь отдыхает. Вот те и раз в году! А кто виноват? Мы, взрослые, которым лишь бы номер отбухать, а что получится, картошка на пару или селедка на меду, — голова не болит».

[illegible] рассказ тети Нюры я переписала из «Алтайской [illegible]», из статьи Г. Соколовой «Только раз в году». Про наш лагерь и тетю Нюру не так и много написано, все равно статья тете Нюре очень понравилась: «Надо же! Все мои слова напечатаны».

Но я забежала вперед. Эту статью я впервые увидела после завтрака, а до того пришлось изрядно покрутиться. Картошку, правда, не чистили — повезло, не было картофельных блюд, но приготовить завтрак на весь лагерь, накрыть столы, накормить сто двадцать человек — это самому надо испытать!

После утренней линейки в столовую, будто три дня не евши, ворвались ребята старшего отряда. Обычно первыми завтракают мальки, но сегодня особый случай: наш отряд идет на сельхозработы.

Я подсела к Нате Козловой и рассказала про лося. Слушали все, кто был рядом. Между прочим, глядя на Лю-Лю, можно было подумать, что я рассказываю о лох-несском чуде.

— Вернемся с укропа — проведаю, — сказала Лю-Лю. — Больных принято посещать.

Я сказала, что к тому времени сохатого, должно, увезут.

— Надейся и жди! — промычал Чемпиньон, жуя салат. Он не поверил, что лося увезут так скоро. И Козлова не поверила, она сказала:

— К тому времени начнется жара. Его, беднягу, жажда замучит. Майя, присмотри-ка здесь ведро.

— Ой, зачем? — как бы удивляясь бестолковости Козловой, воскликнула Лю-Лю. — На нашем корпусе висит же...

— И на нашем, — сказал Лева. — Но — противопожарный инвентарь. Нельзя.

— Ха! Инспектор Грум-Гржимайло! — привычно сострил Чемпиньон и отправил в рот творог со сметаной.

— Мы горели, знаю, что почем, — объяснил Галкин.

— Ладно, будет вам ведро, — пообещала я и умчалась на кухню. На свое рабочее место.

О том, что было ночью, о Черном Скитальце, никто ни слова. Мальчишки, вероятно, из-за неловкости, а девчонки — из деликатности.

Всякий раз, когда за столы садился отряд с «новорожденным», тетя Нюра смотрела в раздаточное окно и шептала: «Лапушки мои».

После завтрака мыли посуду, и я тараторила о том, как хорошо у нас отмечают дни рождения.

Тетя Нюра открыла шкаф для специй, пошарила за банками и достала «Алтайскую правду».

— Похвастаюсь, чего уж...

Тут-то я увидела и впервые прочла статью Г. Соколовой о том, как это важно — правильно отметить день рождения ребенка. Оказывается, в иных семьях об этом дне вообще не помнят (неужто правда?), а в иных дарят детям золотые вещи. Ну и все такое прочее...

Поговорили о статье. Тетя Нюра аккуратно свернула газету и, пряча ее обратно в ящик, сказала:

— Брательнику в Алма-Ату отослать не соберусь. Посмеется, поди, на досуге. — И странно, непонятно закончила: — Миша, земля ему пухом.

Если брат «посмеется», то он, ясное дело, жив. Но если брата зовут Мишой, то он, получается, мертв.

— А кто такой Миша? — спросила я.

— Что? — спросила тетя Нюра.

И все же она услышала вопрос, только он не сразу дошел до нее.

— Так это ж мой братик. Покойный, — сказала тетя Нюра. — Скоро его рождение. Не было такого году, чтобы не справляли Мишин день.

Никто ее не просил, она сама, вытирая посуду, начала рассказывать, как мать, отец и она готовятся к этому дню, какими цветами украшают Мишин портрет, во что сами одеваются, о чем говорят, чем и как стол накрывают... Вы-

ходило, что из года в год одно и то же, — скучно, однако! Но, слушая тетю Нюру, я начинала понимать, что и в однообразии есть что-то такое, что выше веселья и выше всего. Вот солнце ходит по однажды избранному пути. А начни вдруг кренделя на небе выписывать — что было бы от такого «разнообразия»?

Да, еще тетя Нюра поведала о своем брате, который живет в Алма-Ате, работает археологом, потому на Мишин день всякий раз приехать не может — летом у него самая запарка, не до праздников. Но телеграмму к этому дню пришлет, всегда присылал.

О том, что люди чтут дни рождения умерших знаменитостей и всяких основоположников, об этом всем ведомо. Но я никогда не думала, что то же бывает и на день рождения обыкновенного человека. Об этом дне, правда, знают немногие, и все равно...

И здесь я услышала свое имя. Голос, ослабленный далью, тихо, но внятно окликнул: «Майя!» На какой-то миг я почувствовала ток крови — в висках и в кончиках пальцев. Это был голос моей мамы, которую я знаю лишь по фотографиям да по рассказам моей бабушки. Мне и года не было, когда она умерла. И все равно я узнала ее.

Мама... Никогда, ни разу мы не отмечали день ее рождения. Случалось, бабушка вспоминала о нем, однако это было совсем-совсем не то. Как же так? Почему бабушка, мама моей мамы, и я, дочь моей мамы, забыли об этом дне? Не готовимся к нему, не выделяем его. Или бабушка не знает о таком обычае? Или оберегает меня, боится расстроить? Или — что? Но разве я сама, даже и не встретив тетю Нюру, разве я не могла постичь, что без этого нельзя? Отныне и во веки веков буду чтить день, когда пришла в этот мир моя мама.

До ее дня... невозможно представить, как много было всего: весенних цветов и зимних вьюг, ясного неба и грозовых туч; чередовались века, проходили миллионы людей, а мамы все не было и не было. И вот — в тот день! —

вот она, моя мама, пришла. А если бы не пришла? Представить невозможно.

Добрая славная тетя Нюра — спасибо ей! Теперь я с точностью до одной тысячной могла бы сказать, почему она так заботится о пэ-лагерных именинниках. А мы, что же, не сумеем ответить добром на добро? Вот увидите, тетя Нюра, в Мишин день такой сюрприз вам устроим — ахнете! Только нужно спешить — Мишин день послепослезавтра. Каждая минута на счету.

— Теть Нюр, а где укроп растет?

— Укроп? Так у нас же его в достатке.

— Нет, там наш отряд работает.

— Соскучилась? Это хорошо. В конторе, поди, знают. Знаешь, где совхозная контора?

— Теть Нюра, я на часик, а? Очень важное дело!

Глава 12

ВРАГ МОЕЙ БАБУШКИ

— Очень важное, срочное дело! Больше сказать не могу. Секрет, правда!

Громадный мужчина стоял посреди громадного кабинета и, весело недоумевая, смотрел на меня. А я, естественно, смотрела на него. Он в белой рубашке, с закатанными рукавами, при черном галстуке и в очках. Директор! В углу кабинета, в кресле за низеньким столиком, сидела полноватая женщина — белая кофточка-безрукавка. И тоже в очках. Перед женщиной, на столике — бумаги, мини-ЭВМ и счеты. За большим директорским столом, на спинке стула — громадный пиджак.

— Срочное, чрезвычайное, — повторил директор. — Какой, говоришь, лагерь? «Салют»? А мы сейчас узнаем, что за секреты такие.

— Не получится. Телефон у начальницы, а она в Барнауле.

— Опаздываю! Была охота, — тихо и как бы страдая, сказала женщина. И вдруг зашлась скандальным кри-ком: — Да врет она! Не видите, что ли? Совсем обнаглели!

— Нет, не вру, — твердо ответила я и подумала: «Эль-ва в лагере, но то, что дело важное, правда».

Директор подошел к открытому окну, повел головой вправо-влево и рявкнул: «Иван Иванович!»

— Все правильно, — устало сказала женщина и трижды щелкнула костяшками счетов. — На пять тридцать семь выше плановой. И так считала и эдак.

— Беда с ним, — горестно произнес директор. — Что предлагаешь?

— Разнесем. На зерно подкинем.

— Опять химия! Как она надоела! — пожаловался директор и, пройдя за стол, что-то записал в блокнот. — Ничего другого нельзя?

— Все до предела, — ответила женщина. — А зерно позволяет.

— В конце года что будет, забыла?

— Там посмотрим.

— Вот так и работаем, — вздохнул директор. — Через час жду отчетную себестоимость молока. И реальную не забудь.

Вон оно что! Реальная и отчетная. Точь-в-точь против такой дележки в феврале выступила моя бабушка. Жуткие неприятности имела. И имеет. Но не сдается. «Наше дело правое», — говорит. Значит, вот они какие, враги моей бабушки. «Химию» предлагает.

— Разрешите? — В дверях появился рыжий длинноволосый парень. Белая майка с гоночной машиной на груди. И надписью не по-русски: «Авторалли».

— Подбрось во вторую бригаду, — сказал ему директор, кивнув в мою сторону. — Там ребята на укропе. Сколько времени твое дело потребует? — спросил он, уже прямо обращаясь ко мне.

— Минут двадцать.

— Через полчаса доставишь ее к воротам «Салюта». Не лихачить! Задача ясна?

— Ну! — ответил паренек.

— Так я пошла, — сказала женщина, собирая бумаги. — На почту хочу успеть.

— Нет, — сказала я. — Секунду, пожалуйста.

Женщина остановила движение руки и удивленно посмотрела на меня. И директор посмотрел. И паренек.

— Вы сами врете, — сказала я женщине. — Товарищу директору уже надоела ваша... «химия» ваша!

— Да, как ты!.. Соплюха! — взвизгнула женщина и, схватив счеты, по столику ими — хрясь!

А директор рассмеялся:

— В самую суть проблемы! Только впредь не надо так-то, с ходу. Ладно, шагайте! Срочные дела не любят ждать!

Моей бабушке такого бы директора, справедливого и красивого.

— Поощряете? Они скоро на головы... — возмущалась женщина. Но следовавший за мной парень прикрыл дверь.

Мы молча прошли вдоль штакетника. Сразу за углом, под кленом, стоял новенький мотоцикл «Ява». Он сверкал никелем, полыхал красно-желтыми боками.

Парень достал ключ зажигания. У меня было преотличное настроение. Кажется, оно и потому еще было таким, что только что случившееся случилось на глазах этого парнишки. Знай наших!.. Молчание было невозможным.

— Будем знакомы. Майя. Перешла в восьмой.

— Иван Иванович. Девятый, — буркнул парень и вдавил ключ в гнездо.

Деревенская застенчивость. Но мы тебя разговорим!

— Ты всегда себя так: по имени-отчеству?

— Не имеет значения, — мрачно ответил Иван Иванович. И мрачно же поинтересовался: — А ты всегда себя так: по-детски?

— А-а, об этом? Воспитываешь? Ты, однако, строже, чем твой директор.

Иван Иванович не ответил на мою каверзу, сел на мотоцикл и мне скомандовал: «Садись!»

Я оседлала мотоцикл и обеими руками схватила петлю из кожзаменителя. Между передним и задним сиденьями есть там такая штуковина.

— Держись за меня! — приказал Иван Иванович.

— Обойдусь.

— Кому сказано?! — гаркнул Иван Иванович. — Потеряю — отвечай за всяких... Крепче! Не стесняйся!

— А я и не стесняюсь.

— Да уж видели.

Не проехали и сотни метров, как остановились у резной калитки. И калитка, и ворота, и окно — все было украшено резьбой, расцвечено голубым, красным и белым. Недурно, хотя пестровато. А если честно, прелесть что за работа!

Иван Иванович молча слез с мотоцикла, молча установил его на опорную лапу, молча прошел в калитку. Вскоре вернулся, неся два шлема — желтый и красный. Желтый сам надел, красный надела я.

Веселя собак, распугивая кур и гусей, мы промчались по Горелой Заимке и влетели в сосновый бор.

Песчаная дорога после дождя — одно удовольствие, на каким асфальтам не ровня. Иван Иванович заметно прибавил газу, и я невольно вцепилась ему в бока.

Через его плечо я смотрела на лесную дорогу, а она словно зная, как любо ее убранство, то так повернет, то новым изгибом эдак покажет, а то плавно качнет на неж ной волне, ласки своей не скрывая.

А глянешь в сторону — все несется, сливаясь, и даже ветер свистит сильнее. О прелесть лихачества! И как русский не любит быстрой езды!

Мотоцикл вдруг чихнул и, пробежав по инерции, замер. Очень некстати.

Иван Иванович выпрямился, уперся кедами в землю твердь и сообщил:

— Надо поговорить.

— Так это не поломка? — сообразила я и немного струсила: кругом лес — мало ли что. Но не подала виду и сказала: — Приказано доставить — выполняй! Меня не интересуют разговоры.

Общительный какой нашелся! То молчал или рычал, а теперь поговорить захотелось. Не влипнуть бы в историю!

Мы сидели на мотоцикле. Я не видела лица Ивана Ивановича, но по его спине, по его дыханию чувствовала: решает, как ему поступить.

Было примерно полдесятого, но пекло уже изрядно. Хотя, возможно, после езды с ветерком так казалось.

На спине Ивана Ивановича примостился овод, искал, где укусить поудобнее. Я шлепнула ладошкой и промахнулась, овод улетел. Я старалась, чтобы Иван Иванович понял: не со слабачкой имеет дело!

— Извини. Овод.

Резким движением ноги Иван Иванович завел мотоцикл.

Метров через десять дорога повернула вправо, и лес кончился. Перед нами открылось зеленое поле. Невдалеке, согнувшись, работали люди. По белым панамкам я узнала своих. Иван Иванович сказал, что будет ждать у опушки, и я напрямик быстро пошла к ребятам.

— И кто это к нам пришел? И на ком это горшочек такой красивенький? — голосом волка из мультика «Красная шапочка» приветствовал меня Чемпиньон. И ребята, и работницы совхоза, выжидая, смотрели на меня. Или воспользовались случаем, чтобы передохнуть, или догадались, что неспроста явилась.

— Ой, какая ты интересная, в шлеме-то, — пропела Лю-Лю. — Шлем, ковбойка, джинсы — идет!

— Привет труженикам! Где Брунэт?

— За справкой в бригаду ушел. И чтобы воду везли. Красавец жаждой мучается, — доложила Ната Козлова и в свою очередь спросила: — Случилось что?

— Пока нет. Но должно случиться.

И я рассказала о Мишином дне.

Глава 13

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ВАКУУМ

Я напирала на то, что тетя Нюра вон как старается на наши дни рождения, и мы должны, обязаны постараться для ее брата, то есть для нее.

— Надо срочно что-то придумать! — закончила я свой рассказ.

В недалеком лесу печально куковала кукушка, далеко в поле натужно урчал оранжевый трактор, в высоком небе звонко заливался жаворонок.

А они, к которым я так спешила за советом, они — молчали.

— Похвальная инициатива, — сказал наконец Чемпиньон. — Молодец, Логачева! Молоток! Вырастешь — кувалдой будешь.

— А сама-то что предлагаешь? — вяло спросил Красавец.

— Пока ясно одно: это должно быть сюрпризом.

— Ой, сюрприз! Сюрприз! — подпрыгнула Лю-Лю и заканючила: — Ну, мальчики-девочки, ну чего же вы? Ну придумайте чего-нибудь.

Козлова цыкнула на Лю-Лю, чтобы та не нагоняла тоску.

— Да, — разглядывая черные пальцы (руки рабочего человека!), печально молвил Чемпиньон. — Да, Лютикова, ты излучаешь тоску. Постоянный источник.

Лютикова надулась.

Кукушка умолкла. Лишь жаворонок в небе да трактор в поле вели свои песни.

— Молчите? Ну и молчите! — обиделась я, поняв, что моя затея ребятам до лампочки. Что им тетя Нюра и ее брат? Чужие люди. Так бы и сказали, но зачем в молчанку играть?

Чемпиньон будто подслушал мои мысли. Он сказал, что

я вообразила себя «выдающимся общественным деятелем современности» (так и сказал! глупость, конечно), а того не понимаю, что к людям нужен подход, что, может, семья тети Нюры (он сказал: Анны Григорьевны) вовсе не обрадуется нашему вторжению. Но допустим, они в восторге от нашего появления, и все равно мы можем попасть в глупую историю, потому что ничего не знаем о виновнике торжества. Кто он для нас — Миша или Михаил Григорьевич? В каком возрасте его не стало?

Ой! Спросить у тети Ани — она что, не скажет, что ли? — ожила Лю-Лю.

— Идешь на сюрприз — ни о чем не спрашивай. Ни намеком, — будто сквозь сон сказал Красавец. Не выносит жары.

— Уж если что делать, то чтобы верняк! — провозгласил Чемпиньон. — Лично я — пас! Роль дурачка для меня не подходит.

— При чем здесь твоя роль? — возмутилась Козлова. — Главное, людям приятное сделать.

— Ха, делай! Но где повареса и ее старики обитают? Где эта улица, где этот дом? Куда сюрприз-то волочь?

Прав Чемпиньон. Захваченная рассказом тети Нюры и своей идеей, я очень спешила и ничего не узнала из того, что действительно надо бы знать. На меня это похоже. Но, с другой стороны, и Красавец прав: готовя сюрприз, ни о чем таком не спрашивают.

— Информационный вакуум, — сказал Лева.

— Во! — указательный палец Чемпиньона устремился к жаворонку. — Даже на Левином чердаке посветлело! А уж он-то вумный — дальше некуда! И кто же его стеклышки протер? Молчу-молчу! Скромность — наш девиз!

Чемпиньон изображал шута горохового, но его триумф был всамделишним. За его ужимками скрывалось: «Я самый качественный парень! Я — молоток, но кувалдой никогда не стану. Даже в худшем варианте буду мехпрессом!»

Впрочем, все это так, шелуха. Важно, что в деле, из-за которого я приехала, Чемпиньон нашел прорехи.

— Да-а, — как бы подводя итог, осуждающе затянула Козлова. Понятно, что осуждала меня.

— Глухо, как в танке! — понял ее и вдохновенно поддержал Чемпиньон. — Тысяча и один вопрос, а часики тикают! Но с вами — дядя Витя, с ним не пропадете! За мной, к туземцам!

С этими словами Чемпиньон энергично направился к работницам совхоза. А мы — следом.

Глава 14

«МОЖЕТ, ХОТЬ ВЫ УПРАВУ НАЙДЕТЕ?»

— Будьте любезны, если вас не затруднит, скажите, пожалуйста, адрес Петровой Анны Григорьевны, жительницы села Горелая Заимка, — обратился Чемпиньон к женщине в синем халате. Впрочем, все женщины были в таких халатах, все четыре.

Речист «дядя Витя»! Настроение у него, будто олимпийскую медаль выиграл. А в подобных случаях — по себе знаю — вознесет тебя выше небес и, потеряв ли ум, обретя ли вдохновение, запросто плетешь такое, чему сама потом удивляешься.

Вот и женщина удивилась. Смотрит на нашего Чемпиньона, руки о халат вытирает и — молчит. Видать, потрясена «суперкультурой» обращения. Тогда Лева голос подал:

— Где живет Анна Григорьевна Петрова?

Упростил вопрос, как математическое уравнение.

— Не глуха, однако, — уведомила женщина и повернулась к своим подругам, они подальше стояли, на нас посмотрели. — Тут Анну Григорьевну Петрову спрашивают. Чо-то не припомню...

— Поди, Бубличиха?

— Ну да! Ну да! — громко обрадовалась «наша» женщина. — Бубличиха — Алла, а эта — Анна. Должно, Трактористка. Ну, изба спроть клуба.

— Тоже сказала! — в свою очередь обрадовалась «Бубличиха». — Та Эдуардовна!

Лева предположил, что в деревне, вероятно, много Петровых. «То-то и оно-то», — огорчилась наша собеседница. И возликовала, когда Красавец уточнил, что нужная нам Петрова работает поваром в пионерлагере.

— А-а! Нюрка-припадошна — вон оно кто! Деда Гришака дочь! — возвестила подруга, словно клад нашла. И, обращаясь к нам, спросила, довольная: — Пожарну вышку лесничества видели? Во-во, железная. Так рядом их дом будет. Один там такой, под тесом.

Поблагодарив женщину, Чемпиньон сказал, что вообще-то нас интересует покойный сын Петровых. При этом он являл собой учтивость, серьезность и даже солидность. Не зная его, никогда бы не поверила, что рядом со мною — отъявленный баламут. И правда: многолик человек! Вот и женщина, услыхав про сына Петровых, вся преобразилась, и следа не осталось от той, что минуту назад, явно озоруя, перекрикивалась с подругами. Вытерев губы ладошкой, она тихо сказала:

— Ну, что я о нем знаю? Мне и трех лет не было, когда война началась. Или, может, вы насчет того извещения?

— Вот именно! — горячо подтвердил Чемпиньон. Ну, Груздь — откуда что берется? Позавидуешь, честное слово!

— Это вы молодцом! — сдержанно воскликнула женщина. — Это, может, хоть вы управу найдете? Может, хоть перед детьми-то стыд проймет? Надо же, человек, можно сказать, настоящий герой, а по бумажке выходит: никто. И не совладать с нею, с бумажкой треклятой. А! Не хотят!

В высоком небе радостно звенел жаворонок, в широком поле мирно урчал трактор, в зеленом лесу кукушка грустно считала годы...

Лева первым сообразил, что к чему, осторожно высказался в том смысле, что, возможно, нет доказательств...

— Так свидетель же был, на чьих глазах дядя Миша смерть принял! — будто удивляясь нашей неосведомленности, сказала женщина. — Он и письмо прислал, там все описано. А нашему начальству мало — официальный документ подавай! Есть бумажка, что без вести пропавший — ей и вера. А что человек пишет, тому веры нет. Бюрократы чертовы!

— Надо обращаться к начальству, которое выше вашего начальства, — назидательно сказал Чемпиньон.

— А, обращались! — безнадежно взмахнув рукой, сказала женщина. И неожиданно для нас спросила: — А вы, ребята, кем будете? Случаем, не эти... как их... не следопыты?

— Да, они самые, — без запинки ответил Чемпиньон. — Идем по следам героев. Используем любую возможность, даже отдых в пионерском лагере.

— Я сразу поняла, как токо вы про дядю Мишу спросили. Это молодцом! — одобрила женщина. — Вы уж постарайтесь! В газете читала: взрослые не могли сделать то, что сделали дети. Постарайтесь, ребятки! Вы, гляжу, бойчее наших-то, деревенских. — И доверительно сообщила: — Думаете, я откуда всю эту историю знаю? Я ж у них в соседях, через дом живу.

Глава 15

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ОТ АБСУРДА

Это случилось прошлым летом, когда мы с бабушкой ездили к ее брату в Харьков.

Мы стояли в коридоре дрожащего от спешки вагона. Бабушка, взволнованная скорой встречей, говорила, что вот сейчас, в это самое время, Коля, ее брат, звонит на вокзал,

нисает, не опаздывает ли наш поезд. «И ты сомневаешься?» — удивилась бабушка, хотя я просто глядела на нее и мне просто было хорошо. Но следовало «сомневаться», и я сказала: «Конечно!» Начиналась игра, о которой мы заранее не договаривались, но в которую включались с ходу. «Напрасно! — воскликнула бабушка. — Вот я засекаю время, запоминай — приедем, и ты убедишься, как я была права! Мы с Колей хотя и не близнецы, но поразительным образом...» И внезапно умолкла. Взглядом показывая в окно, вниз, под насыпь, бабушка спросила негромко: «Видишь?» Серьезно спросила. Кончилась игра.

Внизу вдоль нашего пути бежали светлые столбики бесконечной изгороди, по ту сторону которой плыл, бугрясь, темно-зеленый кустарник, а ближе к насыпи тянулась блекло-зеленая, с желтизной, лента покоса: привянувшие валки вихляли, обходя большие и малые ямы, поросшие нетронутой травой. Пахло сеном — душистые волны плескались у окон вагона...

Ничего особенного я не заметила, а потому спросила, недоумевая: на что смотреть-то?

А в ответ — мужской голос: «Война».

Старик давно и, казалось, грустно смотрел в окно. Он стоял невдалеке от нас, почти рядом.

Проходили пассажиры из других вагонов, с визгом выбегали из купе и гонялись друг за другом маленькие Игорек и Игоречек, трижды появлялась у расписания женщина в ярком халате... Короче, в то время лишь старик да мы с бабушкой были постоянной коридорной публикой.

Старика я приметила сразу, как только он вошел в наш вагон. Дородно грузный, в вышитой белой рубашке, с крупным носом-картошкой и седыми запорожскими усами, он был похож на Тараса Бульбу.

«Война». Тарас Бульба сказал это в окно, а мне почудилось, будто, опередив бабушку, он ответил на мой вопрос. Да, так оно и было. Держась за низкий поручень, он шагнул в нашу сторону и, глядя под насыпь, продолжил:

«Ото, бач, дивчатко, слиды войны». Тогда бабушка — думаю, нарочно для меня — задала вопрос-уточнение: вы имеете в виду эти круглые ямы? «Ото ж, воронки, вид бомб. Та, дывысь, и бомбылы ж тут! Люды свиту билого, мабуть, нэ бачилы...» Голос старика был трубным, а двери некоторых купе были открыты. К нам подошли, прильнули к окнам еще пятеро: где? что?

«Ну, отец, более сорока лет прошло — какие следы?» — сказал мускулистый загорелый мужчина в голубых брюках. «Яки бачишь», — сердито буркнул старик. Обиделся. Чего ради? Нет, не похож на Тараса Бульбу. «А если не бачу?» — сказал мужчина. По-доброму сказал, но старик рыкнул: «Поганэ дило!»

Тогда бабушка принялась уверять мускулистого, что в полях — там да, там все запахано-перепахано, а здесь, у железнодорожного полотна, в зоне отчуждения... «Да разве я против? Да пожалуйста!» — приятно улыбнувшись, согласился мужчина.

Между тем лысый дяденька в очках рассказывал, что в позапрошлом году у них, в Запорожской области, погибла группа туристов. На ночь расположились у лесополосы, развели костер, а под кострищем, в земле, лежали снаряды... В живых только один остался, который сушняк собирал. «Когда война кончилась, а людей до сих пор забирает», — закончил свой рассказ лысый дяденька. «Война-то при чем? — не согласился мускулистый. — У саперов было предостаточно времени. Трагические последствия нашей милой беспечности...» — «Шутите, молодой человек? — сказал лысый. — Территория — ого-го! При всем желании миноискателем не обшаришь».

Мускулистый оглядел всех, как бы приглашая к чему-то незанятному, но обратился не ко всем, а к бабушке: «Не задумывались ли вы о том, что другие народы, французы, к примеру, гораздо менее нашего склонны к эмоциям в виду всех этих следов? Не потому ли они во многом преуспели, что активно живут сегодняшним днем? Так, может,

и нам пора бы?» — «Что, пора бы? — не поняла бабуш
ка. — Вы о чем?» — «О том, что неестественно затянув
шаяся скорбь мешает нормальному ходу жизни».

Словно вагон качнуло крепче обычного — таким был голос старика. Как Тарас Бульба на поле брани, он крикнул: «Гэть звидсыля!!! Бач, який естественный знайшовся!»

Из купе головы высунулись, иные пассажиры в коридор выскочили, Игорька с Игоречком как ветром сдуло, а одна дверь с треском захлопнулась — не всем, значит, интересно.

«Свобода мнений — непривычная материя, так, отец? — хорошо улыбаясь, спросил мускулистый. — Разволновались, замашки ротного старшины вспомнили. Но я не бревно-новобранец, отданное вам на ошкуривание. Согласны?» — «Возмутительно! — сузив густо крашенные ресницы, прошипела женщина в ярком халате. — То в купе бухтел — голова разваливается. Теперь целый вагон ажиотажит! А вы, извиняюсь, тоже! — перекинулась на мускулистого. — Культурный человек, а с кем связались?!»

Старик хмуро смотрел в окно, а мужчина, как ни в чем не бывало, продолжил: «О чем, бишь, мы? Да, о следах. Остроэмоциональное восприятие этих самых следов подпитывается сознанием, что в минувшую войну погибли близкие люди: брат, отец, дед. Согласны? Прекрасно! Тогда не может быть возражений, что именно поэтому же павшие, допустим, на поле Куликовом не вызывают подобной остроты чувств. Очевидно и бесспорно — так? Так. Но из этой бесспорной очевидности следует, что мы — отъявленные эгоисты. Нет-нет, пожалуйста, еще немного терпения... Да, мы отъявленные эгоисты, ибо с точки зрения абсолютного, а не, так сказать, родственного гуманизма, должно быть важно не то, что кто-то мне брат или сват, а то, что он — прежде всего! — человек. Следовательно, личность, почитающая себя носителем высокой нравственности — а таковой, будем откровенны, почитает себя большинство —

[illegible] должна равно скорбеть обо всех павших на [illegible] войн. А поскольку войн в нашей истории было бесконечное множество, постольку и объем скорби должен стремиться к бесконечности, вытесняя и подавляя все другие психоинтеллектуальные функции. Так? С точки зрения формальной логики, несомненно, так. Но с точки зрения житейского смысла — чистейшей воды абсурд!»

Поезд давно миновал место бомбежки, а разговор о войне продолжался. Точнее, говорил мускулистый, а остальные слушали. Увлеченные, может, незаметно для себя они подвигались к нему ближе и ближе.

Я ловила каждое его слово. И то, о чем он говорил, и то, как говорил, — все было незнакомо, жутко интересно, хотя и не совсем понятно. Уж на что моя бабушка, а не умеет так-то. Во все глаза смотрела на говорившего и уже не сомневалась, что передо мной — настоящий ученый, казалось даже, что в каком-то журнале видела его фотографию. В «Науке и жизни», однако. Кого только не встретишь в поезде дальнего следования!

Итак, мужчина сказал «абсурд!», и никто после него не решался взять слово. Мы мчались в тишине, я даже перестука колес не слышала — волновалась: только бы не опошлили разговор какой-нибудь глупостью! Так хотелось, чтобы и продолжение было на уровне. Мне заранее было стыдно и перед этим человеком, и за нас, его слушателей. Не исключено: такие же мысли одолевали всех, и потому все молчали.

Я по-настоящему обрадовалась, когда услышала: «Браво!» Вот оно, в тот миг, пожалуй, самое уместное слово! Женщина в ярком халате светилась счастьем. «Браво! — воскликнула она. — Оригинально! Это не то, что эти начетчики!» И загалдел народ, кто о чем.

Из-за мощного плеча выглядывала лысина с верхним краем очков. «А что, собственно, вы хотели доказать своим доказательством от абсурда?» — спросил лысый. Загорелое плечо моего кумира чуть сдвинулось, и я полностью

...ела скучное лицо... да, начетчика. Хотелось крикнуть ему, тупице, что все люди (все, все!), которые погибли в войнах, заслуживают нашей печали; как не понимать это то?! Но я, конечно, сдержалась. И это просто счастье, что сдержалась.

Мускулистый ответил: «Высшая нравственность, истинный гуманизм повелевают: дабы не оскорблять никого из павших, должно ни о ком не скорбеть. Этим, кстати, и руководствуется человечество. В отличие от отдельных его представителей, оно мудро признает лишь практическую целесообразность. И впрямь: какой смысл в скорби об ушедших, если достоверно известно, что в конечном счете все т а м будем?» — «Но жизнь — это и скорбь», — сказал лысый дяденька. «Да, пожалуйста, скорбите себе на здоровье, — разрешил мускулистый. — Только не делайте из скорби всеобщей обязаловки». — Та вин жэ брэшэ на людэй, собака. Нэ розумиетэ, чи шо?» — проворчал старик. А бабушка сказала мускулистому, что он бездушное кибернетичное устройство. Мускулистый сказал, что ему приятно слышать столь лестный отзыв. Он был совершенно спокоен. Улыбался, будто ему было приятно, что его ругают.

Я мысленно извинилась перед лысым дяденькой за «начетчика».

Тем временем бородатый мужчина (до сих пор он молчал) обрушился на мускулистого: «Чо лыбишься-то? Чо лыбишься? Было же велено: марш отсюда! Довошкаешься у меня — начну шоркать, однако!» — «Сибиряк?» — встрепенулась бабушка. «Ну, — подтвердил бородатый. И мускулистому: — Ну?!» — «Какое хамство! Ужас! — вскрикнула женщина в ярком халате. — Где проводник? Милицию сюда!» На что мускулистый ответил, что в подобных случаях более уместен психиатр. «Верно! — согласился бородатый. — А потому танцуй отсюда, пока лечить не начал. Ну!!» Мускулистый хмыкнул как бы свысока и как бы гордо спрятался в купе. Яркая женщина — за ним, но

спустя секунду выскочила в коридор, как ошпаренная.

«С душком парень, с душком», — сказал лысый дяденька. «Знаю их душок, — сказал бородатый. — Ишь, о свободе мнений вспомнил. Да ему слово поперек — он, если будет уверен в безнаказанности, в порошок тебя сотрет. Мразь фашистская!» — «Откуда только берутся?» — вздохнул лысый дяденька. «Оттуда! — волнуясь, ответила бабушка. — Оттуда, откуда вся накипь наша. Одного котла варево». — «Чо говорить! — согласился бородатый и тронул старика за плечо. — Переходите к нам, пока есть свободная полка». — «Спасибо, сынок. Я прыйихав. Скоро моя остановка».

Изгнав мускулистого, люди стали проще и добрее. Не говоря об этом, они как бы праздновали свою победу.

И вдруг все разговоры перекрыл звонкий мальчишеский голос: «Папка, смотри! Опять бомбы, ага?»

Под окнами вновь плыла высокая насыпь, ее подошва вновь была усеяна большими и малыми воронками. Люди молча смотрели на землю...

—

А вечером, когда мы въезжали в предместье Харькова, бабушка сказала, что ее отец, мой прадед, пропал без вести. Хотя раньше всегда говорила, что погиб на войне. Она просила меня понять ее правильно, она «хотела как лучше, но лучше всего правда». Она сказала, что нет официального сообщения о гибели моего прадеда, но она совершенно уверена: он принял смерть, как человек, а он был прекрасным человеком и настоящим коммунистом. Но когда она, бабушка, умышленно, а я по незнанию скрываем правду, то мы как бы ставим под сомнение порядочность ее отца и порядочность многих и многих тысяч людей, а это так плохо, что хуже не бывает. Я спросила, почему же раньше она об этом не говорила. Бабушка ответила, что раньше было бы слишком рано, а теперь, когда я почти взрослый человек... И она заплакала.

Глава 16

ЦВЕТА РАДУГИ

Посоветовавшись накоротке, мы вот что решили: по пути в лагерь я навещаю родителей Михаила Григорьевича, чтобы «на месте изучить обстановку и, если удастся, прочесть письмо» (Л. Галкин). «И не худо бы заполучить портрет Петрова-младшего. Есть кое-какие идейки» (В. Груздь). Таня Касьянова предложила, чтобы планом операции Дэ Эр занимались Козлова, Галкин, Белоштанный, Груздь, Лютикова и Логачева. «Что вы решите, то мы сделаем», — провозгласила Касьянова. А Козлова добавила: «Взрослым — ни слова! А то сотворят муть голубую». — «А чего такое — Дэ Эр?» — спросила Лю-Лю. Касьянова с удовольствием объяснила: День Рождения — начальные буквы. «Ой! И правда», — удивилась Лю-Лю.

Когда я бежала в сторону Ивана Ивановича, Козлова крикнула вдогонку, чтобы я не забыла: ориентир — вышка лесничества. Это я помнила. Помнила и то, что Иван Иванович мог моими же словами мне и отказать: мол, что приказано, то и делаю, а возить по деревне приказа не было.

К счастью, страхи были напрасны. «Без ориентиров знаем», — только и сказал Иван Иванович. И неожиданно упрекнул по-свойски: шлем-то сняла бы — жарко же. Я ответила, что мне так нравится, в шлеме, и принялась нахваливать машину. Хвалила искренне, но, чтобы не подумал, что подхалимничаю, спросила с ехидцей: родители подарили?

— Зачем? Сам купил. С отцом на комбайне отмантулил месяц. Ну, отец подкинул...

— Молодец! Нет, правда... А сейчас, что же, катаешься?

— Зачем? Работаю. На центральной усадьбе рация забарахлила, ну, я у директора как офицер связи, пока рацию не отремонтируют. А начнется уборка — опять на комбайн.

Говоря это, Иван Иванович надел шлем и завел мотоцикл. Мне же вздумалось обойти машину — уж очень красивая! Новенькая, сверкающая...

А это что?

Иван Иванович — такой серьезный парень, и на его мотоцикле, на великолепной чехословацкой машине — такое намалевано!

— А это что? — спросила я, стоя впереди мотоцикла и показывая на щит, к которому крепилось ветровое стекло.

— А, ерунда!

— Ничего себе — ерунда! А еще комсомолец. Ведь комсомолец же?.. Нет, под такой штуковиной я не поеду. Ни за что! Да!

И я потопала в сторону Горелой Заимки. Пусть опоздаю, пусть будет что будет, но, как говорит моя бабушка, принципы — это свято!

Флаг США был нарисован на мотоцикле.

Иван Иванович догнал меня и, ведя мотоцикл на малых оборотах, принялся канючить:

— Ну, чего? Сюда ехали — ничего? Садись! Ну?

Я шла, а он ехал рядом и говорил. Я даже голову в его сторону не повернула, шла себе и шла, будто одна в лесу, одна-одинешенька на этой лесной дороге.

— Смотри, зануда какая! Всех она разоблачает! — сменил пластинку Иван Иванович. — Главного экономиста вот тоже... А знаешь, кто ее врать заставляет? Директор! Сам заставляет и сам делает вид, что ему надоела эта «химия». Мужик еще тот!

— Ты-то откуда знаешь? — нарушила я обет молчания.

— Она моя свояченица. Приходит, отцу жалуется... Ну ладно, садись!

Провалиться бы мне сквозь эту дорогу! Хотя неизвестно, кто из них больше «химичит» — директор или эта... свояченица. Потому и защищает, что свояченица. Но я уже поверила: прав Иван Иванович, напрасно я женщину обиде-

ла. Хотя, как говорит моя бабушка, не твори дурное, если это даже сам бог велел.

— Ах, да! Твой шлем! — И я спешно начала расстегивать ремешок. Не успела.

Мотоцикл взревел разъяренным зверем, встал на дыбы, из-под заднего, бешено вертящегося колеса песчаная струя стрельнула. И рванула размалеванная «Ява», скрылась за поворотом. Только сизый дымок над дорогой. А вскоре и он истаял.

Серая тоска... Это на меня похоже: когда все нормально — и самый пасмурный день красками играет. А пошло наперекосяк — даже радуга кажется серой.

Впрочем... Подумаешь, на полчаса, ну на час позже приду к Петровым. Все равно приду! Ориентир надежный — найду без расспросов. А шлем? Занесу в контору и заодно перед той женщиной извинюсь.

Опять извинения... Когда проходили Ивана Грозного, из-за опричнины с историком схлестнулась — довела его до валидола. Когда собиралась в Горный Алтай, от теплого свитера отказалась — довела бабушку до слез. Потом, отлежавшись и кое-что почитав, у обоих прощения просила. Они-то простили, но валидол и слезы — не скажешь, что их вообще не было. Сколько раз зарекалась: не брать с бухты-барахты! Но поучительные случаи в точности не повторяются, они чаще всего прикидываются иными, и, не разобравшись в этом, выложишь правду-матку, а потом глядь: из нее кривда-мачеха рожу корчит... «Ах, простите!..»

Ну, это еще туда-сюда — ошиблась. А когда заведомо тень на плетень?.. Вот я сказала, что Лю-Лю права: легенду о Черном Скитальце я вычитала. А почему бы не сказать так, как оно было? Почему бы не сказать, что упоминание о слепом мастере я вычитала в книге «Барнаул»? Так бы и сказала: этому факту в книжке строк пять выделено, вокруг них-то мы с бабушкой и накрутили-нафантазировали. И всем было бы ясно: и Люся права, и ты не

...шь. Нет же, ущемили твое честолюбие, и в ярости ...ешишь «самосожжением»: ах, не веришь? Так вот тебе ...а, я наврала! И с таким нажимом подала Люсину прав...ту, что она должна была треснуть и в нее должны были ...поверить. Козлова не поверила. И многие не поверили, хот... и промолчали. Лю-Лю, куколка Лю-Лю, что с нее возь...мешь? Простушка, наивняк. А мы сложные, один пишем ...два в уме. Но Люся всех нас «сложных» раскусила и выда...ла нам правду. Разве не правда, что Ната Козлова симп...тизирует Брунэту? А ты? Да почти все девчонки нашего отряда без ума от Олежки Иванова. Но только Люся, простушка Лю-Лю, сказала это о себе. Всем сказала, и вот теперь над нею же и подшучивают.

А разве нет какой-то доли правды в том, что не ...одной лишь мести ты ночью к мальчишкам заявилась? Разве не могла с глазу на глаз сказать Чемпиньону все, что о нем думаешь? Нет, тебе публика нужна. Вспомни! вспомни! — на публике ты обычно и показываешь себя, свою принципиальность. «Какая-то доля правды...»

Но доля, частичка — не вся правда, а как бы ее жалкие отходы. Ты даже наедине с собой трусишь сказать: да, правда! Вот приеду домой — поговорю обо всем этом с бабушкой.

Есть еще один человек, без которого я — не я. Инга Мамедова, моя школьная подруга. С нею мы обсуждаем все на свете. Но о таком с нею долго не поговоришь, не получится. Ее несчастье — Валерий Леонтьев. О нем она может болтать с утра до ночи. Об этом знает весь класс и таскает ей все, где есть изображение или голос певца, где есть хотя бы упоминание о нем. И никто, кроме меня, не знает, что Инга до сих пор играет с куклами. Достает их из потайного ящика и общается с ними, как с живыми. Иногда и я включаюсь в эти игры. Впрочем, для нее это, кажется, не игра, для нее это — практика. Инга точно знает свое будущее: оно в учительстве.

А бабушка.. Не думайте, что с нею все просто: вопрос —

слов, поступок — оценка. Моя бабушка самая всякая: ум ная и непонятливая, добрая и сердитая, но всегда справед ливая. И даже ее несуразности, и те хороши. «Майя, твоя слабость в том, что ты ни в чем не сомневаешься». «Глу пый ни в чем не сомневается, и в этом его сила. Умный ду мает, сомневается, и в этом его слабость». «Посмотришь на тебя — почти девушка, послушаешь — дитя малое». «Иног да ты меня ставишь в тупик. В твои годы я о подобных ве щах и не подозревала». Чьи слова? Моей бабушки. И все они сказаны этим летом. Когда я напомнила их бабушке, когда, сведя их вместе, уличающе спросила: чему же ве рить? — бабушка ничуть не смутилась, она обрадовалась: «Золотко мое, скоро, очень скоро ты поймешь, что исти на — это свет, а свет — это все цвета радуги. А радуга, чтобы хорошим людям было хорошо».

Да... Иван Иванович, однако, хороший человек. Но ему сейчас плохо. Из-за меня.

Разве?

Я, что ли, размалевала его мотоцикл? Молчать, чтобы не портить ему настроение?

Нет, нет, здесь в своей правоте я не сомневалась и во преки бабушкиной формуле («глупый ни в чем не сомне вается») дурочкой себя не чувствовала.

Глава 17

ВАНЯ+МАЙЯ

Горечь таяла мало-помалу, и вдруг разом открылось: день-то какой славный! И как славно вокруг.

Сосны и сосны... А местами, в сиреневой глубине оран жево-золотистого леса — белые нити берез, темные купы боярышника. От боярышника самая густая тень: зайди и приляг, руки в сторону, глаза в небо... Жаль, некогда.

Я шла и рвала цветы, что обочь дороги, — две душицы,

три ромашки, два цикория. Вместо лукошка шлем приспособила.

Послышался треск двигателя, из-за поворота выскочил мотоцикл. И шлем, и майка, как у Ивана Ивановича, но машина иная, более легкая... И все же он, Иван Иванович! Несется, рот до ушей (впервые вижу его улыбку), вот сбросил газ, притормозил, поравнялся, стал.

— Привет! — сказал, будто давно не виделись. Это был сигнал: я не сержусь и тебе не советую.

— Привет-привет. Что, мотоцикл поменял? У тебя их сколько?

— Зачем? Щиток дома оставил. Спешил, об дерево шоркнул.

«Шоркнул!» Так я и поверила! Снял, потому что размалеванный, а признаться — гордость не позволяет. Я была почти счастлива, но, как говорится, и бровью не повела.

— И куда путь держим? — спросила, как обычно спрашивают, когда лишь бы не молчать: едешь, мол, ну и езжай, у тебя своя дорога, у меня — своя. И не выдержала — улыбнулась, и чем сильнее сдерживалась, тем шире улыбка. Это на меня похоже.

— Как договорились, к деду Гришаку... О, цветы! Так мало? Лентяйка!

Оставив мотоцикл, он шмыгнул меж сосен. Раз! — пучок ромашки, раз! — еще пучок... Сразу видно: «Науку и жизнь» не читает, потому с цветоносами так обходится.

— Э! Не надо!

Раз! — пучок душицы, раз! — еще пучок...

Я подбежала к Ивану Ивановичу, костяшками пальцев стукнула по желтому шлему:

— Стой, Ваня! Если для меня — не надо. У меня уже готово. В японском стиле.

— Японский телек — согласен. А цветы только по-русски.

Я слишком русская: умом приняла японский стиль, но — сладко смотреть, как безобразничает Иван Иванович.

Он подал букетище:

— Вот!

— Японский стиль уж тем хорош, что растения бережет.

— И что теперь?

— Не выбрасывать же. Родителям Михаила Григорьевича вручим.

— Поехали!

Мы сели на мотоцикл, и я спросила: не влетит от директора за опоздание? Иван Иванович ответил, что директор уехал в РАПО, а это, считай, до вечера. И неожиданно закончил:

— Веришь ли, впервые — «Ваня». Все, даже мать: «Иван Иванович» да «Иван Иванович».

И, плавно набирая скорость, мы помчались в Горелую Заимку. Одной рукой я держалась за Ваню, другой прижимала к себе букет лесных цветов. Не миллион роз, но все же... Если бы меня увидел кто-нибудь из одноклассников, если бы затем на каком-нибудь железном гараже появилось: «Ваня+Майя», мне было бы приятно. Честное слово!

Вскоре меня занимала одна мысль: дома ли родители тети Нюры?

Глава 18

«ТАЙНА ВОСТОКА»

Уж мы и в калитку, и в забор стучали — бесполезно. Постучать бы в окно, да я Ване запретила: по ту сторону ограды свободно расхаживает громадный черный пес и лает сиплым басом. Его лай тем еще страшен, что почти не слышен.

Но вот из-за дома выскочил, побежал к нам загорелый, в желтых плавках мальчишечка. Чернявый, с узкими раскосыми глазенками — игрушка, а не ребенок. У калитки остановился, палец в рот, нас рассматривает. Пес угомонился, упал под куст сирени, веки смежил.

Слышь, мужик, дома есть кто? — спросил Ваня. Мог бы и не спрашивать: такого мужика одного никто не оставил.

Мальчик кивнул головой: есть, вынул палец изо рта, сказал: «Папа-мама» и, усевшись на дорожку, принялся ступню босой ноги исследовать. Картинка — не ребенок!

Ваня огляделся растерянно. По всем приметам, эта изба — изба тети Нюры и ее родителей. Но почему здесь этот мальчик и его папа с мамой? И мальчик явно не русский — алтаец, что ли? И, судя по дреме пса, мальчик — не гость, хозяин. Но тетя Нюра ни о каких квартирантах не говорила, наоборот, жаловалась: «Придешь домой, а там наша троица на четыре комнаты — пусто, как в совхозном клубе».

— Айбат! — послышался мужской голос. — Айбатик!

Мальчик живо огляпулся, но продолжал сидеть.

Теперь из-за дома показался мужчина и тоже направился в нашу сторону. Коренастый, в голубой рубашке и белых брюках, он словно сошел с экрана зарубежного фильма.

— Здравствуйте, — неуверенно сказал Ваня. И я, почему-то оробев, сказала: «Добрый день!»

— Здравствуйте, молодые люди! Добрый день! — ответил мужчина, сверкая улыбкой и щуря и без того узкие глаза-щелочки. — К вашим услугам!

— Извините, Петровы здесь живут?

— К вашим услугам! — еще раз сказал мужчина и, взяв ребенка на руки, отворил калитку. — Проходите, пожалуйста! Пса, девушка, не бойтесь. Он очень старый, очень беззубый и очень добрый пес.

В тот день меня впервые в жизни назвали девушкой. И тут меня озарило.

— Так это вы тете Нюре кофточку прислали?! — громче, чем следовало, и словами, какими не следовало бы, спросила я.

— Извините, не понял... Ах, да! Все верно.

Здравствуйте! — Вроде первый раз приветствовали просто так, а теперь по-настоящему. — Ой, простите

— Ну, что вы? Пожелать доброго здоровья никогда не лишне. Спасибо вам, девушка. И тоже здравствуйте. Будем знакомы: Абеке. Вообще-то мое имя Амангельды, но его не все и сразу запоминают. Договорились: Абеке?

Никогда не слышала таких имен: Амангельды, Абеке... В них звучала прелесть и тайна Востока с его необычными сказками, медными кувшинами, посеребренными богатствами и чем-то еще. Прямо-таки магические имена.

Абеке провел нас на остекленную веранду, обращенную в сторону сада-огорода. Здесь негромко звучала музыка и шло чаепитие.

Абеке представил нас. Он называл только имена, однако нетрудно было понять, что старенький худой Григорий Иванович — отец тети Нюры, старенькая толстенькая Екатерина Алексеевна — мать тети Нюры, а Зайра — восточная красавица в белой блузке и белых «бананах» — жена Абеке.

Никто не удивился нашему приходу — встретили, словно ждали. Зайра была так приветлива, что мигом сломала наше сопротивление, усадила за стол, и перед нами закрылись пиалы с чаем, которого, кстати сказать, налито было немного. Ваня подумал, что нам отдали остатки, я же испугалась, что хозяйке жаль гасить сверкающую чистоту посуды — от чая она мутнеет. Печальные мысли наши рассеял Григорий Иванович.

— Пейте, ребятушки, еще пальем! А вот если б полна пиалушка, это б, по-казахски, навроде того, что кончайте и прощевайте! — успокоил он с заметным, но симпатичным хвастовством: я вот знаю, а вам, поди, в новинку...

Мы пили чай, ели яблоки (белый налив, только вчера из Алма-Аты!), отвечали на вопросы: «Может, еще подлить? В каком классе учитесь? Почему плохо едите?» — а в голове занозой торчит: когда и как приступить к тому, зачем мы явились? Такой разговор, его с кондачка не нач-

ешь, нужно, чтобы хоть чуток к тебе привыкли. Я была остьей и — одновременно — хозяйкой. И как хозяйка волновалась: вдруг по моей милости алмаатинцы увезут дурное впечатление о нашем крае — невоспитанный-де народ на Алтае...

И потом: родители очень русские, а их сын — яркий представитель Азии. Я уже давно поняла, что для Абеке была припрятана «Алтайская правда», что он — приемный сын Петровых, Абеке Петров (а отчество? и вообще: когда это случилось?) Приемный, но — сын. Не знаю, чем это объяснить, но мне понравилось такое дело. Очень! Но было и удивление. Это как если бы на кедре росли груши — невольно остановишься.

То ли Абеке заметил, что я не в своей тарелке и пришел на выручку, то ли здесь так было принято, но он сказал:

— Ну, что ж, гости подкрепились, теперь послушаем, с чем они пожаловали.

— Поди, молочка? — опередила гостей Екатерина Алексеевна. — Так нету коровки-то, не дёржим. Это у соседки разве? Однако у них тоже. Манька говорила давеча, утрешник и вечорошник — все до литру расписано, дачник все забират.

— Слушаем вас, ребятки, — сказал Григорий Иванович.

Мысленно я прикидывала начало, да все не то, не то... А теперь обдумывать некогда.

— Мы в связи с письмом о подвиге вашего сына, — произнесла я деревянным голосом.

— Насчет Миши, — вероятно, для Екатерины Алексеевны с «деревянного» на русский перевел Григорий Иванович.

— От военкомату прислали или как? — спросила старушка. — О пенсии, поди? Так бог с нею, с пенсией этой. Детишки помогают. Бумажку бы вырешили, что Миша погиб...

— Мама, — сказал Абеке, положив руку на плечо Екатерины Алексеевны, — ребят интересует письмо Игната Павловича.

— Вона как! Теперь чо, теперь много их, писем-то.

— Много? — Я даже привстала.

— К сожалению, всего одно, — ответил Абеке. — В копиях. Была необходимость уточнить некоторые факты... Зайра, принеси по экземпляру, машинопись и ксеро. Они в зеленой папке.

Зайра ушла в дом, а Ваня спросил осторожно:

— И как? Уточнили факты-то?

Он играл с Айбатиком, залезшим к нему на колени, но к разговору прислушивался.

— Собственно, не факты, а факт. Номер части, в которой воевал Михаил. Накануне он сообщил, чтоб ему не писали: меняется полевая почта. Но сообщить новый адрес не успел.

Вернувшись, Зайра положила на стол, рядом с Абеке, папку из светло-коричневого картона.

Григорий Иванович смотрел на папку и, казалось, вот-вот спросит: зачем все это? Но спросил не он — я заговорила о портрете.

Абеке кивнул задумчиво: мол, как же? как же? дело такое, нужное (я только начала, а он уже все понял), обернулся к Зайре:

— Ты уж извини, пожалуйста...

— Ну, что ты? — подымаясь, ответила Зайра. — Жаксы!*

Пока Зайра ходила в дом, Абеке сообщил, что ему без фотокамеры как без рук; так что сам съемками и пересъемками занимается. Вернулась Зайра и в ту же папку вложила фотографию примерно 30×20 см.

Абеке просмотрел содержимое папки и, встав, вручил ее мне.

---

* Жаксы (*казах.*) — хорошо, порядок, нормально.

была рада, что все так легко обошлось, и в то же ... чуток разочарована: уж слишком легко! А на что на... сь, сама не знаю.

Я раскрыла папку, и на меня глянул молодой человек. Он смотрел напряженно и строго.

Портрет был погрудный. Стрижка почти наголо, хотя на темени и угадывалось подобие коротких волос. Наглухо застегнутая рубашка в сдвоенную полоску. Сразу за спиной — ветвь пальмы, а вдали — мрачная скала, море и белый пароход.

Екатерина Алексеевна сказала, что снимок был сделан за год до войны. Из Барнаула на бричке приехал фотограф, привез с собой «красивую картину», и на той картине снимал всех охочих. Платили ему чем попадя, а больше — яйцами, живых курей брал, а чтоб сало — ни крошки, како сало летом, известно — солома соломой. Хорошо до войны жили!

Фотографию я передала Ване и принялась читать письмо.

«Добрый день или вечер...»

Глава 19

ВЕСТЬ ИЗ 1941 ГОДА

Добрый день или вечер, незнакомая, но дорогая мама... ша Петрова Михаила! С низким земным поклоном — фронтовой товарищ Вашего сына — Федорченко И. П. Во первых строках своего письма разрешите предупредить о горькой вести.

Ваш сын погиб 19 авг. 1941 г. в степной местности, про которую только и знаю, что это Киевская обл., левее р. Днепра. Знаю, как дорога́ и самая малость о родном человеке, потому постараюсь не уронить подробностей, хватило бы сил и здоровья. А еще потому, чтобы хоть так почтить память солдата без человеческой могилы.

Я кончал окоп, когда услыхал ротного. Устал до невмоготы, потому обрадовался — пока доложу насчет работы, передохну чуток. Надо мной, у края окопа, стояли ротный и солдат — крепкий мужчина, заметно взрослее меня, это был Ваш сын. Тогда я не знал, что ему пошел 21 год, а мне к тому времени исполнилось 25. Возле них находился пулемет «максим», и ротный сказал мужчине, т. е. Вашему сыну, что здесь будет твоя основная позиция, а Федорченко — твоим вторым номером, затем и меня поставил в известность, что теперь я в пулеметной команде, а товарищ Петров — мой непосредственный начальник, прошу любить и жаловать. Я ответил, что слушаюсь, и сказал, что «максим» — вещь сложной механики, но я хлебороб и могу хоть за пулемет, хоть на самолет. Ротный похвалил за шутейное настроение и бодрость духа, хороший был командир, другой бы взбеленился, а Ваш сын подал мне руку и потащил наверх, чтобы ветерком, говорит, освежило. Утро было паркое, от жары и работы взмок — выжимай да суши. Когда я вылез наверх, Ваш сын представился Михаилом, и я подумал, что надежный, видать, парень, что и было в действительности. Ротный сказал, что прохлаждаться некогда, немецкий разведчик зудит непроста. В голубом небе поблескивал крошечный самолетик, глазам красиво а сердцу тоскливо — война проклятая. Повернувшись уходить, ротный спросил: как аппарат? Миша ответил, что, случается, рвет дульце, и ротный сказал, что это ничего, что с «максимом» это обычная история, были бы прокладки. Миша ответил, что прокладки имеются, а я, правду сказать, лишь взял в толк, что что-то барахлит, но Мишу это будто не волновало, он сказал, что его больше заботят боеприпасы, под Тарасовкой последние патроны расходовали. Ротный успокоил, что ленты будут сразу, как только набьют, что их набивает взводный, чтоб мы не думали об этом, а рыли и рыли, Миша-де сам должен понимать. Миша ответил, что, как он понимает, дальнее огневое воздействие роты — трехлинейки да единственный пулемет, и, как ни

крути, а пулеметную команду надо укомплектовать хотя бы наполовину, что, когда взводный возится с лентами, это ему не понятно. Миша разговаривал с командиром, как с ровней, но того это не обижало, он ответил, что и сам так считает и что этот вопрос решится в ближайшие десять минут, на что Миша сказал, что ну тогда ладно. Такая была нехватка людей после бомбежки нашего полка на марше, а немца еще в глаза не видели.

Миша поставил воду на дно окопа, для «максима» он ее сразу принес в немецкой канистре, разбил план пулеметной ячейки, надо было рыть, может, втрое больше того, что я сделал, тут не до разговоров. Только и узнал, что он из Сибири и в боях с 29 июня, три дня как с группой ребят под Тарасовкой вышел из окружения. Когда мы подкапывали нишу, куда ховать «максим» от осколков, появилась пара «мессершмиттов», будто связанные, носились они, стреляя повдоль нашей обороны, а тем часом хлынули мотоциклисты, строча прямо на ходу. Хоть и жуткое дело бомбежка, но немец далеко, а здесь он близится с каждой секундой, и, правду сказать, вся психика уходит в пятки. Тогда Миша сказал спокойно, что, господи, как осточертели эти постановки, мотоциклисты знают, что они — отличная мишень, и палят в белый свет, как в копеечку, что так и он, потемну идя домой с гулянки, свистом разгонял собственные страхи, и полегчало от такой его пропаганды и агитации. А немцы словно ждали первого залпа — мигом повернули обратно. Я шлепал Мишу по спине, кричал, не помню что, а он грустно улыбнулся, сказал, что больно же, хохол чертов, и что надо кончать нишу, а сам побежал к ротному насчет боепитания, не нравилось ему это дело, но уже шел комроты, а с ним двое солдат нам в подкрепление, и хоть я ничего не умел, но, правду сказать, держался перед ними, как если бы обо мне была песня: «Я пулеметчиком родился, в команде «максима» возрос...» Как только стало нас четверо, Миша пулеметный ликбез затеял, но немцы сорвали занятия, налетели их самолеты, вы-

строились кругом, что пережили, описать невозможно, стихло лишь к вечеру вторых суток, и хотя по сторонам еще гремело, кто где был, там и уснул, не евши, а наш пулемет валялся развороченный, удивляюсь, как нас двоих миновало.

Продолжаю писать после отдыха — голова раскалывается. Вообще-то я малость привычный к писанине, перед войной 3 м-ца секретарем с/совета работал.

Итак, уснули, но часа через два меня и Мишу растолкал взводный, т. е. он был уже ротным, а с ним какой-то сержант, велено взять вещмешки, скатки и все, что положено, — сержант проводит нас до штаба полка. Тут выяснилось, что наше имущество разнесло взрывом, Миша сказал, что вещмешок, конечно, нужен, а шинель необязательно — ночи стоят теплые. Сержант выругался, что ты не у тещи на блинах отсебятину пороть, что после такой мясорубки имущества с избытком. Миша спокойно ответил, что материться — большого ума не надо и чтоб прекратил трепаться, а чужую шинель так и не взял.

На севере и востоке дымило черной копотью, а гайок, в котором находился штаб полка, издали казался еще красивше, чем до начала боя, но по дороге сержант рассказал, что лесок крепко бомбили, штабные землянки вдребезги, комполка тяжело ранен. Когда мы пришли, то увидели, что так оно и есть, метушился народ, а под кустом лежал весь забинтованный человек, это, сказал сержант, был комполка. Мы прошли дальше, под дубом построили нас, человек двадцать, и начштаба сказал, что полк свою задачу выполнил, а нам, которых здесь собрали, предстоит особо важное задание. Командиром к нам приставили неизвестного лейтенанта, он сказал, что на принятие пищи и приведение себя в порядок дается полчаса, через полчаса выступаем. Кормили нас вареной кукурузой и кавунами, мы с Мишей держались вместе, он все выспрашивал и высматривал своих, с кем недавно выходил из окружения, но таких не было, потери были страшными.

Уже смеркалось, нам предстояло идти на северо-восток, а что там творилось и шел ли кто впереди нас, мы не знали, а спрашивать не положено, был разговор, что через час вслед за нами снимутся и остальные. Мы двигались лесом, когда посреди поляны увидели перевернутый а/м ЗИС, с одной стороны от него воронка, а с другой — разбросанное имущество: плащпалатки в тюках, катушки т/провода, мешок с письмами, перевязанный куском этого провода, телефонные аппараты, два РПД — один искорежен, а другой в исправности, его взял Миша. Лейтенант велел до предела загрузиться патронами и подобрать тарелки, т. е. диски к РПД, перевернул мешок и сказал, что п/почта не наша. Патроны были рассыпаны в густой траве, и сержант напомнил о приказе не останавливаться, Миша сказал, что не было приказа драпать, а воевать надо с оружием, и лейтенант поддержал, что это две большие разницы. Что еще видел Ваш сын на этой поляне? Местами, особенно в кабине ЗИСа, было черно от крови и мух, резко воняло вытекающим бензином, который почему-то не воспламенился, а из бузины уже тянуло приторно-сладковатым, кончилась чья-то жизнь, но, правду сказать, мы отупели к таким вещам, иначе умом свихнешься. Страшное дело — война, ее бы затейников да под пули.

Затемно оставили лесок и пошли степью, лейтенант торопил, к рассвету, говорил, должны достичь лесного массива, иначе хана. Справа полыхало зарево, слева беззвучно взлетали ракеты и трассирующие очереди, мы потихоньку радовались, что впереди вроде спокойно. Лейтенант вывел нас на шлях, мы прибавили в скорости и только раз обходили село, уже занятое немцами, лейтенант послал двоих красноармейцев предупредить остальных, а нас, правду сказать, о немцах никто не предупреждал, наш дозор сам обнаружил. Шли мы и шли, засыпая на ходу.

Порядком развиднелось, но то ли лейтенант ошибся, то ли карта была неверная — кругом степь, по правую руку сахарный буряк, по левую — кукуруза, а никакого леса не

видно, лишь кое-где лежат клочья тумана, грозят нам солнечным щеки. Сзади послышалась пальба, и все подумали, что это наши напоролись на немцев. Вслушиваясь в стрельбу и зная, что для самолетов еще рановато, мы прозевали «мессера», вдруг прозвенел над головами, тут мы кинулись в кукурузу, но одного парня убил наповал.

Пальба свирепела, может, в 2—3 км от нас, Миша сказал, что там в ход пошли ротные минометы, осмотрев небо, я приподнялся над кукурузой, но мины — не снаряды или бомбы, взрываясь, не дают выброса, лишь пылят, и я ничего не увидел, зато слева от нашего курса виднелась голубая полоса, и я крикнул, что вот он, лес. Лейтенант быстро сверился по карте и сказал, что лес тот самый, надо к нему бежать. Кукурузные стебли, в особенности початки, сильно мешали, и вскорости мы запалились. Лейтенант скомандовал ложиться, а Миша сказал, что надо бы бежать и бежать, немец даже за одиночками охотится, а здесь целое подразделение — не оставит в покое. Лейтенант тем временем склонился над комполка и окликнул сержанта, Мишу и меня, потом сказал, что позвал нас как самых сознательных и надежных и чтобы мы сели поближе к комполка и слушали. Мишу и меня лейтенант знал всего одну ночь, но так надо было говорить, чтобы увеличить нашу ответственность, хотя относительно Миши он, конечно, был прав. Мы сгрудились у головы комполка, он был плох, открыл незабинтованный глаз и, глядя им в небо, прошептал запекшимися губами, что он счастлив, что умирает на руках своих боевых товарищей и что последний его приказ: не позволить врагу даже прикоснуться к святыне полка, т. е. он говорил о полковом знамени. Сержант сказал, что да, можете не сомневаться, а комполка вздохнул и действительно умер, и только умерши, не сдержал слезу, она блеснула в уголке глаза и ушла в бинты. Копали могилу, когда нагрянула тройка «мессеров»: двое сразу рванулись к месту боя, а третий закружил над кукурузой, определенно нас искал. Миша занялся пулеметом, а лейтенант и я

начали ломать кукурузу, чтобы прикрыть тело комполка, сплошь в бинтах, оно демаскировало. Волокнистые стебли не поддавались, тогда сержант раскатал шинель и накрыл ею покойного. Разворачиваясь, «мессер» пошел вверх, и Миша сказал, что мы обнаружены. Лейтенант скомандовал приготовиться к отражению атаки, сержант выругался, что это дохлый номер, Миша спокойно ответил, что поперви-ровать летчика — тоже дело, а лейтенант промолчал. Сни-жаясь, немец крошил кукурузу, мы уткнулись в землю, и только Миша из пулемета да лейтенант из винтовки пали-ли по фашисту, но, правду сказать, летчик был хорошим стрелком: охнул лейтенант и упал навзничь. Последние его слова: «За неприкосновенность полкового знамени отвечает рядовой Петров». Взял Миша сумку со знаменем, зарыли мы погибших командиров и подались в сторону леса. Тут пошло паровое поле, бежать легче, но мы как на ладони. Пока одни хоронили комполка с лейтенантом, другие, ос-тавляя трупы, успели приблизиться к лесу, но летчик, ви-дать, позвал остальных, и втроем они расстреливали тех, кому до спасения рукой подать. Сержант махнул рукой вправо, крикнул, что там вроде траншеи, и вскорости он, Миша, я и еще трое попадали в ход сообщения, немцы, должно, сверху видели эти укрытия, но разумно считали: отсюда нас выкурить проще, чем из лесу.

Может, сутки тому назад здесь были наши, но ушли в спехах, видать, где-то были нужнее. Помимо окурков здесь валялись противогазы, баночка для ружейного мас-ла, патроны, пустые консервные банки, а в круглом окопе остался зеленый ящик и под стенкой, чуть присыпанный землею, снаряд от 120-мм миномета. И то, что мы пережи-ли, и что, что здесь увидели, — все было худо, словно мыши в поисках норы, мы метались в поисках спасения, может, надеялись найти блиндаж, но не успели. Как воронье, «мес-серы» сторожили подходы к лесу, а один наведался к нам, прошелся вдоль траншеи, убил еще одного, а мне перешиб ногу — добегались, хотя чего проще спрятаться за выступ.

стреливался, и летчик умерил-таки в своем ме-
. а сержант перевязывал меня и ругался, что мое
рного начальства, что как стало сереть — сразу б
кукурузу, укрылись бы, отоспались за день, а по темноте
. Мне казалось, да и сейчас кажется, что сержант
был прав.

Продолжаю писать после недельного перерыва, кончилась бумага, но тут односельчанка вернулась из немецкого арбайтлагеря, забросило ее аж во Францию на военный завод, привезла кое-чего, в т. ч. громадную тетрадь, видать книга нем. бухгалтерии, мне выдрала десяток листов, вы видите, отличная бумага.

Большое дело — техника, да и связь у немцев была налажена: улетая, «мессеры» передали нас бронетранспортерам, черным паром уже пылили две машины, а слева за кукурузой, над невидимым отсюда шляхом, тоже стояла пыль, против нас она кончалась, было ясно, что нас берут в клещи. Из бронетранспортеров вываливались и растягивались в цепь фашисты, оттуда, а затем из кукурузы, по которой медленно двигались мотоциклисты, взвилось по ракете, и началась атака, которую мы легко отбили. А скорее всего немцы не хотели рисковать, имея минометы, они могли безнаказанно нас обстреливать, что и сделали. Двоих убило, меня снова задело, сержант вообще куда-то пропал, а на Мише ни царапинки, везучий был человек, если бы не война.

Мы остались вдвоем и решали, как быть со знаменем. Мы понимали, что нам уже не выбраться. Миша начал рыть на дне окопа, чтобы спрятать сумку со знаменем, обстрел кончился, но немцы не шевелились. Ваш сын за ними наблюдал. Он уже прибивал землю над ямкой, когда из кукурузы крикнули: «Не стрелять! Парламентеры!» Голос был знакомый, но я не мог вспомнить, чей. Миша сказал, что кукурузой к нам идут немец с белым платком на хвосте и пропавший сержант. Еще он сказал, чтобы я занял место и не высовывался, а сам установил пулемет

...стал ждать. Потом он громко сказал, чтобы те близко не ...ходили. Сержант прокричал, что войне конец, Москва у немцев, Сталин и Ворошилов через Дальний Восток утекли в Америку, Тимошенко застрелился, что хватит дурака валять, отдавайте знамя и катитесь на все четыре стороны, пленных немцы распускают по домам. Правду сказать, жутко было слушать такие речи, копошилось в мыслях: а вдруг и верно, что и Москва и все другое?.. Миша спокойно ответил, что кончай брехать, собака, что Федорченко, т. е. я, убит, но трое оставшихся в живых будут драться до последнего. Сержант рассмеялся и сказал, что ты, Петров, сам врать-то горазд: двоих на его глазах накрыло первой же миной, и если Федорченко убит, то о чем разговор? В кукурузе стихло, потом начал говорить немец. По-русски он говорил плохо, но понятно, он сказал, что он, обер-лейтенант такой-то, от имени командира дивизии (назвал фамилию) гарантирует Вашему сыну жизнь, офицерский паек и выезд в любую названную им страну, но все это в обмен на полковое знамя. Миша ответил, что он присягал одной стране, одному знамени и будет верен им до конца. Немец сказал, что он восхищен ответом и глубоко уважает Вашего сына как настоящего солдата, но войны выигрывают армии, а так как Красная Армия уже не существует, мужество одиночек бессмысленно. Он дал честное слово офицера, что никакого обмана не будет, и десять минут на размышление. Миша сказал, что обер может идти назад, а предатель сейчас будет расстрелян. Сержант что-то крикнул и, как сказал Миша, спрятался за немца. Ваш сын предупредил офицера, что никто и ничто не спасет предателя. Обер-лейтенант оттолкнул сержанта, и Миша дал очередь из пулемета, а потом сказал про сержанта: толковый был мужик, но со страху не сообразил упасть в кукурузу.

Миша откопал сумку, теперь, когда фашистам известно про знамя, они все равно его найдут, каждому по участку определят, начнут рыть и обнаружат. Миша сказал мне

Ваш адрес и попросил повторить его вслух. Я повторил, а он был очень спокоен, аж чересчур. Он велел мне лежать, а сам, говорит, проскочу до мины, укутаю ее знаменем и тогда уж точно: врагу и клочка не достанется. Я молчал. Он взял сумку со знаменем, гранату, помедлил немного, взял винтовку и скрылся за поворотом траншеи. До круглого окопа было метров десять, не больше. Миша окликнул меня и спросил, вижу ли я, он просил посмотреть. На что смотреть не сказал, но голос его был не таким, как обычно, и я понял, что, значит, случилось что-то из ряда вон, хотя в нашем положении уже ничего не могло быть хуже того, что было. Руками цепляясь за стенки, я приподнялся на одной ноге и забыл про боль, горло комком перехватило. Над изрытой землей прикрепленное к штыку винтовки тяжело колыхалось красное знамя. «Видишь ли? Видишь?» — волнуясь, спрашивал Миша. «Вижу!» — крикнул я что есть сил, но сил было немного.

Конечно, фашисты следили за нами и тоже все видели, но молчали, кругом было тихо, ведь и стрельба, что утром началась невдалеке от нас, давно прекратилась. Я спустился на дно окопа, лежал и смотрел в небо, надо мною трепыхал жаворонок, но пения его не слышал, может, потому, что прислушивался к другим звукам. Со стороны бронетранспортеров раздался выстрел, и бледно-зеленая ракета вспугнула жаворонка, он комочком ринулся к земле, отпущенное нам время кончилось, Миша крикнул, чтобы я выжил и сообщил нашим. Говоря «нашим», он, уверен, имел в виду и Вас, и командование Красной Армии, ведь нельзя, чтобы знамя полка сгинуло в безвестности.

Послышалась речь, кажется, снова говорил немецкий офицер, потом ясные слова Вашего сына: «Знамя со мной. Идите. Жду». Я перевернулся на живот и здесь колыхнулось подо мною, рвануло так, что куски чернозема посыпались со стен траншеи. Фашисты стонали и ругались, послышался хруст шагов, и чем-то тяжелым ударили меня по голове.

А очнулся я лишь зимой 43-го в Акмолинском госпита-
ле. т. е. тело мое жило потихоньку, я принимал пищу, но
ни боли, ни голода не чувствовал, не ощущал ни других,
ни себя, лежал бесфамильный и безымянный, в моих госпи-
тальных документах значилось, что подобрали меня кол-
хозницы на поле боя, потом передали партизанам Ковпа-
ка, а от них самолетом на Большую землю.

Врачи сказали, что поврежден какой-то центр, велели
не напрягать память, и со временем все обойдется. Пока
же я помнил лишь то, что было со мной после февраля
1943 г., и про войну, и про все другое я узнавал заново из
разговоров и по радио. А себя никак не мог вспомнить.
Врачи прописали мне книжки из детской жизни, их читали
мне акмолинские ребятишки из ср. школы № 4, и однажды
припомнил я случай из своего детства, потом мать, потом
родное село, а потом и себя. Когда освободили Днепропет-
ровскую обл., врачи написали на родину в с/совет и очень
радовались, что все подтвердилось. И я радовался, что па-
мять начала отходить, хотя, правду сказать, какая радость,
если в том же письме сообщалось, что отец погиб, мать
болеет, а сестру немцы угнали. До первомайских праздни-
ков 46 г. мыкался я по госпиталям, потом дали мне II груп-
пу инвалидности и поехал я домой. Работаю учетчиком
в колхозе, кругом разруха и опустошение, выделили нам 3
немецких битюга да 5 монгольских лошаденок, пока и вся
наша тягловая сила, не считая женщин. Только что узнал:
на подходе коровы из Куйбышевской обл., а к весне МТС
организуется, наш район крепко отстает с восстановлением,
а причина вроде бы та, что в районную верхушку пробра-
лись враги народа, уже сняли вредителей.

Живу по возможности, а в голове сверлит и сверлит:
я должен вспомнить что-то очень важное, бывало, аж череп
разваливается, по этому случаю еще лежал. И вот в боль-
нице передавали по радио рассказ писателя Шишкова, ус-
лышал я слово «заимка» и вспомнил все, о чем тут напи-
сал, ведь это слово я впервые узнал от Вашего сына, когда

адрес говорил. Но опять беда: ни номера части, ни ф. и. о. полка не вспомню, а без этого, сказали в военкомате, ничего не поделаешь. Может, еще вспомню, буду стараться.

Извиняйте за длинное письмо, а что про себя понаписывал, так чтобы объяснить долгое мое молчание.

На этом кончаю. С Новым, 1947 годом! Желаю Вам доброго здоровья. У нас тут говорят, что ожидается отмена карточек и крепкое снижение цен, дай-то бог. Всегда буду рад встретить Вас дорогой гостьей, но лучше приезжайте в июле-августе, хоть и голодновато, но фрукты должны быть, кое-какие деревья уцелели.

Жду ответа, как босый лета!

К сему *Федорченко Игнат Павлович*

26. XII. 46 г.

Глава 20

ОРУЖИЕ ПОБЕДЫ

Медленно протирая чистую столешницу, Екатерина Алексеевна рассказывала:

— На покров сорок третьего получили бумагу, что Миша пропал без вести. И война кончилась, и Победу справили, а все одно ждем да выглядываем: пропал — еще не убит, поди, сыщется. А тут это письмо.

— Мало сказать: письмо, — вставил Григорий Иванович.

Екатерина Алексеевна покачала головой: да, мол, это больше, чем письмо, это, можно сказать, и памятник, и оградка на могиле нашего сына. Помолчав, она продолжила:

— Ну, отбили Игнаше телеграмму, следом посылку собрали: вяленой рыбки, сала не меньше кило, сухарей, груздей баночку — и тебе, сынок, и маме твоей, поправляйтесь. Отпусков тогда не знали, то война, то восстановительный период, начали, однако, хлопотать, может, думали,

ту по инвалидности уважат — планом загорелись: ес-
ли будет согласный, заберем Игнашу заместо сына, уже и
комнаты прикинули, где он будет спать, где его мама, дом-
то просторный. Но тут Дуся телеграмму от тамошнего пред-
седателя сельсовета приносит: Федорченко, сообщат, похо-
ронили, посылку обратно возвратили. А еще через неде-
лю — махонькое письмецо от Игнатия: мать схоронил, сам
в больнице. Телеграмма-то быстрей письма, вот и получи-
лось такое, что не приведи господи... А посылка-то, врать
не буду, возвернулась, все, как есть, целехонько — и рыба,
и грузди...

— Ну, ладно, — перебил Григорий Иванович. — Разго-
монилась!

— А то! Мы, поди, не обедняли бы, скрозь нас позиции
не проходили.

— Это сейчас она могла затеряться, — сказал Григо-
рий Иванович. — А тогда — не, тогда народ крепче был.

— Забыл, Гриша, забыл, — не согласилась Екатерина
Алексеевна. — На базар, бывало, собираешься, так не знашь,
как его ловчее спрятать, рубль-то, который за место пло-
тить. Урки так и шастали. А разговору об них-то! Тут тебе
и «черная кошка», и пол, что в смертный подвал провали-
вается. Наслушаешься — запоры на десять раз проверишь,
сон не сон. А счас-то — куды с добром.

— Не, крепче народ был, — не сдавался Григорий Ива-
нович. — В общности крепче. А урки — так, что ж, война
безотцовщину плодит. Поднялась безотцовщина, и урки,
считай, вывелись. Нынешний ворюга посурьезнее тогдашне-
го карманника, не трешки у отдельных граждан тибрит —
большими тыщами от народных денег гребет: злоупотреб-
лениями, спекуляцией, никудышней работой.

— Опеть! — возмутилась Екатерина Алексеевна. — Го-
лодной куме хлеб на уме. Мог бы и помолчать, однако!

— Что при ребятах-то? Для них и стараюсь. Уже боль-
шеватые, пора гражданской линией обзаводиться. Как пар-
тия нацеливат?

— Уж ты у меня партейный — дальше некуды! — вро... ты изменишь, а, по правде, с гордостью за мужа сказал Екатерина Алексеевна.

Ваня — деловой человек — спросил про номер части узнали?

— Н-и, — взмахнув ладошкой, пропела Екатерина Алексеевна. — Абеке и писал, и садил... В самой Москве не знают, куда та часть запропастилась.

— Зато ты много знаешь, — проворчал Григорий Иванович.

— Лето сорок первого было чрезвычайно сложным, — сказал Абеке. — Катастрофа Юго-Западного фронта, а Миша воевал на этом фронте, тогда мало сообщалось о событиях на этом участке. Факт ныне хорошо известный. Об этом можно прочесть в мемуарах Жукова, Василевского, Штеменко, Баграмяна.

Абеке смотрел на Григория Ивановича и как бы просил: не надо маму одергивать, никакой тайны она не разглашает. И в то же время он как бы объяснял маме и нам, почему до сих пор не все известно о минувшей войне. И как бы оправдывался: стараюсь, но я ли виноват, что номер части до сих пор не установлен? Мне показалось, что Абеке чувствовал себя именно виновным.

— Да уж читал, — вздохнув, сказал Григорий Иванович. — Теперь-то маненько понимаю, в какое пекло Миша угодил. Я говорил тебе, Абеке-сынок, и счас скажу: если бы не тяжелые бои на Юго-Западном, кто знает, как бы тем летом под Москвой обернулось. Ведь против Миши Гитлер отборную танковую группу бросил, какую силищу с московского направления снял!

— Все равно мы бы победили, — сказал Ваня. — Наполеон вошел в Москву, а чем кончилось?

— Так-то оно так, победили бы, — согласился Григорий Иванович. — Только не в мае сорок пятого. Конечно, кто я против маршала Василевского? А все одно несогласный, когда он пишет про катастрофу Юго-Западного фронт-

та. Верно, потери были тяжелые, но не будь тех боев, еще тяжелые, однако, было бы.

— Он уже больше самых больших начальников понимат, — иронически заметила Екатерина Алексеевна. — Сталин про тебя не знал, из трактористов возвел бы в генералы — ты бы враз Гитлеру шею своротил! А бригадиром назначили — сколько плакался, пока не освободили? Баб испугался — командир!

Григорий Иванович улыбнулся:

— Не надоело? Шибко, гляжу, бригадиршей хотелось.

А Ваня, сопоставив услышанное, заключил:

— Так вы в войну механизатором работали?

— Э-ка?! — удивилась и вроде обиделась Екатерина Алексеевна. — Он у нас бравый вояка, на войне полсапога оставил. Но живой, слава богу.

— Отец медаль «За оборону Москвы» имеет! — вставил Абеке.

— Ну, ее всем давали, — сказал Григорий Иванович. — Всем, кто воевал под Москвой. — Григорий Иванович вдруг подобрел лицом. — Ты бы, мать, ребят викторией угостила.

— Да что ж это я! — встрепенулась Екатерина Алексеевна. — Да у нас же виктория всяких конфет слаще! Да мы ее с грядки, свеженьку...

Я сказала: не надо виктории, нам давно пора...

— Так вы, ребятишки, почему Мишей интересуетесь? Задание имеете или сами? Или — как? — видать, напоследок решился уточнить Григорий Иванович.

Я не знала, что ответить. Не хотелось говорить об операции «DR» — скоро сами все увидят.

— Вашему сыну орден положен, — сказал Ваня. — Точно!

Будто от нас это зависит, будто за тем и пришли.

— Вона что! — откликнулась Екатерина Алексеевна.

Григорий Иванович крякнул, переставил пиалу и, глядя на цветы, сказал:

— Ну, если честно, то, конечно, всенепременное дел... Я уже говорил Абеке: неловкость получается... ...ной награды колготню затеяли. Не за нее М... ...ву сложил. А сколько их, безвестных, геройски п... ...ли! Если токо двадцатая часть, и то миллион получа... ...ся. Перед ними стыдно.

— Опеть за свое! — рассердилась Екатерина Алексеев... — Был бы Миша жив — никакой награды не надо. Хо... бы бумажку вырешили, что погиб как человек. А «без вес... — понимай, как хочешь.

— Мы вон какое письмо имеем, а тебе казенную бума... ...подавай... А, что говорить!

— А тебе и нечего говорить! Стыдно ему, все бы стес... ...ался! — зло сказала Екатерина Алексеевна. — Сам па... ...лец о палец не ударишь, так другим не мешай!

Григорий Иванович помрачнел. Жалко было старика... ...ловно за Абеке и Зайру, ведь они, особенно Абеке, мог... ...ли получать, что о приемном сыне мать переживала бы по... ...другому. Хотя будь Абеке самым родным и самым любим... ...им, все равно никогда не заменит он Мишу. Вероятно, все и давно это понимали. Кроме меня.

Айбатик, расставив руки и воображая себя летчиком и самолетом, носился, гудя, по двору. Пространство двора ему было тесным.

— И Миша вот так же в его годы... — грустно сказала Екатерина Алексеевна. И, пристально глядя на Григория Ивановича, закончила: — А ведь Игнатий самолично не видел, что Миша погиб. Нет, не видел. Может, и его, как Игнатия, ударило по памяти — счас дом припомнить не в силах. Так что ж, был бы жив. А я грех на душу взяла — о похоронке плачу. Да сдалась мне эта бумажка! Без нее хоть кака-никака надежда.

Глава 21

НЕ К ДОБРУ ЭТО...

Зара каждому вручила по кульку с яблоками, но, когда приехали к лагерю, Ваня от своего отказался: «Как я его повезу? У меня обе руки заняты».

Расставив ноги, он сидел на мотоцикле. Прижав подбородком кульки — не высыпались бы яблоки! — я сделала к нему шаг и склонила голову. Он снял с меня шлем и повесил его на руль. Прибавил газу, вскинул руку — салют!

— Постой-ка, постой! — сказала я, и мотоцикл с готовностью сбавил урчание. — Калитка и забор вашего дома — это кто украшал?

— Ну мы с отцом, — ответил Ваня. Мрачно ответил. Но вдруг улыбнулся и прихвастнул: — Это что! Крыльцо — вот это работа! Жаль, из-за деревьев не видно.

Пока мы ехали от Петровых, я думала о сюрпризе и, кажется, угадала идею Чемпиньона: на доме Петровых в день рождения Михаила Григорьевича вывесить его портрет, под портретом надпись: здесь родился и жил герой войны... надо сформулировать, время еще терпит. Будет просто великолепно, отлично будет, если портрет поместим в рамку, сделанную в русском стиле. Приветствуя наших именинников расписной посудой, тетя Нюра как бы подсказала, что и как надо сделать в Мишин день. А исполнитель рамки — вот он, народный умелец Ваня, Иван Иванович. Грешно не воспользоваться его талантом. Так я ему и сказала.

— Ну нашла талант, — засомневался Ваня и, подтверждая теорию профессора Денисова и его последовательницы Козловой, пообещал: сделаю. «Со временем туговато, но — такой случай! Давай фотографию». Я напомнила ему, чтобы не забыл о месте для текста, и попросила:

— Только не крась. Дерево само по себе красиво.

— «Само по себе» нельзя. Через месяц солнечный цвет сойдет, дерево будет серым и скучным. А два-три раза олифой по рамочке пройдусь — сто лет будет, как свеженькая.

— Мастеру виднее.

— Конечно, — просто согласился мастер. — Так что, пока?

— А папку с фотографией? Обе ж руки заняты.

— Да уж как-нибудь, может, и сообразим, — счастливо ответил Ваня, засовывая папку под рисованный автомобиль. Отвернулся, тщательно заправил майку в брюки, затянул ремень. — Ну теперь, однако, пока!

— Пока!

Я заскочила на кухню: «Теть Нюр, ваш брат приехал! Я сейчас!» — и бегом в корпус. Чисто, прохладно и — никого. То, что надо! Два яблока — под подушку (для Левы), остальные — по тумбочкам, для девочек. Откроют: что такое? откуда? А я — молчок.

Вернувшись в распоряжение тети Нюры, я попала под горячий душ ее вопросов. Пуще всего ее интересовали речь Айбатика и — как ни странно — белые брюки Зайры: «Поди, как лебедушка!..»

— Здрасьте! — неожиданно, совсем рядом раздался грубый мужской голос. Я вздрогнула и оглянулась. В проеме распахнутого окна стоял мужчина. Борода, усы, черные очки, поверх красной рубахи — жамканная, темно-синяя куртка, из тех, что называют «спецурой».

— Не скажете, кх, где заведующая? — сипло спросил мужчина. Испугалась бы, но не удивилась, продолжи он: «Ищу, чтобы укокошить».

— А вот тута ее домик, рядом, — заискивающе ответила тетя Нюра и, поспешно вытирая руки о фартук, засеменила к окну, чтобы показать, где это — рядом.

— Был. Закрыто, — опередил ее мужчина.

— Тогда что? Тогда не знаем, — виновато сказала тетя Нюра.

— Прлр-грлр, — что-то непонятное прохрипел мужчина. И исчез. Может, потому, что своим «здрасьте!» сразу испугал меня, показалось: подозрительная личность, не к добру это...

Под настроение я рассказала тете Нюре легенду о Черном Скитальце. Слушая, она время от времени восклицала: «Ну поди ж ты!» Рассказав, спросила, могло ли такое быть?

— Как же не могло, когда было? Откуда и Горелая Заимка, и Петровы пошли? Вспомнить, как летошними ночами и сама, бывало, черную тень встречала. А оно вон оно кто — Скиталец!

Вот и верь после этого живым свидетелям.

Над территорией лагеря рассыпался звонкий смех Лю-Лю — наш отряд вернулся с укропа. Сейчас освежатся в Барнаулке и — на обед.

В раздаточное окно просунулась голова Чемпиньона с закрытыми глазами.

— Хлебуси кусавава, — жалобно пропищала голова. Открыв глаза и глядя на тетю Нюру, Чемпиньон завершил со смешной серьезностью: — Что в переводе с японского означает: если вы дадите мне кусочек хлеба с маслом, я скажу вам что-то жутко важное.

— Проголодался, бедняжечка? — сочувствуя, откликнулась тетя Нюра и принялась сооружать бутерброд. Тем временем Чемпиньон подавал мне сложные знаки, которые я не сразу расшифровала. Оказалось: тащи ведро!

Тетя Нюра подала Чемпиньону хлеб с маслом.

— Большое спасибо! Вы спасли меня от голодной смерти.

— Ну что? — спросила тетя Нюра.

— Вкусно!

— Ты же сулил сказать что-то такое...

— Я и сказал: «Вы спасли меня от голодной смерти». Очень важное дело!

Смеясь, тетя Нюра погрозила пальцем:

— Ох, допуткуешься у меня! Другораз попросишь — ...ом согрею.

— Грейте, но не отказывайте в скромном подаянии, — ...л, ответил Чемпиньон.

Я вынесла ему ведро, которое тут же было надето на голову. Одной рукой придерживая ведро, а другой барабаня по нему, Чемпиньон гнусаво, «по-французски» запел: «Пора-, пора-, порадуемся на своем веку...», браво маршируя в сторону нашего корпуса.

Вскоре мне будет казаться: веселясь, он предчувствовал свою беду.

Глава 22

ЗАКОН ПРИРОДЫ

Прибежала дежурная по лагерю. Из тех, что у ворот торчат.

— Майка, во дворец Эльвы!

Дворец Эльвы — фанерный домик Эльвиры Кондратьевны. В нем две комнатушки: в передней — письменный стол у окна, стулья и маленький сейф; в задней — кровать, тумбочка и стул.

Сейчас в передней сидели Эльва Кондратьевна и Брунэт. Сидели по углам, между ними была дверь, ведущая в спальню. Я присела на стул, у центра глухой стены, под барометром.

Как всегда, от подъема до пуска флага, Эльвира Кондратьевна — в парадной пионерской форме: белая блузка, красный галстук, голубая юбка. Наша начальница — одна из особенностей нашего лагеря: начальство других лагерей одевается по-домашнему.

Только она заговорила, я сразу поняла: ничего хорошего мне не светит.

— Майя, ты умная девочка и, не сомневаюсь, способна

воспринимать серьезные вещи по-серьезному. Мы тут с Олегом Николаевичем посоветовались и решили...

«Что-то случилось. Лишь бы не с бабушкой!»

— ...будет нелишне, если ты покажешь, что в этом конверте...

Она кивнула на стол, избавив меня от напряжения: у бабушки порядок!

На столе, в сторонке от других бумаг, лежал конверт международной почты. Его уступил мне Лева. Левин брат работает в ФРГ, в нашем торгпредстве, и понятно, что Лева обзавелся необычными 33-копеечными конвертами, которые, впрочем, продаются в каждом киоске Барнаула.

Почтового ящика в лагере не было, и на первой линейке нам объявили: письма, если такие будут, следует отдавать пионервожатым (или родителям). Ежедневно кто-либо из взрослых ездит в Барнаул, по пути он будет отвозить почту. Конечно же, никаких писем никто не писал (говорю о ребятах). Только Лева привез с собой два «заграничных» конверта, однако и он, по его словам, опустился. Думаю, что мое письмо было единственным за весь сезон, если не за всю историю лагеря. И вот советуют его вскрыть. Я сразу поняла, в чем тут дело. Дело в том, что письмо было... президенту США. Его адрес — на английском языке — я вырезала из «Комсомольской правды», однако, еще в прошлом году.

Мне не хотелось никому ничего показывать. Я молчала.

— Ну, что скажешь, Майя? — полюбопытствовала Эльвира Кондратьевна. Она немножко и потому красиво волновалась.— Как историк, авторитетно заявляю: в таких случаях даже опытные дипломаты консультируются и консультируются, каждое слово по семь раз обдумывают.

— Если надо, вскрывайте, — стараясь быть надменной, ответила я.

— Нет, Майя, ты уж, пожалуйста, сама вскрой. И что значит твой тон? Не праздное любопытство...

— Боитесь? Но я же разрешаю.

Эльвира Кондратьевна изобразила улыбку, давая понять, что принимает мое хамство за шутку. Я мельком подумала, что издеваюсь над человеком, который вообще-то наверное, прав... Ну и пусть!

Тем временем Эльвира Кондратьевна говорила, что ей не безразлично, как буду выглядеть я, пионерка, советская школьница, в глазах главы ведущего государства капиталистического мира; что здесь нет мелочей, и грамматические ошибки недопустимы, и качество бумаги имеет значение. «Важно все: и содержание, и форма», — сказала Эльвира Кондратьевна.

— Содержание нормальное, — сказала я, хотя не сомневалась: многие не поймут моего новаторства. Из-за этого самого содержания ухлопала уйму времени и бумаги, пока не получилось то, что получилось, то, чего я хотела и в необходимость чего свято верила. Даже приснилось, как американский президент, потрясенный моим письмом... Но вот сейчас Эльвира Кондратьевна подтачивала мою уверенность. Росла обида и на себя, и на нее.

Я разорвала конверт и передала письмо Эльвире Кондратьевне.

Брунэт, склонив голову, рассматривал свои кроссовки, которые беззвучно выбивали дробь. И сам он был беззвучным — пока и слова не сказал.

Эльвира прочла письмо, протянула его Брунэту, и он прочел, молча вернул начальнице.

В письме было вот что:

Президент, все советские люди не хотят войны. Вы же постоянно говорите о советской угрозе. Вы клевещете на мой народ, врете своему народу и народам всего мира. Это значит, что Ваше ЦРУ или плохо работает, или врет Вам, своему президенту. Вам, конечно, неприятно это читать, но по чьей вине? Миру — мир!

М. Логачева,
советская школьница, 14 лет

Эльвира Кондратьевна несколько раз прошлась по комнатке. По всему было видно, что для нее это тот случай, когда нет слов для выражения. Но, как говорит моя бабушка, наше дело правое. Я ждала.

И дождалась.

— Какое счастье, что мы познакомились с этой нотой, с ультиматумом этим! — трагически поводя руками, заговорила Эльвира Кондратьевна. — Майя, девочка, в пионерлагере делай что хочешь, так и быть, я тебе разрешаю. Но, умоляю, не вмешивайся в работу министерства иностранных дел. Нет, какое счастье, что настояли...

— А я не вмешиваюсь. МИД — по-своему, я — по-своему. За мир все должны бороться.

— Разумеется! — она села за стол. — Разумеется, все. Но не так же! Как историк, авторитетно заявляю: дело могло кончиться международным скандалом. Представь, твое письмо печатают американские газеты...

— Это было бы здорово!

— Бесподобно! Ты ей слово, она тебе десять. А комментарии, Логачева, с тобой невозможно разговаривать, комментарии были бы такими: русские якобы через письма детей вмешиваются в наши дела...

— Но это же вранье!

— Выслушай, пожалуйста! Оскорбляя президента, оскорбляют американский народ.

— Сказать правду о клеветнике — это оскорбление народа?!

— Не перебивай, когда с тобой старшие разговаривают! Грубостью никто никому ничего еще не доказывал. Элементарная вежливость требует, чтобы письмо начиналось так: «Уважаемый господин президент!»

— Какой он мне «господин»? И с какой стати «уважаемый»? У советских собственная гордость — на буржуев смотрим свысока.

— Выучили на свою голову!.. Олег Николаевич, вы-то почему молчите?

Брунэт поднял белокурую голову и, покачивая ею, сказал простую, непостижимую вещь:

— Знаешь, Майя, будь я твоим отцом, я бы ремнем тебя...

— Что вы такое говорите?! — ужаснулась Эльвира Кондратьевна.

— Это не наш метод, — холодно сказала я, подумав, был бы отец — пусть и ремнем.

— Это не наш метод! — горячо, почти одновременно со мной повторила Эльвира Кондратьевна. И начала трогать прическу, и, вроде успокоившись, сказала: — Майя, девочка, ты не волнуйся, а выслушай внимательно...

— Я-то не волнуюсь. Наше дело правое.

— Вот! «Наше дело правое — победа будет за нами». Чьи слова?

— Что?

— Ну кто это сказал?

— Моя бабушка так говорит.

— Вот! Ты не знаешь, кому принадлежит это историческое выражение. Ты начитанный ребенок, но многое... ну, ничего страшного, у тебя все впереди. А сегодня я хочу, чтобы ты поверила: есть вещи, понимание которых ограничено возрастом. Закон природы.

— Знаю, — тупо сказала я. — Ролан Быков говорил: то, что еще понятно детям, нередко уже непонятно взрослым.

— Правильно! Однако у нас совсем другой случай.

— А может, и тот самый!

Брунэт наклонился в мою сторону и тихо, будто в сговоре со мной, сказал:

— Тот самый, Майя, тот самый. Когда ремень помогает.

— Да пожалуйста! — разрешила я, невольно улыбаясь.

— Ну, наконец-то! — обрадовалась Эльвира Кондратьевна, благодарно взглянув на Брунэта. Он этого заслуживал. — Хорошо. Допустим, тот самый случай, когда нам уже не понятно. Так поделись с нами своим пониманием.

Может, поймем? Очень хотела бы знать, о чем ты думала, когда писала это письмо.

В заключительной фразе мне послышалось: «Я-то знаю, что ни о чем ты не думала, дуреха набитая». Так это или не так, но я ответила:

— Все равно не поймете. Сами же говорили: закон природы.

А думала я о том, что наверняка никто прямо, без дипломатии не говорил президенту, как он выглядит в глазах большинства людей Земли. Мы с бабушкой читаем газеты, регулярно смотрим ТВ-программу «Время» и знаем, что все честные люди — за мир. А советские — это же само собой понятно! И вот, думала я, может, он обратит внимание на мои резкие, но справедливые (ведь справедливые же!) слова. И может, опомнится человек. Была бы я знаменитой, к моим словам прислушивались бы. И, сидя над письмом, я размечталась, расфантазировалась. И что бы потом ни делала, мои фантазии не покидали меня. Наоборот, росли, обретая новые и новые ветви.

Глава 23

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ В НЬЮ-ЙОРКЕ

— Итак, все в сборе? — Лева с удовольствием, вслух пересчитывает наших детей. — Один, два, три... восемь, девять. Все. Молодцы! Держаться вместе. Через полчаса — знаменитая Америка.

Не менее знаменит и он, мой муж, профессор Лев Моисеевич Галкин. Его знает весь мир. И вот мы спускаемся по трапу океанского лайнера. Впереди Лева, за ним — наши малыши, я замыкающая. Музыка, цветы, корреспонденты — ничего этого нет. Не потому, что мы приехали инкогнито. В интервью «Комсомольской правде» Лева сказал: «Мы с женой не эстрадные звезды, а потому очень плохо

«русским шумовые эффекты». Эти слова передали все те... графные агентства мира, и теперь, бывая за границей, мы чувствуем себя превосходно, как обыкновенные туристы.

Послезавтра — Чрезвычайная сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Съезжаются главы государств и правительств всего мира. Лева — в составе советской делегации. И, одновременно, он и его семья — гости американского антивоенного общества «Голубая планета».

А сегодня — его пресс-конференция.

Председатель пресс-конференции. Уважаемые дамы и господа! Человек, на которого вы уже расходовали рекордное количество слов, в вашем распоряжении. (Овация.) Время — деньги, а потому я не намерен воровать его у вас на церемонии и любезности. Вы не против, мистер Галкин? О'кей! Итак, джентльмены, ваши вопросы?

Вопрос. Выступая в конгрессе, президент США убедительно изложил мотивы, по которым американская делегация будет голосовать против предложения Советского Союза. «Мы, — сказал президент, — со всей тщательностью изучили русский проект Торжественного Акта Объединенных Наций о всеобщем и навечном уничтожении ядерного оружия. У нас нет ощущения, что существует абсолютная гарантия: Советы, дезактивировав наш ядерный потенциал, аналогичным образом и в полном объеме поступят и с собственным потенциалом». (Голос: «Президент — парень не промах!»)

Галкин. Надеюсь, вы не сомневаетесь, что американские ученые превосходно знают свое дело? Так вот, у них другое ощущение. Накануне встречи с вами я беседовал с Главой советской делегации. Он сказал, что Советское правительство срочно выработало дополнения к проекту Торжественного Акта, которые, я уверен, окончательно обессмыслят аргументы противников разрядки.

Вопрос. Дезактивирующий противоядерный комплекс «Москва» — детище Вашей личной инициативы или заказ Вашего правительства?

CATILINA

Галкин. В школьные годы мне довелось читать письмо одной девочки президенту США. Тогда я впервые подумал, что, кроме доброй воли, сторонники мира должны иметь материальную возможность спасти планету. С этой мыслью я больше не расставался. На выпускном курсе Новосибирского университета написал работу «Теоретические основы дистанционной дезактивации ядерных зарядов», за которую получил звание доктора наук и лабораторию в одном из научно-исследовательских институтов. Таким образом, моя личная инициатива нашла поддержку моего правительства.

Вопрос. Название комплекса... Если не секрет, кому из Ваших партийных вождей принадлежит заслуга в появлении столь эффективного пропагандистского довеска к Вашей работе?

Галкин. Письмо, о котором я уже упоминал, — а это было письмо моей будущей жены — дало толчок к поиску. И, пожалуй, логично, что право наречь результат поиска было дано автору письма. Так появилось имя, которое горячо одобрили мои коллеги. Это имя — «Москва». (Аплодисменты.)

Вопрос. Вчера Ваша жена была в универмаге «Секвойя». Джинсы каких фирм купила миссис Галкина?

Галкин. Миссис лучше знает.

Галкина-Логачева. Я вас разочарую, господа. Как всегда, бывая за границей, мы покупаем только детские игрушки и недорогие сувениры. (Шум. Голос: «Сказки!»)

Вопрос. Создав гомо сапиенс, Бог мудро вразумил человека создать ядерное оружие, чтобы страхом собственного уничтожения укротить его агрессивность. Появление Вашего комплекса устраняет этот страх, и человечество, игнорировав волю божию, обрекает себя на кровопролитие в так называемых обычных войнах. Вы задумывались об этом, глубокочтимый профессор?

Галкин. Признаться, некогда было. (Смех.) Я атеист, но, по-моему, вы наговариваете на бога и тем берете грех на свою душу.

Вопрос. Можно быть уверенным, что ни один ядерный заряд не останется необезвреженным?

Галкин. Можно. В ходе демонстрации Государственной комиссии систем поиска и ликвидации ядерного оружия мы обезвредили 1593 собственных заряда различного базирования и укрытых с помощью последних достижений науки и техники. Надеюсь, вы понимаете, что это секретные данные? (Смех. Аплодисменты.)

Вопрос. Дорогой Ли! Черт очкастый! Ты хоть отдаленно представляешь, как все мы, нормальные люди, тебе благодарны? (Аплодисменты. Многие встают. Скандирующие голоса: «Галкин! Галкин!») И еще один, не менее серьезный вопрос: ты и на работу ездишь со своими бебби? (Смех.)

Галкин. Но сейчас у меня отпуск! А вообще-то используем любую возможность, чтобы быть вместе. Наша привязанность к детям, вероятно, объясняется и тем, что моя жена росла без матери и отца. Ее, так сказать, мамой-папой была прекрасная женщина — ее бабушка. Можете записать ее имя: Нина Григорьевна Дудник.

Вопрос. Несмотря на Ваше обращение к людям Земли, движение «Народы мира — спасителю мира» («НМ—СМ») продолжает действовать. Компьютеры статцентра ООН свидетельствуют, что поступления в фонд движения приближаются к сорока миллиардам долларов. Как заявил председатель общественного комитета «НМ—СМ» Кришна Джабалпур, переводы будут приниматься до 25 июля, с тем, чтобы 30 июля, в день Вашего рождения, вручить Вам чек на собранную сумму. Как Вы намерены распорядиться этим суперсостоянием? Разумеется, если Ваше правительство позволит Вам распоряжаться.

Галкин. Я уже говорил, что тронут добрыми чувствами участников движения. Всем им я глубоко признателен. Особенно детям и гражданам скромного материального достатка. Не скрою, было неприятно узнать, что моя просьба — прекратить взносы, а поступившие суммы вернуть их вклад-

чикам — некоторыми буржуазными газетами была квалифицирована как высокомерие. Достаточно упомянуть передовую статью «Нью-Йорк таймс» — «Большевистская скромность или коммунистическое чванство?»

Мир и жизнь — достояние, которые не измеряются рублями, долларами, франками и т. п. Что касается собственно комплекса, то мне принадлежит только его теоретическая часть, а в технической реализации проекта «Москва» участвовали сотни тысяч ученых, инженеров, рабочих. Его стоимость оплачивал весь советский народ. Учитывая это обстоятельство, на совместном заседании Политбюро ЦК партии и Президиума Верховного Совета мною было заявлено, что ожидаемая сумма пойдет в счет компенсации затрат — огромных затрат — по проекту «Москва». Мою инициативу поддержал министр финансов. Увы, он был единственным, кто поддержал направление моих мыслей. Мне напомнили, что Советское государство не рассматривало и не может рассматривать борьбу за мир как коммерческое мероприятие. Прочный мир — достаточная компенсация за все. (Аплодисменты.) Вы же знаете, что русские вообще отличаются своей непрактичностью. (Смех.) Что делать? В наших семьях финансами обычно ведают жены. Вот и моя жена собрала семейный совет. Четырехлетний Коля спросил, хватит ли денег, чтобы купить мороженое для детей всего нашего двора и детсада? (Смех.) Это была идея! Итак, полученная сумма полностью будет передана ЮНЕСКО на развитие просвещения и книгоиздательского дела в слаборазвитых странах. (Аплодисменты. Голоса: «Посмотрим!» «Больной!»)

Вопрос. Известно ли мистеру Галкину, что епископ Калифорнийский предал его анафеме?

Галкин. На атеистов действие анафемы не распространяется. (Смех.) Президент США и епископ, каждый по-своему, отреагировали на финансовые трудности военно-промышленного комплекса и в частности на так называемую «калифорнийскую катастрофу». Я сочувствую семьям,

ены которых временно лишились работы. Но, как вы
ласте, есть и другая сторона этого явления — активность
отраслей гражданского назначения стремительно идет
вверх, в связи с чем безработица стремительно сокраща-
ется.

Вопрос. Как сообщило радио «Голос Израиля», Вам отказано в столичной прописке. Чем вызвано решение мэра Москвы?

Галкин (иронично). Все знают! Действительно, по этому поводу я получил даже официальную бумагу: Президент Академии Наук и Председатель Мосгорисполкома предлагали мне переезд в Москву на постоянное место жительства. Я ответил в том смысле, что мы с женой не намерены оставлять свой родной Барнаул. Тем более, что моя нынешняя работа в области квантовой механики не требует специального оборудования, поскольку носит сугубо теоретический характер. Как и все советские люди, мы горячо любим нашу столицу, испытываем к ней нежные чувства. Боюсь, что, постоянно живя в Москве, мы бы потеряли остроту этих чувств.

Вопрос. Я обращаюсь к Вам, миссис Галкина. Современные мужчины — очень скучные люди. (Смех.) Своей политикой они пугают даже нас, женщин. (Смех.) Но теперь, когда Ваш муж придумал эту прелестную вещицу, мы спокойно можем поговорить о главном. На Вас в высшей степени элегантное платье. (Смех. Аплодисменты.) Можно узнать адрес Вашего модельера? И еще: Ваш муж — как бы это выразиться? — странно относится к фантастическим возможностям бизнеса. Не потому ли Вы не имеете драгоценных украшений? Или, опасаясь самых квалифицированных в мире американских гангстеров, Вы оставили их дома? (Смех.) И еще: Вы, многодетная мать, продолжаете работать. Ваш муж по причине его странностей не в состоянии обеспечить семью? (Смех.) Простите, но иначе читательницы моего журнала не простят мне, если я не коснусь этих вопросов.

Галкина-Логачева. Наш девиз: в доме только самое необходимое. Так жил Владимир Ильич Ленин. Так воспитала меня бабушка. Так воспитываем мы своих детей. Свобода от вещей — самая необходимая вещь. Сохраняется энергия для полноты человеческого счастья — для семьи и для работы. (Голос: «Скучная дама», «Аскетизм — их тормоз».) Как преподаватель я с удовольствием веду курс патанатомии в Алтайском медицинском институте. Как научный работник я, кажется, небезуспешно заканчиваю тему «Профилактика злокачественных опухолей». (Бурные аплодисменты. Все встают.) Эту работу я посвящаю моей матери, умершей от рака. Что еще? Ах, да! Адрес модельера: СССР, Барнаул, улица Шукшина, 13, корпус 3, квартира 333, Людмила Лютикова. Извините — Людмила Груздь.

Председатель. Дамы и господа! Только что поступила телеграмма. Потрясающая новость! Беспрецедентно! Зачитываю: «Вашингтон. Перевесом в сто девять голосов конгресс присвоил звание Почетного гражданина Соединенных Штатов Америки советскому ученому Льву М. Галкину». (Аплодисменты. Голос: «Проклятье!») Поздравляю, профессор! Вы не против нашего гражданства?

Галкин. Почетного — не против. (Смех.)

Председатель. У меня такое впечатление, что Вы недооцениваете случившееся? Или внутренне Вы ликуете?

Галкин. Я спокоен. В моем положении нечто подобное должно случаться. (Смех. Аплодисменты. Свист.)

Вопрос. Председатель, сделай одолжение, представь меня мистеру Галкину.

Председатель. С удовольствием! Политический обозреватель газеты «Вашингтон пост» Гарри Трайдент. (Шум.)

Трайдент. Ты забыл, мой мальчик, добавить: профессор, лауреат Пулитцеровской премии.

Председатель. Ты прав, Гарри. Извини.

Трайдент. Мистер Галкин, завтра в этом дерьмовом листке (потрясает газетой) появится моя статейка. С Вашего позволения я оглашу ее окончание. Ребята, прошу не

требывать. Итак, статья называется «Да здравствует Американская Советская Социалистическая Республика?». Да, пока со знаком вопроса. «Русские подсунули миру столь привлекательную наживку, что даже наш народ, известный трезвостью своего ума, в приступе миропацифистской эйфории лишился элементарных навыков мыслить и — вопстину американская трагедия! — не видит, что действия Москвы вышли за пределы естественного и потому объяснимого государственного прагматизма и политического благоразумия, а военный альтруизм Советов так явно демонстрирует пренебрежение собственными стратегическими выгодами, что, глядя на все это, лишь безнадежный кретин не проникнется спасительным недоверием и здоровой подозрительностью. Было бы ужасно, но понятно, если бы Москва, овладев эффектом Галкина, выбила ядерный меч из наших рук и начала диктовать нам свою политическую волю или с позиции силы навязывать нам разоружение. Но нам предлагают нечто абсолютно противоестественное. Поверить Москве — то же самое, что поверить, будто нормальный человек, имея верный шанс выиграть миллион, сознательно поставит на приз в один доллар. Нет, пред нами грандиозный спектакль! Я преклоняюсь перед дьявольской силой русской пропаганды. Так околпачить мир! Достойно оценить это может лишь человек, который, подобно мне, находится вне чар советских гипнотизеров. Именно поэтому мне известно, чем закончится шоу. Отгремят овации, и всегда преуспевающий дядя Сэм вдруг обнаружит себя на месте последнего идиота. Но ему придется привыкать. Ибо — почитайте русские сказки, несчастные! — Иван всегда начинает дурачком, а кончает восхождением на царство. И тогда он покажет вам кузькину мать! Публично клянусь: день, когда США подпишут так называемый Торжественный Акт, будет последним днем моей жизни. Но я еще успею сказать: прощай, свободная Америка! Вам же предстоит удовольствие рвать глотки: «Да здравствует Американская Советская Социалистическая Республика!» (Шум.

Свист. Голоса: «Гений!», «Провокатор!», «Браво!», «Гарри — дерьмо!»)

Председатель. Спокойно, парни! Спокойно! Вам ли не знать: Гарри в своем репертуаре.

Голоса. Репертуар «Локхид» и «Дженерал электрик»! Заткнитесь, красные ублюдки! Сволочь, третий раз кончает самоубийством! Гарри — настоящий американец! Подонок! Председатель, закрывай бордель! Галкину — слово! Галкину — слово!

Председатель. Тихо, черт подери!!! Финиш, ребята! Итак, Галкин против Трайдента — верно? Прошу!

Галкин. У французов есть поговорка «Всякий судит о других в меру своей испорченности». Я не врач, и комментарий чьих-то галлюцинаций не входит в мою компетенцию.

Трайдент. Надо выражаться четко и ясно: мне, Галкину, нечем крыть! (Смех. Голос: «Браво!»)

Галкин. Да, господин обозреватель, мне нечего вам сказать. Безнадежный случай. (Шум.) Но воспользоваться встречей с журналистами, чтобы по поводу ваших «аргументов» сказать несколько слов американскому народу, в этом я себе не откажу. (Пауза.) Привычная посылка: представим невероятное. Так вот, невероятно даже представить, чтобы Советский Союз мыслил категориями Трайдента. Попытаюсь объяснить нашу «противоестественную» политику. Мы за то, чтобы подписание Торжественного Акта стало всемирным праздником доверия, чтобы Земля наконец облегченно вздохнула и уверовала: за первым шагом к предотвращению катастрофы последуют и второй, и третий... Но первый шаг самый трудный. Вот почему мы страстно желаем, чтобы он был понят всеми и всеми встречен с верой в торжество жизни и разума. (Аплодисменты.) И если, господин Трайдент, вы сдержите свое слово... Что ж, печально: вы — человек и, кажется, талантливый человек. Но, боюсь, человечество не разделит мою печаль, оно устало подозревать и бояться.

Вопрос. Мистер Галкин, Вы упомянули о дополнениях

к проекту Торжественного Акта. Как я понял, ожидается нечто впечатляющее. Понятно и то, что не в интересах Вашей делегации вскрывать суть сенсационных предложений и тем снижать их пропагандистский эффект. И все же не могли бы Вы охарактеризовать эти дополнения хотя бы в самых общих чертах?

Галкин. Ни сейчас, ни когда-либо прежде наши предложения не преследовали сугубо пропагандистских целей. Чужд нам и дух сенсационности. То, что вы называете «русской скрытностью», является обычной скромностью (Голос: «Что же тогда бахвальство?») и, нескромно скажем, солидностью. Итак, достаточно полно передаю смысл дополнений, которые в соответствующей редакции будут официально обнародованы Главой нашей делегации. Завтра спецрейсом «Аэрофлота» в Нью-Йорк будут доставлены двести копий микрофильмированной технической документации комплекса «Москва», которые Советский Союз безвозмездно передаст государствам — членам ООН (Аплодисменты.) как гарантию, что ядерное оружие отныне никогда не будет угрожать человечеству. (Аплодисменты.) Далее. Советский Союз передает пульт управления действующими комплексами «Москва» международной комиссии, в состав которой будет предложено ввести соответствующих специалистов из всех неприсоединившихся стран и стран, обладающих ядерным оружием. (Пауза. Овация. Все встают.) Вот вам очередной повод поговорить о «коварстве русских». (Смех. Новый взрыв аплодисментов.)

Глава 24

«ПИШИ, МАЙЯ, ПИШИ!»

— Так ты уверена, что не поймем? — спросила Эльвира Кондратьевна.

— Не знаю, — ответила я и рассказала, почему письмо вышло именно таким.

— Чего ж тут не понять? Все понятно, — сказал Брунэт. — А почему готовым текстом не воспользоваться? В «Комсомолке» печатался отличный текст. Обратила внимание? Только вырезать и отослать.

«Все понятно». А ведь не понял!

— Когда получит на русском и от руки, он заставит перевести и обязательно прочитает. Интересно же! — дополнительно объяснила я свой замысел.

— Ты так думаешь? — Эльвира Кондратьевна смотрела на меня, явно удивляясь: не ожидала-де такой проницательности, не ожидала!

— А то! Доведись вам подобное — заинтересовались бы?

Брунэт вяло улыбнулся. Зато Эльвира Кондратьевна стала моей союзницей.

— Разумеется! — согласилась она. — Пиши, Майя, пиши! Только я тебе рекомендую: обращаешься к официальному лицу — бумага должна быть по официальной форме. В правом верхнем углу: «Президенту США от такой-то, проживающей там-то. Заявление».

Брунэт склонил голову и ладонью прикрыл лицо, чтобы не видели, как ему смешно. А почему, собственно? Не по-бабенки гуторим — серьезные вещи обсуждаем! Или радуется, что дело у нас пошло на лад? Не похоже. Тогда — что?

— В общем, пиши, как хочешь, — продолжала Эльвира Кондратьевна. — В конце концов ты правильно понимаешь задачи борьбы за мир. Но, пожалуйста, без грубостей. Чтоб и намека на грубость! Про ЦРУ у тебя нормально, про ЦРУ обязательно напиши — вдруг ему действительно неправильно докладывают? Ведь бесподобно! Ведь не может он просто так верить, что мы за войну!

Только что трубы гремели: «Ура, победа! Мы с Эльвирой единомышленники!» И вот — досада. Стыд, что ли, за ту же Эльвиру Кондратьевну? Не уважала б ее, не было б обидно.

Моя бабушка, хоть и не историк, но о политике рассуждает, как Фарид Сейфуль-Мулюков. (Кстати, когда я писала главу «Пресс-конференция в Нью-Йорке», она ответила на добрый десяток вопросов и, не подозревая того, была моим консультантом.) А Эльвира Кондратьевна... Ее мысли — вот в чем загвоздка! Не могу сказать, что́ в ее мыслях мне не понравилось, но так хочется, чтобы в главном деле твой учитель всегда был умнее тебя!.. А может, она до того устала от ядерной угрозы, что уже не разумом, а чувством пытается понять некоторые вещи? Как, впрочем, и я. Ведь в голове не укладывается, как можно простое и ясное дело — людям нужен мир — запутывать и засорять до того, что, читаю в газете, половина французов убеждена: мы мечтаем на них напасть. Нет, в голове не укладывается! Значит, верят президенту США насчет «советской угрозы». Обязательно ему напишу! Просто и ясно. И, конечно, без грубостей. Вот если бы каждый советский человек да по письму — задумался бы президент...

Я взяла письмо и молча вышла.

Только вышла — голос Эльвиры Кондратьевны из открытой форточки: «Ничего я не смыслю в педагогике. Катастрофа!» Это она Брунэту пожаловалась. А он: бу-бу, видать, успокаивает.

Глава 25

БЕДА

Я стояла у дворца Эльвы и размышляла: «Может, вернуться и сказать, что напрасно она убивается? Что все ребята ее уважают?» Не секрет: похвала взрослым в сто раз нужнее, чем нам.

Но здесь из-за подпорок водонапорного бака выскочила Лю-Лю и, тяжело дыша, побежала в сторону медпункта. На меня даже не посмотрела. Не заметила.

Я догнала ее. Остановясь и прижав руки к груди, она хотела и не могла отдышаться. Пот заливал ей глаза.

— Беда, — выдохнула, — Витю, — выдохнула, — убили.

День померк, тишина упала на лес и лагерь, только стучит в висках: ту-Тум! ту-Тум! Люся что-то говорит, но это я вижу — не слышу. Наконец, будто сквозь вату, доносится ее голос:

— Чего ж ты? Беги к Горшку. Пусть инструмент готовит. Сейчас его приведут.

— Кого приведут?

— Витю же!

До медпункта было метров сто. Я побежала, но Люся окликнула:

— Э! Говори, что с дерева упал. Он так велел.

— Кто велел?

— Груздь, кто ж еще! Ой, беги же!

Я рванула со скоростью фотонной ракеты, той, что из книги «Неизбежность странного мира». До меня дошло: не убит Витя. Что-то случилось, но — жив. Жив Чемпиньон!

Пока жив?

Дверь медпункта была открыта. Но в дверном проеме — металлическая сетка, выкрашенная в белый цвет. Она не пускала. Первый раз толкнула слегка, второй — изо всех сил!

— На себя, — басом подсказала Горшок, она же врач пэ-лагеря, она же Берта Карловна Кох.

Я влетела в медпункт.

— Готовьтеинструментсейчасраненогопринесут!

— Обрадовала, — пророкотала Горшок, взяла скальпель и заложила им книгу, которую только что читала, поместила ее на тумбочку.

«Медленно-то как!» — с возмущением подумала я и удивилась: газовая горелка уже шумит, на огне никелированный коробок сверкает — готовится инструмент-то! А Горшок с места не вставала, как сидела, так и сидит.

— Итак, кто? что? где?

— Груздь Витя с дерева упал. Сейчас приведут.
— Приведут? Или принесут?
— Приведут. Вроде бы.
— Уже легче. Ушиб? Порез? Перелом? Прокол?
На миг в глаза бросилось, что все-все здесь белое: стены, потолок, мебель, пол (и пол!), занавески на окнах, халат, туфли и прическа на Горшке; оттого все остальное кажется черным: черный переплет книги («Колеса» Артура Хейли), черные брови, черные ресницы, черные усики Берты Карловны.
— Рука? Шея? Спина?
— Не знаю.
— Тогда, милая моя, поторопи спасателей!
Я кинулась к месту, где оставила Лю-Лю — она-то знает, как найти Витю. Но у дворца Эльвы — никого. Я в корпус — Лю-Лю и там не было. Все на речке. В лагере хоть шаром покати.
Я знала: сейчас ребята движутся к медпункту. Следовательно, чтобы их встретить, надо идти туда же.
Бедный Витя, совсем недавно такой веселый. Предчувствовал. То есть, наоборот...

Глава 26

В ЗАПАДНЕ

По сторонам асфальтированной дорожки тянутся кусты желтой акации, а вверху, над дорожкой, сомкнулись кроны берез. Как тунпель.
Я спешила зеленым туннелем. Было тихо. У нас всегда тихо. В других лагерях с утра до вечера гремит радиола. У нас этого нет. Эльвира Кондратьевна решила: будем наслаждаться шелестом листвы, пением птиц и собственными голосами. Радиола включается лишь вечерами и лишь на время танцев.

В конце туннеля уже белел домик медпункта. Я шла и гадала, что могло приключиться с Чемпиньоном. С дерева он не падал — «деревом» прикрывали что-то такое, о чем надо помалкивать. Что? Одно ясно: из-за пустяка к врачу не бегут. В том, что гонцом была Лю-Лю, ничего странного. Она спортивная девочка, со своим отцом, милицейским майором, каждое утро пробегает пять километров. Знать, далеко от лагеря это случилось, если тренированная Лю-Лю так запыхалась. Не обязательно. Могла выложиться и на короткой дистанции. Она в ужасе — значит, что-то тяжелое. Хотя паникерша она изрядная. Вероятно, сейчас подалась к ребятам. Постой-постой, ребята собирались к сохатому. И раненый, а потому свирепый зверь... Вряд ли! Нет. Утром даже при виде собаки не мог подняться. Сомнительно, чтобы к полудню выздоровел, слишком серьезная рана. Браконьеры... Вот! Вполне возможно. И тот мрачный тип... Конечно же! Мрачный тип, который заглядывал в окно столовой, — один из браконьеров, даже не исключено — главарь шайки. Приехали за жертвой, а там — ребята, свидетели их преступления. Вот тя как самый ловкий прикрывал отход ребят. Или защищал бедное животное. И они... В фильме «Тропой бескорыстной любви» — или «Тропою любви»? — они распрекрасно показаны, во всем отвратительном блеске: жестокие, жадные, ради куска мяса готовы на все. Недаром я испугалась, сразу почувствовала: гнусная личность! У меня это есть: чувство опасной ситуации или злого человека.

Я ускорила шаг. Сдерживала себя, чтобы не побежать.

За мной кто-то следил. Казалось, если побегу, он бросится вдогонку. Между лопаток — мерзкий озноб, верный признак чужого недоброго взгляда. Я — под колпаком. Из какого это фильма — «Семнадцать мгновений...»? Только не оглядываться! И я... оглянулась. Сзади меня, как и впереди, пустая дорожка. А в кустах? Метрах в десяти отсюда резко колыхнулась ветка, свисавшая над асфальтом. Птица взлетела? Но я только что проходила мимо —

пугнула бы. Спокойно: на ветку села какая-то пичужка, а ты уже готова думать...

И вдруг. Рядом. В кустах. Возле меня. Треснула. Сухая. Ветка... Кто-то. Кого-то. Предупредил: «Чш-ш...» Рядом. В кустах.

Меня заморозило, сковало страхом и ужасом: ни глазом повести, ни пальцем шевельнуть, ни воздуху глотнуть.

И только мозг, один только мозг лихорадочно работал.

Западня! Это не мерещится, нет. Ветка дернулась — факт, рядом люди таятся — факт. За мной охотятся.

Бежать? Ни в коем случае! Побегу — о н и, как собаки, невольно кинутся в погоню. И враз настигнут — рядом же! И не получится — бежать: ноги словно чужие. Выберусь (если выберусь) — никогда никого не буду пугать. Никогда никого. Берта Карловна — вышла бы на минутку, что ли? На ее глазах о н и бы не посмели — свидетель! Берточка, милый Горшочек... Если заорать, она услышит. Но пока она выйдет, о н и успеют дернуть меня в кусты — рядом же! А другого варианта нет, надо орать, и я осторожно и глубоко вдохнула...

— Логачева!

Меня как током шарахнуло!

Рядом, за кустами, стоял Красавец.

Мгновенная слабость, вот-вот упаду. Однако не упала — крикнула истерично:

— Ты чо здесь делашь?!

А он махнул рукой и просто сказал:

— Дуй к нам.

Я продиралась сквозь заросли акации и здесь меня вновь «током» ушибло: а как же людям на войне?!

Глава 27

ЧУЖАЯ

Стоя на коленях, Козлова делала повязку на голове Чемпиньона. А он сидел, прислонясь к березе, и улыбался мне побледневшим лицом:

— Что, Майка, казенное имущество ищешь? По кумполу — бац, ведро — йок. Пойми и прости.

— Чокнулись! — гневно вскричала я. — Перевязку затеяли! Там Горшок ждет! А что случилось?

— Вот именно: чокнулись, — тихо сказал Лева. Сидя в позе обреченного, он задумчиво жевал горький стебель одуванчика.

— До чего не люблю притворщиков! — не отрываясь от дела, сказала Козлова. — «Что случилось?» Тебе ж Люська все выболтала.

— Ничего такого не говорила. Честно!

— Ах, «честно»! Откуда же знаешь, что Горшок нас ждет? Да я эту Лютикову насквозь вижу. И тебя заодно. «Честно!» — И совсем другим тоном: — Ну как, Витя, больно?

— Больно — не то слово, — загадочно молвил Чемпиньон. Как бы подразумевалось, что и он, и Козлова, и Лева, и Красавец — все они знают, какое оно, «то слово», ну а другим знать не обязательно. И я не к месту, жестоко подумала, что Витек упивается ролью великомученика. Вероятно, это шло от обиды за печальную ясность: я здесь — чужая. Их по-новому объединило то, что с ними случилось, и то, что их ждет впереди. У них общая судьба. Общая до конца сезона. А кое у кого, может, и дольше.

Невольно смирясь, я спросила:

— Так что случилось-то?

— Правда, не знаешь? И Люлюшка не рассказала? — удивилась Козлова. И я только сейчас обратила внимание:

...ю здесь не было. Ни там, ни здесь. — Ну, тогда сов-
...другое дело...

Они сказали Брунэту, что купаться не пойдут — пере-
...елись на работе, а сами отправились к лосю. Над не-
...частным животным гудела туча мух и слепней. Ребята ук-
...ыли, точнее, забросали его ветками. Красавец поставил
...еред ним ведро с водой, на которую возбужденный зверь
...аже не посмотрел. Козлова сказала, что они уйдут, и зверь
успокоится, но все равно ему не дотянуться до воды. Гово-
ря ласковые слова, Чемпиньон осторожно приподнял ведро
и только двинул его ближе к сохатому, как тот всем туло-
вищем, резко подался вперед и взмахнул рогами. Груздь
отпрянул и упал. Все было напрасно — ведро опрокину-
лось, ветки слетели с лося. А самое ужасное: Витя не пода-
вал признаков жизни. Ошеломленные, ребята суетились
подле разъяренного зверя и поначалу не могли сообразить,
что делать. Лю-Лю навзрыд плакала. Наконец Козлова
и Красавец, взяв Витю за руки, оттащили от лося, вблизи
которого теперь оставался лишь Галкин. Он искал очки.
Найдя их, стал самим собой и первым делом выслушал Ви-
тю. «Дышит. Воды!» Пока ребята бегали к Барнаулке, что-
бы в ладошках принести воду, Чемпиньон пришел в со-
знание.

Удар лося был сильным, но, к счастью, касательным.
На Витиной голове обнаружили содранный, но не совсем,
лоскуток кожи. Его вернули на место, прикрыли подорож-
ником, а голову перевязали куском рубашки. Ее снял с се-
бя и разодрал на полосы Красавец. Козлова велела Люти-
ковой бежать в медпункт, чтобы Кох была готова к приему.
Чемпиньон заартачился: «Опупели? Из-за какой-то ссади-
ны...» Ребята настаивали: надо! Чемпиньон уступил: «Толь-
ко говори, что с дерева шлепнулся».

По пути в лагерь решили: все держать в тайне, к мед-
пункту добираться скрытно, иначе увидят окровавленного
Витю, начнется галдеж, дойдет до родителей, а те, как пить
дать, хай подымут. И кончится неприятностями для Эльвы.

Была надежда, что Кох, если ее обработать, накричит, но промолчит («Горшок — свой парень»). Уже на территории лагеря вздумали освежить повязку: та, первая, слишком окровавлена — Горшок может испугаться и доложить лагерному начальству о ЧП. А кому не известно: ЧП — самая мерзкая штука, хуже «двоек»! Вот почему Красавец наблюдал за движением. Он и сейчас был на посту.

Рассказав об этих грозных событиях, Козлова как бы ввела меня в круг их участников, и я вновь стала своей.

— Теперь самое страшное позади, — сказала я, кажется, лишь для того, чтобы оценкой событий подтвердить свою к ним причастность. Я как бы укрепляла право своего человека. Или проверяла его прочность. И тут же с тоской сообразила, что фраза «самое страшное позади» для меня имеет еще один смысл, однако о том, что я недавно пережила на дорожке, — никому ни слова. Может, только бабушке.

— А Горшок заждалась, однако. Подъем! — скомандовала Козлова. — Помочь, Витя?

— Сам! — ответил Чемпиньон, вставая.

— Да, Витек, повезло тебе, — стоя, сказал Лева. — Колоссально повезло. На миллиметр-два ближе, и... страшно подумать.

— Ха! Интересная ситуэйшен: одни рискуют, а другие дрожат. Везуха, говоришь? Спорт. Реакция меня спасла. И только! Другой бы навеки почил.

— Пожалуй, — согласился Лева. — Удар такой массы. Гора мышц!

— И я енту гору технически переиграл! Без дураков: окажись на моем месте плюгавик...

— Атас! — Красавец подал сигнал тревоги. — Чш-ш... Он приподнялся на цыпочках и, слегка покачивая головой (мешали ветки), всматривался во что-то, видимое только ему. Затем присел, откинул руку назад и показал три пальца: идут трое.

Мы тоже присели и, затаившись, начали ждать.

Глава 28

РОХЛЯ НА ПОСТУ

Только затаившись, узнаешь, что полной тишины не бывает. Но крик петуха в Горелой Заимке, слабый шум далекого поезда, гомон птах над головой — это не в счет. Тихо в лесу и в нашем лагере.

Напряженная тишина выжидания.

Конечно, напряженная. Но не сравнить с тем, что я испытала. Когда рядом ребята, когда тебе, по сути, ничто не угрожает... Ну, мораль, скулеж, нотации — подумаешь!

Я чувствовала себя, как в кино. Приключенческий фильм — сладкая близость безопасной опасности. Жизнь на «пять с плюсом»!

И здесь как хрыкнет!!!

Какой-то неумеха скуки ради дунул в пионерский горн. Ему, конечно, и в голову не могло прийти, что своим безобразным «хррыпш!» он заставил вздрогнуть притаившийся «цвет» старшего отряда. Догадавшись, что никто ее «не съест», Козлова хихикнула, Красавец цыкнул на нее. Бдительность!

И вновь тишина.

Я оглянулась. Куском рубашки Козлова убирала след красной струи со лба Чемпиньона. А он подмигнул мне и улыбнулся. **Красивый и мужественный, он и в последние минуты своей яркой жизни не терял силу и величие духа: искрометными шутками взбадривал остающихся, прочь гоня самую мысль о неотвратимости трагического финала. Он совершил подвиг, но ни он сам, ни его отчаянные друзья не говорили об этом всерьез. Безумно храбрые, и на смерть они шли с улыбками на прекрасных лицах...**

Галкин сидел, руками обхватив коленки, и оттого похожий на сломанное тележное колесо. С постной миной он осмотрел на снующих по березовому стволу муравьев. Но вот медленно поднял голову, насторожился...

Сначала я услышала частый стук женских каблуков, потом мужской голос: бу-бу, бу-бу-бу...

— Бесподобно! — гневный голос Эльвиры Кондратьевны.

— Моя вина, недосмотрел, — упавший голос Брунэта.

— Не время о себе! Главное сейчас — здоровье мальчика. Что за день такой, господи!

— Узнают — побьют. (Лю-Лю!) Ой, что будет! Ну, пожалуйста, ну скажите, что сами узнали. Я же как лучше хотела.

— Вот и объяснишь ребятам свою правоту...

Мы переглянулись. «Какова Лю-Лю!» — было написано на наших лицах. А Козлова спокойна: для меня-де не новость, я сразу эту доносчицу раскусила. Она открыла рот, чтобы, может, именно это и сказать, но, вздрогнув, уставилась на кусты. Теперь и все мы смотрели туда же.

Проморгал Красавец! Доверили рохле пост. Не трое, а четверо шли к медпункту. Он, этот четвертый, сейчас молча, явно ползком крался к нам сквозь кусты. Бежать поздно. Да и как побежишь со слабым Груздем? Не время ему бегать, однако. А одного оставлять — не дело. И смысла нет. Будь что будет.

— Радар, — негромко позвал Красавец.

Радар... Виляя хвостом, он всех оббежал, всех лизнул, кого в щеку, кого в руку, а меня в нос. Поздоровавшись, засеменил к красно-белой тряпице, фыркнул и заскулил: «И что же это такое? И сколько нужно вас учить? Я ж не случайно вызверялся на лесное чудовище...»

Козлова обняла Радара и, взглянув на Леву, а затем на использованный «бинт», повелела:

— Спрячь!

— Н-не могу, — заикаясь и бледнея, сознался Лева.

— Тоже мне, мужик называется!.. Красавец, Петя, возьми в карман. Придем — закопаешь.

— Частичные похороны Груздя, — торжественно произнес Груздь. — Не забудьте о пышном надгробии.

Не выходя на дорожку, осторожно двинули к медпункту. Говорили шепотом, что не помешало Козловой обрушить на Лю-Лю громы и молнии: «Ух, ненавижу предателей! Договаривались же!» Красавец: «Договаривались, но без нее. Сама ж ее послала». Козлова: «При чем здесь договор? И без него понятно — не доноси!» Галкин: «Эльвира волнуется. Не ожидал, что до такой степени». Красавец: «Она за нас отвечает и должна знать все». Козлова: «Так уж и все!» Галкин: «В данном случае — все». Козлова: «Кто защищает предателей, тот знаешь — кто? Сам предатель!» Красавец: «Этим словом так запросто не бросаются». Козлова: «Знаем вас, умников! Вот и Логачева умно помалкивает». Я: «Пожалуйста. Могу сказать: Белоштанный и Галкин правы». Козлова: «Для тебя, Майка, мальчишки всегда правы. Говорили б они то, что я сейчас говорю, ты б за них руку тянула». Я: «Ну, знаешь!» Чемпиньон: «Может, прекратим собрание? Тем более, что дальше некуда — уже пришли».

Да, пришли. Между деревьев белел домик медпункта. На всякий случай мы присели за кусты. Я чуток раздвинула ветви акации.

— Итак, жду! — грохнул бас Берты Карловны.

И без того высокая, она прямо-таки возвышалась на белом крылечке. А рядом, на асфальте, стояли маленький Брунэт, еще меньшая Эльвира Кондратьевна и совсем маленькая Лю-Лю. То есть рядом с Кох они уменьшились.

— Где их искать, ума не приложу, — глядя в нашу сторону (показалось, глядя прямо на меня), чуть не плача, сказала Эльвира Кондратьевна. У меня сердце заныло от жалости.

— Уверяю, ничего страшного, — успокаивала Берта Карловна. — Настолько ничего, что зангрались и забыли о медицине.

Брунэт хмуро оглядывался по сторонам, а Лю-Лю, отвернувшись, ковыряла в носу.

— Люся, поведешь нас к тому месту, где их оставила. Оттуда и начнем, — распорядилась Эльвира Кондратьевна. — А где собака? Радар!

— Радар! Радар! — подхватила Лю-Лю. — Радар! Дружок!

— Бесподобно глупый пес, — пожаловалась Эльвира Кондратьевна.

— Что вы хотите? — поспешил согласиться Брунэт. — Бесхозная дворняжка!

И они пошли. Эльвира Кондратьевна — нервно стуча каблуками, Брунэт и Лю-Лю — бесшумно.

Я дрогнула: окликнуть? «Эльвира Кондратьевна, не мучайтесь напрасно — мы здесь. У Вити и правда ничего страшного!»

Но — договор! Вот положение: что ни сделай — кого-то предашь. Сейчас я предавала безвинно страдавшего человека. Почему так получается? С чего это началось?

«Молодец, молодчина, умница!» — шептала Козлова, поглаживая Радара. Когда в нем нуждались (и нуждаются), когда его звали, он напрягался, но шагу не сделал к зовущим. Тоже «свой человек».

Глава 29

НА ПРИЕМЕ У ВРАЧА

— Добрый-предобрый день, Берта Карловна! Царапинку йодком спрыснуть, можно? Извините, конечно, что пустяком беспокою.

— Садись! — это Горшок Чемпиньону. — Ты садись там! — это мне. — Остальные — пулей за Эльвирой Кондратьевной! Орите громче — недалеко ушла, услышит.

Не успели ребята сеткой хлопнуть, а Груздь уже укол получил.

— Ну, кто кого?

— Вы меня, Берта Карловна! — радостно отозвался Чемпиньон. — Исключительно: вы — меня.

— Естественно! Но я не о том. — Горшок ловко сняла повязку, бросила ее в белое ведро. — Слава идет, что с лосем бодался. И кто кого?

— Выиграл. По очкам.

— Поздравляю! За это потревожим твою шевелюру. Малость побреем, швы наложим и на все четыре стороны.

— Как говорится, эпде гут — аллэс гут!

— Шпрэхэн зи дойч? — спросила Берта Карловна и, взглянув на бессмысленную физиономию Витюли, ответила: — Найн!

— Это я так, Берта Карловна, для шику и заради светской беседы.

— Хо-хо! Жаль. А то практиковались бы в немецком.

— Конечно, жаль. Только не пытайтесь со мной на англо-франко-испанском — снова будет жаль. Так-то я разбитной, а на языки не боек. Ага.

— Искренность — выше полиглотства.

В окне, спиной к которому стояла Горшок, нарисовалась Козлова. Она показала на себя и в лес: ждем вас там. Значит, не бросились за Эльвирой Кондратьевной. Может, напрасно?

— А что, победитель сохатых, за что вы меня Горшком величаете?

— Вас, Берта Карловна? Горшком? — натурально удивился Чемпиньон.

— Нас. Горшком.

— Ну, Берта Карловна, все-то вы знаете!

— Теплее. Итак?

— Может, помните, тогда на линейке?.. Ой!

— Не дергайся. Я же не лось. Итак, на линейке?

— Если клещ, чтоб немедленно к вам. Береженого бог бережет. Вы так сказали. Исключительно верно сказали.

— И что же?

— А кто-то вякнул: на Коха надейся, но сам не плошай.

— Хо-хо! Остроумно!

— А вы, наверно, не поняли и сказали: зовите меня хоть горшком, только укусов клеща не скрывайте.

— Хо-хо! Значит, уважили мою просьбу. Теперь спокойно.

— Ой!

— Ну, милый, девчонка рядом — забыл?.. Еще немножко потерпим. Так. Молодец! И еще совсем немножко... Все! Теперь повязочку-перевязочку.

Стукнув сеткой, влетела Эльвира Кондратьевна. В красных пятнах, каштановые пряди на влажном лбу.

— Ну?! Ничего страшного?

Ей очень хотелось, чтобы ничего страшного.

— Абсолютно нет оснований для тревоги, — докторским тоном заявила Горшок. И сказала буднично: — Быстро же они вас нашли.

— Кто нашел? — напрягаясь, спросила Эльвира Кондратьевна. Должно, подумала, что опять неприятности.

— Ребят за вами посылала. Быстро, говорю, нашли.

— Какие ребята! — вскричал Брунэт. Он стоял у двери, возле табуретки, на которой я сидела. — Нас нашел и привел сюда Радар. Чуть ли не затащил, барбос. Умная псина!

— Бесподобная собачка, — подтвердила Эльвира Кондратьевна и, повернувшись к Брунэту, меня увидела. Взгляд измученного, усталого человека. Во взгляде — упрек: «Даже Радар понимает, как быть в таких случаях. А ведь у него собачье сердце». — А ты что здесь делаешь? мое присутствие Горшок.

— Отвлекающий психологический фактор, — объяснила

— Они умные дети. Но еще дети. Еще не знают, что такое ответственность, — сказала Эльвира Кондратьевна. — Сама виновата — переоценила. Пошли, Олег Николаевич!

Когда они вышли, Чемпиньон заерничал.

— Усекла, Логачева? Я по темечку тюкнутый, но она сама виновата. Что ж, солидарен. Подписываюсь под таким заявлением.

— По попе тебя бы тюкнуть. Вы же, оболтусы этакие, понятия не имеете, как за вас душа болит. Жениться пора, а ты в бодалки играешь, — сказала Горшок, тем самым подтвердив, что и она не поняла, о ком говорила Эльвира Кондратьевна.

— Насчет женитьбы не знаю, — глубокомысленно изрек Чемпиньон. — А замуж некоторые хоть вчера готовы.

— Это она обо мне, — сказала я. — При мне она сторожу наказывала, чтобы про лося никто не знал. Я во всем виновата.

— Ха! Ну ты, Майка, оскорбляешь! А нам черепушка зачем дадена? Зачем туда шарикоподшипники вложены? Да и что случилось? Ничего же такого не случилось, верно, Берта Карловна?

— Все! Готова твоя черепушка. Не бегать, не прыгать. Завтра в десять встречаемся здесь же.

— Обязательно! Большое и горячее, как солнце, спасибо, Берта Карловна!

— На здоровье. А сохатого жалко.

— Полностью с вами согласен, Берта Карловна!

Глава 30

ВОКРУГ «ДУРАКА»

Обратно шли в таком порядке: впереди Чемпиньон с Галкиным, за ними — я с Натой, следом — Красавец.

Горн пропел обеденный сбор «Та-та, ту-ту, то-то-то-о!..»

Всего лишь два часа? А кажется, событий на целую неделю.

— Бери ложку, бери хлеб, — вслед за горном спел Чемпиньон. — Нормально! Я ее на подхалимаж взял. Будет помалкивать. Учитесь, детишки, пока дядя Витя с вами!

Он имел в виду Берту Карловну. А точнее — себя. Даже врача не мог пропустить вперед. Привык лидировать

не только на беговой дорожке. Но в его жажде первенства была такая откровенность, что это даже нравилось. Чемпиньон и есть Чемпиньон. Душа нараспашку!

Конечно, Кох вовсе не покорена его ужимками, и, если она говорит, что ничего страшного, то, думаю, так оно и есть. Но разве скажешь это больному человеку? Больные живут в щадящем режиме.

А Козлова не пощадила.

— Дурак ты, Витя, — сказала она. — Мой папа говорит, что Кох — настоящий коммунист. Ее ни на лесть, ни на испуг не возьмешь. За это и поплатилась. И папа будет драться за нее до последнего. Надо будет — до Москвы, говорит, дойду. Нельзя, чтобы таких людей поедом ели. А ее с главврачей заводской медсанчасти сняли.

— И все-то наша жизнь есть борьба-а, — пропел Чемпиньон. — Козлова, ты со своим папой жизни не знаешь. За «дурака» в жизни знаешь, что бывает? Промежду прочим, и про Берту дядя Витя знает побольше твоего, но помалкивает.

Лева спросил, чем кончился мой визит к Петровым. Я сказала про письмо и фотографию. «Колоссально!» — как бы похвалил меня Лева. А Красавец сказал, что руки чешутся — почитать!

— Ради справедливости, заметим, что без дяди Вити ничего этого мы не имели бы! — сказал «дядя Витя».

— Кто говорит! — горячо поддержала его Козлова. — А Люлюшка все равно предательница. Как думаешь, Витя?

— К дуракам с вопросами не лезут. Когда нужно, они без вопросов свою башку подставляют.

О, Чемпиньон повязку на голове нес, как медаль на груди!

— Ну, на «дурака» кто обижается, знаешь? — сказала Козлова. Ласково сказала, но Чемпиньон должен бы ответить. Не успел. Потому что я вскрикнула:

— Это он!

События круто повернули в другую сторону.

Глава 31

ВНОВЬ МРАЧНЫЙ ТИП

Кончился зеленый туннель, и перед нами открылась Звездная площадь — большая поляна, в центре которой высился флагшток, а по сторонам, между деревьями, желтели, голубели, краснели жилые и прочие домики. По ту сторону поляны, за старым громадным тополем желтел двухэтажный корпус мальчиков (на первом этаже библиотека, на втором — они). Ближе всего к нам сейчас был «дворец Эльвы». От Звездной площади его отделяли кусты сирени.

Лишь увидев площадь и «дворец», я невольно вскрикнула: «Это он!» И невольно же показала в его сторону. В том, что и как я сделала, была непроизвольная тревога. Непроизвольно и в тот же миг она передалась остальным.

У ступенек «дворца» стоял мрачный тип: черная борода, черные очки, красная рубаха, синяя куртка. По-моему, сквозь сирень он украдкой рассматривал наш лагерь. Его левая рука шарила в брючном кармане, а потому его левое бедро не было прикрыто. На этом бедре висел большущий нож. Судя по величине желтого чехла, нож был раза в три шире и раза в два длиннее кухонного.

Мой возглас мужчина услышал. Глянув в нашу сторону, он пошел прямо на нас. Мы молча двигались ему навстречу. Он спешно выпростал руку из кармана, и пола синей куртки тут же прикрыла его оружие. В его левой руке тарахтел спичечный коробок.

Хриплым голосом он спросил, не знаем ли мы, где начальница пионерлагеря. Галкин ответил, что, вероятно, в столовой, контролирует прием пищи. «Может, сбегаешь?» — глядя на Леву, прохрипел мужчина, и Лева, будто загипнотизированный, не сказав и слова, кинулся выполнять его волю.

— Ну, что интересного? — прикуривая, спросил мужчина.

Не спросил прямо: как, допустим, отдыхаете? Нет, он определенно что-то выуживал, надеялся что-то узнать окольным путем. Как бы безразлично-вежлив... Но Чемпиньон тоже не простачок, ответил туманно: «А что у нас может быть интересного? Все или ничего».

Подошли Эльвира Кондратьевна и Лева.

— Мы за подранком, — прохрипел мужчина.

— Великолепно! — мелодично отозвалась Эльвира Кондратьевна. — Мы там пост выставили... Ребята, марш-марш — на обед! Как самочувствие, Витя?

— Нормально.

— Вот, полюбуйтесь! — она протянула узкую ладошку к голове Чемпиньона. — Работа вашего подопечного! На обед, ребята. Кушать и отдыхать. Ты, Витя, обязательно приляг. Проверю.

Мы медленно побрели к столовой. Какой обед, когда такие события назревают! Раненого лося будут лечить или вывозить. Конечно, мы прислушивались, о чем там разговор.

А разговор, по всему видать, получался странным — Эльвира Кондратьевна не могла сообразить, к чему клонит чернобровый. «Бесподобно!» — возмутилась она, когда стало очевидным: этот тип требует представителя от нашего лагеря, чтобы он подписал акт «на выход лосятины».

— Простите! — отчетливо донесся голос Эльвиры Кондратьевны. — Снимите, пожалуйста, очки, я не могу так разговаривать... О каком порядке речь? Какой акт?

— Хрпрх...

— Бесподобно! Вы в своем уме? Под боком у детей живодерню устраивать! Да вы представляете, какая травма!

— Хыр-прых...

— Пошли отсюда! Где ваш транспорт?

Так-так... Не лечить и не эвакуировать. А совсем даже наоборот: жизни лишать! Вот зачем они приехали.

Нет, недаром я сразу почувствовала: темная личность, страшный тип.

Чем же я раньше думала?!

Глава 32

БАНДИТЫ

— Браконьеры! — волнуясь, прошептала я. — Пронюхали, где лежит лось, и приехали. До ночи ждать долго, а так, днем, еще удобнее. Чтоб им не мешали, акт придумали.

— Акт выбросят, а лосятину съедят или продадут, — предвидя ход событий, заключил Лева. Умный же парень!

— Мой папа рассказывал... — возбужденно начала Козлова.

— Вечно ты со своим папой! — оборвал ее Чемпиньон. — Действовать надо!

— Действовать, — хмуря брови, сказал Лева. — Но что и как?

— Прежде всего проследим, что они будут делать, — сказала я.

— Будто не знаешь, что! — возмутился Лева. — Прежде всего надо предупредить Эльвиру Кондратьевну, кто они.

— Майя! Ната! — послышался голосок Лю-Лю. Она бежала к нам от столовой.

Козлова почти рассвирепела: этой нам еще не хватало! Но Красавец здраво рассудил: в таком деле лишних не бывает.

Мы вошли в заросли, где нас и догнала Лю-Лю: «Ой, девочки-мальчики, — будто сто лет не видела! — Витя, у тебя как — порядок?» Красавец призвал ее к тишине и спросил:

— Пойдешь на опасное дело?

— Смертельно опасное! — строго предупредила Козлова.

— Ой! Ну конечно же! — обрадовалась Лю-Лю. — Всегда готова.

— Не думай — не игрушки! — еще строже предупредила Козлова.

— Из игрушечного возраста вышла, — обиделась Лю-Лю.

— Ха! Кадры... Изложи ей. Вкратце, — обратился ко мне Чемпиньон. Сам не может, раненый.

Я изложила, большие глаза Лю-Лю увеличились вдвое. Тут после маленькой отлучки явился Галкин. Он сказал:

— Их машина у центрального входа. Идем, как ни в чем не бывало. Я, Груздь и Лютикова блокируем ее спереди. Логачева и Козлова незаметно осматривают кузов. Если получится. А ты, Петя, наблюдаешь из укрытия. Мало ли что... Надо, чтобы Эльвира Кондратьевна их документы проверила, но это дело колоссальной сложности, а она — не Алехин. Читали «Момент истины»?

— Уу! — взвыл Красавец: мол, читал, отличная вещь!

— Тогда по местам! — негромко скомандовал Галкин. Точь-в-точь, как Алехин*.

Красавец бесшумно растаял в зарослях, а мы выбрались из кустов и, миновав «дворец Эльвы», пошли к центральным воротам.

Грузовик — помятый ГАЗ-53 — смотрел на лагерь. Правда, его правую фару заслоняли Эльвира Кондратьевна и мрачный тип. Они о чем-то говорили. Чуть в сторонке, сдвинув на затылок замызганную шляпу и явно вслушиваясь в разговор, стоял пожилой сухопарый мужчина. Из-за его спины торчал ствол ружья.

— Да, не похоже на спасателей, — тихо сказал Лева.

---

* Алехин — герой широко известного романа В. Богомолова «Момент истины», посвященного армейской контрразведке в годы Великой Отечественной войны. *Прим. публикатора.*

Увидев нас, Эльвира Кондратьевна вскинула (удивлена) и насупила (возмущена) брови.

— Дети, здесь вам делать нечего! Для кого «тихий час»?

Лю-Лю приотстала, а мы двигались в том же темпе.

— Извините, но сейчас мы должны быть здесь, с вами, — солидно сказал Лев Галкин.

Эльвира Кондратьевна слегка улыбнулась. Она не понимала, что здесь происходит и что может случиться в любую минуту. Но что бы ни случилось, мы будем с нею.

— Дисциплина, — хрипло выдавил тип.

Он провоцировал строгость начальницы, бил на ее самолюбие, надеясь, что она отправит нас обратно. Лишние свидетели им не нужны.

А вообще-то ни мужчина в черных очках (кстати, их он так и не снял), ни мужчина с ружьем не обеспокоились нашим появлением. Не берут нас в расчет? Или, скорее всего, перед нами были наглые, уверенные в себе бандиты. Мы промахнулись, не позвав Брунэта, он был бы очень к месту.

За рулем машины сидел пухлощекий, с громадными ручищами здоровяк. Откинув голову назад, он дремал. Когда я проходила мимо, он чуть приоткрыл левый глаз и посмотрел в мою сторону. Не думаю, чтобы это мне показалось. Шофер, безусловно, притворялся спящим. Об этом красноречиво свидетельствовала дверца автомобиля: со стороны водителя она предусмотрительно была открыта настежь.

Не мешкая, однако и не спеша, я миновала великана.

Кузов грузовика был превращен в фургон: боковые стены и крыша из выцветшего брезента, а задней стены не было — только борт.

Оглянувшись на кусты, откуда вел наблюдение Красавец, я четким жестом показала на номер машины, затем — на свой висок: запомни, Петя! Я тоже запомнила — цифры: год рождения бабушки, буквы: АБН — но кто знает, как все обернется...

Обеими руками ухватилась за край борта, правую ногу поставила на крюк, что под кузовом, приподнялась и — вот оно, доказательство, что к нам пожаловали браконьеры!

Вдоль кабины и левого борта — лавки из толстых досок, в центре кузова — какое-то приспособление... большие весы! На весах — аккуратно свернутый брезент (чтобы прятать следы преступления!), на брезенте — внимание! — громадный топор. С такими топорами на базаре работают мясники.

С самого начала, уже готовясь к поездке, эта шайка и не помышляла о спасении бедного лося. Ах, бандюги!

Я перемахнула через борт и оглянулась. Как и было договорено, в зоне моей видимости Ната Козлова якобы собирала цветы, то есть цветов не было, и она (молодец!) занялась сосновыми шишками. Я сделала ей рукой: иди сюда! Вероятно, мое лицо выражало слишком многое, потому что Козлова побледнела и на цыпочках пошла к машине. А вот это напрасно — могут заметить, надо идти обычным шагом. Мельком вспомнились ее слова: «Здесь не игрушки». Верно, Наташенька, сейчас увидишь: далеко не игрушки!

Я склонилась над топором. Вместе с брезентом он был приторочен к большим весам. К счастью, топор был привязан «на бантик». Дрожащие руки возились с синтетической веревкой, а мысль вертелась вокруг весов: зачем они? зачем? А вот зачем: по-быстрому, прямо с машины распродать лосятину, и дело с концом, все шито-крыто. Все продумали! Видать, не первый раз. Но на этот — не выйдет номер, разбойники!

Освободив топор, я передала его Козловой и рукой показала на кусты: туда!

Оставив кузов, я направилась к ребятам. Ни они, ни Эльвира Кондратьевна еще не располагали самой важной информацией.

Впрочем, они тоже не теряли времени даром.

Чемпиньон ластился к сухопарому: дяденька, дайте по-

держать ружье. Разоружить бандитов — гениальная мысль! Но не так-то просто...

— Нельзя, не для баловства, — ответил сухопарый. (Как и следовало ожидать!)

— Ну, пожалуйста. Выньте патроны, если боитесь.

— А их тама нету, патронов. Не заряжено. (Так ему и поверили!)

— Ну вот, безопасно. Ну, дяденька, в жизни ружья не держал.

— Витя, неприлично! — сказала Эльвира Кондратьевна.

— Дело, однако, мужчинское, — якобы с пониманием прогудел сухопарый. — Сам был огольцом, увидишь ружье — аж в дрожь бросает. (Понимать-то понимает, но ружье не дает.)

— Эльвира Кондратьевна, пусть они покажут вам документы! — решительно предложил Лева. Молодец! Пора действовать решительно.

— Однако, — прохрипел чернобородый и вроде улыбнулся. Презирал, что ли? Во всяком случае, Левино предложение его нисколько не обескуражило. Надо полагать, документами они запаслись, предусмотрительный народ — видели, знаем! И что мы против них, против мужиков с оружием? К тому же машина — наделают делов и поминай как звали. А звали наверняка не так, наверняка липовые документы!

Мрачный тип вытащил из кармана какие-то бумажки и протянул их Эльвире Кондратьевне.

— Это еще зачем! — удивилась она и вздохнула. — Ну что ж, скажете нашему товарищу, что говорили со мной, он и подпишет.

Она ничегошеньки не знала.

— Это ж браконьеры! — крикнула я, показывая на мрачного типа.

Лю-Лю, будто ждала сигнала, вцепилась в бампер.

— Только через мой труп! За что кровь проливали?! Вот вам и куколка Лю-Лю!

А наши парни стоят обормотами, рты разинули. Галкин всегда таким был, но Витя-то, Чемпиньон!

— Вы в своем уме! — поразилась Эльвира Кондратьевна.

Мы-то в своем. Боже мой, Чемпиньон! Струсил Груздь, решил улизнуть. Бочком-бочком, за машину. Подальше от сухопарого, пока тот стрелять не начал?

— Вы в кузов посмотрите! — заорала я. — В кузов!

Глава 33

НАМ — БЛАГОДАРНОСТЬ

Я так громко орала, что шофер проснулся. Действительно, спал великан. Неожиданно тонким голосом он застрекотал по-сорочьи: «Чо? Чо?» — вывалился из кабины, подскочил к чернобородому (тот стоял не шелохнувшись): «Что такое? А? Чо?»

И здесь во всем блеске показал себя Чемпиньон. Его забинтованная голова белой молнией сверкнула от машины к воротам.

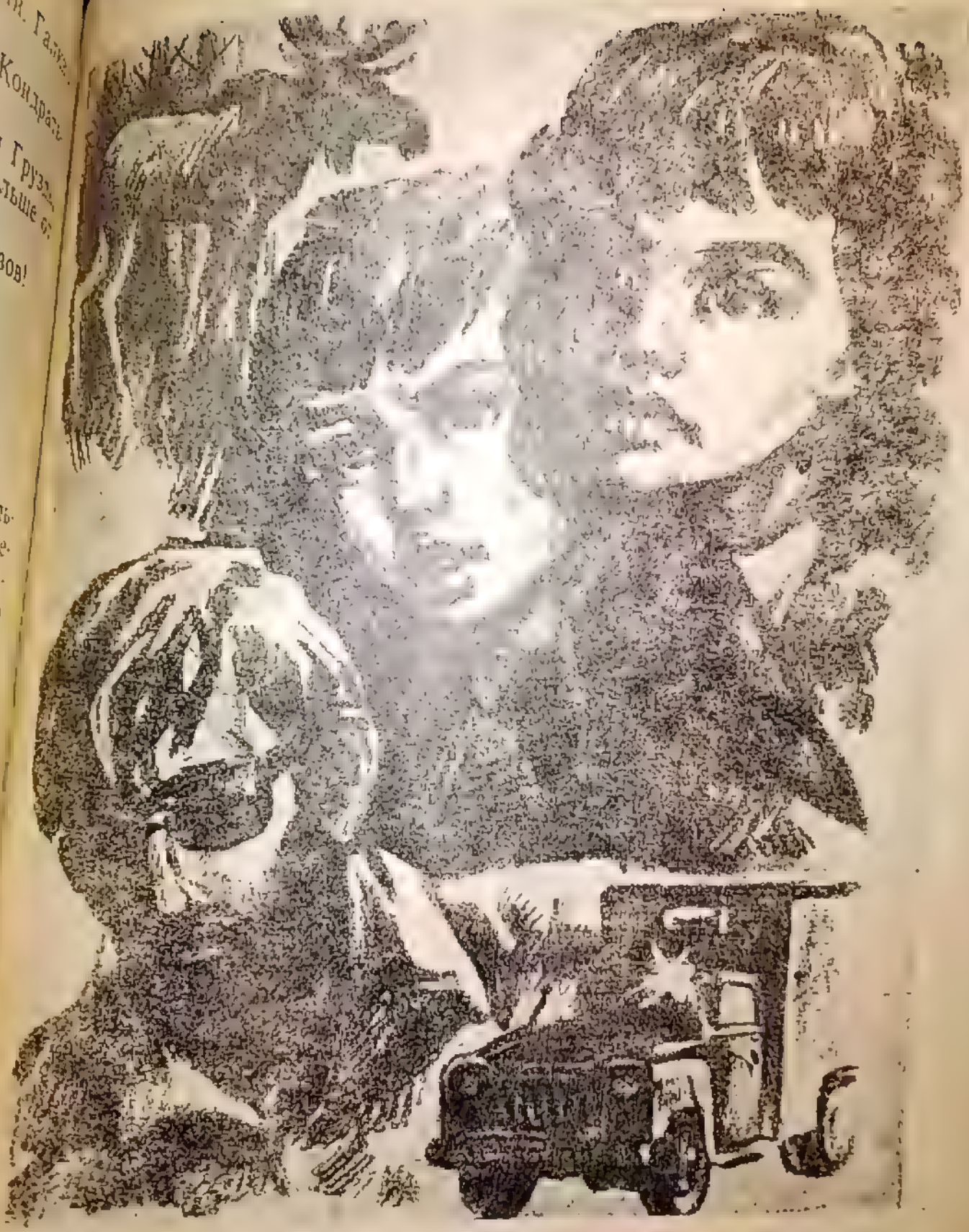
Первым оценил ситуацию чернобородый: «Ключ». Услышав подсказку, опомнился и водитель грузовика.

— Ключ! — взвизгнул он и, сотрясая планету, метнулся к Чемпиньону.

А тот, стоя за воротами, издал победный вопль: «Хихимото!» и пустился в глубь Звездной площади. Великан настигал его, вот он вытянул руку, показалось, уже достал свою жертву, но Витя, Витюля, Виктор! увернулся с ловкостью тореро, а шофер могучим вихрем пронесся мимо флагштока, не мог погасить силу инерции. Витя же стрелой полетел обратно, к нам. Да здравствует спорт! Без топора и машины их дело — гиблое дело.

— Вите ж бегать нельзя! — вспомнила я.

И, как усилитель, зазвенела Лю-Лю:



— Витя, тебе бегать нельзя!

И вышла из оцепенения, очнулась Эльвира Кондратьевна:

— Груздь, сейчас же верни что взял!

В образовавшейся тишине прогудел голос сухопарого:

— Вылитый дурдом, прости господи.

Он дернул плечом и побледневшими пальцами вцепился в ремень ружья. Он был готов на все.

Я тронула Эльвиру Кондратьевну и тихо, без малейшего волнения (хотя чего мне это стоило!) сказала:

— Идите и звоните в Горелую Заимку, там есть милиционер.

— Опять ты, Логачева!

Ее ответ ошеломил меня. Одно и то же. Шаблон, привычка — они взяли верх даже в этом случае! Но жизнь может преподать страшный урок. Хорошо, что рядом с Эльвирой, будто ее телохранитель, стоял Лева. Он принялся вразумлять ее:

— Майя права...

— Дурачки вы мои славные, — обняла нас, Леву и меня, Эльвира Кондратьевна, — да вы никак всерьез?

Вот когда пришло настоящее, великое ошеломление! Казалось, спроси: «Как тебя зовут?» — искренне отвечу: «Не знаю». Какое-то время я ни о чем понятия не имела. Полное отключение.

А «включил» меня Радар.

Когда шофер, влекомый силой разгона, в одиночестве бежал к флагштоку, ему наперерез выскочил Радар. С лаем он атаковал и могло показаться, остановил великана. Шофер повернул обратно, что многократно вдохновило нашего пса. Тявкая, он посматривал на нас: «Видите, как работаю? Перехватил, задержал, веду к вам».

Надоело. Никогда б не подумала, что писать — это так тяжело. Устала. А если честно? Если честно, устала и стыдно. Ловлю себя на желании что-то скрыть, что-то приукрасить. Тогда не пиши. Второй час ночи, пора спать. Спать.

Чемпиньон вернулся к флагштоку, нашел там выброшенный ключ и, придя к машине, вручил его шоферу. Тот залез в кабину, звучно хлопнул дверцей и крикнул оттуда, недовольный: «Трогаем или что? Может, хватит?»

Чернобородый кивнул ему, что, мол, ясно, понял тебя. Затем прокашлялся и сказал:

— Я рад. Очень. Кх! Решив, что мы браконьеры, вы, кх, не струсили. Благодарю вас как наших союзников.

Он каждому из нас пожал руку, сказал «спасибо» и пошел к машине. Потом мы молчали, а он дергал заклинившую дверцу.

Из-за фургона выскочил сухопарый.

— Погодь, Юрий Михалыч! Тута пропажа. Огольцы, которы союзнички, шастали, однако.

Топор!.. Но от кустов уже шел Красавец. Лезвие громадного инструмента, слепя глаза, сверкало на солнце.

Пока машина сдавала назад и разворачивалась, из кабины прощально махал рукою мрачный мужчина. И мы, тоже не веселые, махали ему в ответ.

Всё. Уехали.

— Ну, что ж, нормально! Так, Эльвира Кондратьевна? — тоном министра из многосерийного телефильма сказал Чемпиньон.

— Бедненький лосик, — сказала Лю-Лю.

Глава 34

ПЛАН ОПЕРАЦИИ «DR»

Но ведь и Лева (даже Лева!) не сомневался: браконьеры. Все доказательства налицо. Однако ничего они не доказывают. Как же так? «Обед и отдых, — сказала Эльвира Кондратьевна. — Что же касается этого, поговорим на вечернем костре». Но и своим умом хочется дойти: ружье, топор — как это вяжется с защитой природы?

Ах, о чем печаль! Главное — насмешила. Всем хохмам хохма. А в школе узнают — вот будет ржачка! Уйти в лес, только никого бы не видеть.

Но вопросы «почему?», «как?», но догадка, что лишь своим умом, кажется, не проживешь, — все тянет к людям. Да и поесть не мешало бы.

Лю-Лю уже пообедала, но в столовую пошла за компанию. Ели вяло и молча, как никогда. Лишь больной Чемпиньон взял добавку: «Люблю, когда поварам приятно».

Мы пересекали Звездную площадь. Тихо и безлюдно, кроме нас — никого.

— Не надо печалиться, вся жизнь впереди, — ковыряясь в зубах, вдруг замурлыкал Чемпиньон. Сплюнул и сказал: — Итак, в нашем активе жирное очко: мы — бесстрашные борцы против гнусанос браконьерос. Это хорошо. Плохо то, что очко несчетóво.

— Как это? — встрепенулась Лю-Лю.

— Так это что, пропаганда — друг человека.

— Да, Майка, а письмо же! — вспомнил Лева. — Сейчас придем — вынесешь?

— Ишь, чего захотел! После меня. Почитаю — Люсе отдам, а она тебе занесет. Чтоб время на сон не тратить.

О читке письма Лева первым заговорил, но Козлова повернула так, будто уже существует очередь, хотя, по правде, никто ее не устанавливал. Но меня сейчас занимала не очередь на письмо Федорченко: кто-то прочитает раньше, кто-то позже — какая разница? Меня занимало «очко за гнусанос браконьерос». Если насмешник Груздь говорит об этом вполне серьезно, то можно ожидать, что и другие это примут так же. Кто-кто, а Чемпиньон — авторитетный товарищ. И, значит, я избавлена от насмешек? Этот мир вновь обретал прочность.

— Кстати, о Нюркином братане, — сказал Чемпиньон. — Есть предложение с готовыми предложениями после «тихого часа» сбежаться на Медвежьей поляне.

Медвежья поляна метрах в ста от пэ-лагеря. Маленькая, круглая, по ее диаметру лежит поваленная береза — часть корней в воздухе, но крона зеленая. На зеленой траве — зеленые ветви могучей березы. Лагерное преданье гласит, что ее повалил медведь. Было это летом аж 1917 года, когда горел Барнаул. Чтобы лучше разглядеть, что это и где полыхает, мишка забрался на березу и рухнул вместе с нею. Никто в эту байку не верит, но каждый рассказывает ее новичкам.

— Прошу! — показывая на белый ствол, пригласил Чемпиньон. — Оцените заботу дяди Вити: места пружинистые, сплошная комфортастика!

— Ой, что ты! — испугалась Лю-Лю. — Ей и так больно!

— Ничего ей не сделается! — заверил Чемпиньон. — Родная русская береза — живучая вещь!

Но Лю-Лю не села. И никто не сел.

Вот случай! А до этого сколько раз и сидели на ней, и даже ходили по ней.

Чемпиньон предоставил слово Лю-Лю.

— Ой, что говорить-то? Что Логачева с Левой скажут, то и будет. Не так, что ли?

Только не сказала: «Думать! Вот еще, нашли дурочку!»

— Ясненько. Пусто! Козлова Наталья Батьковна? Только в темпе. Как говорит твой папа: ать-два и в дамках!

— Не трожь моего папу! И ничего такого он не говорит.

— Ха! Пардон! Что пардон, то пардон.

На месте Козловой я тоже одернула бы Чемпиньона. Но у меня нет отца. Умерла мама, и он ушел к другой женщине. Когда мне было пять лет, он приехал с той женщиной, чтобы забрать меня. Бабушка была в соседней комнате, а женщина сделала улыбку и сюсюкнула: «Холосенькая-холосенькая девочка, я с твоим папочкой буду очень-очень любить тебя». Я сказала отцу: «Папа, ты вышел замуж за противную тетеньку». И ушла в соседнюю комнату, к бабушке.

Были бы у меня мама и папа, никогда бы их не огорчала. И защищала, как Наташа Козлова. А то и сильнее.

И потом: только что прочли письмо о Михаиле Григорьевиче, собрались, чтобы подумать, как отметить его день рождения, и острим напропалую. Вдруг будто рану задели: выходка с моим галстуком — тоже результат «остроумия».

Все это в мыслях, а вслух вот что получилось:

— Ты можешь не кривляться?

— Могу. Могу вообще уйти.

— Ладно, продолжай, Витек, — буркнул Красавец.

— Председательствуй, — уточнил Галкин.

Мужская солидарность. Разумеется, Чемпиньон не мог так сразу оставить балагурство, а потому спустил на тормозах:

— Благодарю за доверие, граждане громадяны! Итак, Козлова?

— Ну, что? Придем, как обычно приходят, а там — что будет. А что будет? Поздравим, цветы вручим. Потолчемся минут десять и до свиданья. Не родия, чтобы рассиживаться. И хорошо получится — просто, сердечно. Правда!

Я сказала, что делается рамка для портрета Михаила Григорьевича. Портрет на доме вывесим. И надпись, кто здесь жил.

— А песен, что ли, не будет? А сюрприз?

Где речь о песнях, там, конечно, Лю-Лю. Галкин успокоил Лютикову: неожиданно заявится целый пионеротряд — уже сюрприз. О песнях, правда, ни слова.

— Таким образом, операция «Дэ Эр»...

— Ой, тише! — крикнула Лю-Лю, перебив Чемпиньона. — Идея! У меня шикарная идея! Буквы Дэ и Эр по-иностранному! Когда видишь «Аэрофлот» или «Березка» по-иностранному — это ж такая красотища и... и...

— ...импорт! — помогла Козлова. И возмутилась: — При чем здесь иностранное? Думаешь, о чем говоришь?

И верно: помешалась девочка на фирменном барахле —

перь на все подряд готова заграничную этикетку клеить.

— А по-моему, в этом есть смысл, — сказал Лева. — Война всех стран касается, она никому не нужна, и, выходит, операция «Дэ Эр» имеет международное значение, что Лютикова и обозначает латинским шрифтом.

— Ой, Лева! — восторженно-благодарно пискнула Люлю. И уличающе — Козловой: — Ясно? (Мол, искала дурочку, а сама-то?)

А Лева продолжал:

— Но писать название операции мы не будем — зачем? Тогда при чем здесь шрифт?

Галкин такой умный, что иной раз скажет — не сразу поймешь, к чему он клонит.

— Ха, Туманян!

— Запутал! — хмуря красивое личико, призналась Люлю. — Ну хорошо, писать не будем. А в уме пусть будет латинским шрифтом.

Теперь Лева не понял:

— Как это — в уме? В уме — для одного, а шрифт, чтоб для всех.

— Кончай мели-орацию! — потребовал Чемпиньон. — Если позволите, мои соображения...

Глава 35

ПЛАН ОПЕРАЦИИ «DR»
(продолжение)

Соображения Чемпиньона.

В Горелую Заимку весь пионерлагерь является строем, в парадной форме, со знаменем, под дробь барабана и звуки горна. Перед домом Петровых — торжественная общелагерная линейка. Старший пионервожатый рапортует родителям Михаила Григорьевича о цели мероприятия. Лучшие представители «Салюта» прикрепляют к дому героя

его портрет. При склоненном знамени возложение цветов к портрету. В заключение — торжественный марш с равнением на дом героя.

— Вот, собственно, и все. В общем и целом, — скромно заключил Чемпиньон.

После некоторого молчания Лю-Лю сказала, как спела:

— Вот это сюрпри-из. Потрясуха!

Да, кажется, все мы переживали нечто близкое к потрясению. Представилось, как взбудоражим село, как обрадуем Екатерину Алексеевну, Григория Ивановича, Абеке, Зайру, Айбатика... А тетя Нюра! В тот день ее надо подменять, она обязательно должна все увидеть. Ничего не скажешь — молодец Груздь!

— Витя, ты талант! — провозгласила Козлова.

— Да-а, — промычал Лева и, должно, от недостатка слов снял очки, начал протирать их полой рубашки.

— Витя-прелесть! прелесть! прелесть! — хлопая в ладошки, запрыгала Лю-Лю.

Выслушав одобрения, сияющий Чемпиньон спросил:

— Так как, ничего диспозиция? Думаете, заслуживает?

Переждал вторую волну восторгов и сказал:

— Письмо Федорченко — документ! С таким документом можно провернуть акцию по высшему разряду. Эльва нас поддержит.

Никто в этом не сомневался.

Кроме Красавца.

— Козлова, помнится, на укропе говорила, что мы сами, без взрослых, — мямлил он. — Помнится, все согласились.

— Глупость говорила. Теперь вижу — глупость! — с удовольствием заклеймила себя Козлова.

Чемпиньон укоризненно покачал бинтами.

— Ох, товарищи, бедные те товарищи, которые не слушаются дяди Вити. Без Эльвы нельзя, она нам нужна. И мы ей нужны, операция «Дэ Эр» и в ее интересах.

Невдалеке от нас раздалась частая дробь. Мы дружно

вскинули головы: где он, лесной барабанщик? «Симпатя-
га», — шепнула Лю-Лю и показала на дятла, чтоб и все
любовались загадочной птицей. И вспугнула. Но мы уви-
дели ее — меж оранжевых стволов мелькало черное с
красным, улетало от нас.

С нами оставался наш план.

— А по мне, так все бы наоборот, — сказал Красавец, задумчиво поводя рукой по упитанному животу.

Его тихое несогласие со всеми прямо-таки взбесило Козлову:

— Что ли, пригласить Петровых в лагерь? Нечего выдумывать!

— Да что говорить! Витин план — лучше не надо! Потом концертик дадим, песни споем.

— Зачем? — резко спросил Чемпиньон, а я уловила решительное: «Не трожь!» От вечного балагура и молекулы не осталось. — Зачем комкать впечатление? Нужны им твои песни! В эфире беспрерывно воют. Ансамбли — не наша самоделка!

Козлова и я поддержали Люсю: маленький концерт нужен, родителям Михаила Григорьевича будет приятно, ансамбли ансамблями, а наш концерт — это ж совсем другое дело. Пока мы говорили, наша солистка сделала шаг-два назад и опустилась на ствол поваленной березы. Словно щенок побитый.

Авторское честолюбие сильнее доводов разума. Чемпиньон, как перекаленный утюг, шипит, не трогай — обожжешься!

— Как ничего нет — никого не слышно! Как готовенькое — со всех сторон охотники улучшать да портить. Думаете, не прокручивал ваш концерт? Прокручивал — не лезет! Вот честное слово, он лишний!

Не знаю, чем бы это кончилось, если бы не Красавец.

— Меня-то выслушаете или как? — невозмутимо возмутился он.

Оказывается, его «наоборот» было вот в чем.

Никаких парадов. Портрет на доме героя, цветы и — больше ничего.

И если операцию провести втайне — огорчатся ли мать и отец Михаила Григорьевича? Нисколько.

Понятно, стариков будет донимать вопрос: кто так уважил память их сына? Один человек или несколько? В круг неизвестных войдут все жители Горелой Заимки, ну, может, за небольшим исключением тех, про кого Петровы точно знают: на добро не способны.

И это хорошо. Это надо представить, как хорошо все получится. Сидят старики у ворот на скамеечке, кого не увидят, о том и дума: может, он расстарался на Мишин день рождения? В том и суть плана, чтобы старики жили со всегдашней мыслью: рядом светлые люди, много хороших людей — вот за кого, за них, Миша сложил свою голову. И легче им думать о сыне, и легче коротать свои годы...

Закончил Красавец свое «наоборот», и Ната Козлова, глядя на него во все глаза, удивленно сказала:

— А ты... — И запнулась. Вероятно, хотела про свое обычное, про талант, но что-то ее остановило, может, догадка: есть что-то выше и больше таланта, и, кажется, она нашла правильное слово:

— ...добрый.

Чемпиньон, дурачась под убитого горем, повернулся к Лю-Лю:

— Что же делать, что делать? Директива Петра Таиственного не предусматривает никаких концертов. Ах-ах и ох-ох!

— И не надо! — вставая, горячо откликнулась Лю-Лю. — Я за Петин план. Хороший план!

— Лепота-лепотиссимо, как говорили древние греки, когда в трамвае им наступали на мозоль. Только как ты, Петр Великий, втайне портрет мыслишь крепить? Ведь не один гвоздь в дом надо забухать, не один!

— Знаю, как, — ответил Красавец.

И так это он ответил, что, по-моему, все поверили: зна-

ет! Или, может, мне хотелось верить, что знает. Мне о... понравился его вариант!

И Леве понравился.

— Замысел, бесспорно, отличный. Колоссальный план, — хмурясь, начал Лева. — Но он состоится при условии, что действительно все будет втайне. А никакой тайны не получится: кому Петровы дали портрет, тот его и на доме вывесил.

— Ха! Просто и убедительно, как фонтан у «России»*.

— И как я сам не додумался? — озадаченно спросил Красавец.

Увы, так — просто и убедительно. С этим согласились все. Единственной, кого не убедила эта простота, была Лю-Лю. Несмотря ни на что, она за план Красавца. Несмотря даже на то, что ей было обещано: концерт состоится, и, значит, Людмиле Лютиковой гарантирован большой успех.

— Ой, мальчики-девочки, ну, если честно-пречестно: все за Витин план и потому еще, что он и для нас, нам тоже от него приятно. А план Пети — весь, до последней крошечки, только для родителей Михаила Григорьевича, нам и граммульки не остается, нам лишь в уме приятно. А какие мы хорошие, никто не узнает — ведь так? Если честно-пречестно... — с виноватой улыбкой умоляюще говорила Лю-Лю.

Прерывая ее, Чемпиньон сказал всего одно слово.

Сколько раз я слышала его? Сто? Тысячу? А сколько раз сама говорила? Сказанное шепотом и громко, адресованное мне и другим, оно обижало, оставляло равнодушной, а то и радовало. Но никогда не потрясало.

Сейчас оно потрясло. Чемпиньон сказал, как выстрелил.

— Дура!

А она улыбалась. Виноватая улыбка удивленного человека: ой, что-то не так? я же хотела как лучше...

---

* Груздь имел в виду простой до примитива фонтан перед барнаульским кинотеатром «Россия». *Прим. М. Логачевой.*

Глава 36

ЛЕС ШУМИТ

Ната Козлова шагнула к Чемпиньону.

— Извинись!

— За что? За правду не обижаются, за нее благодарят. — И Люсе: — Не слышу «спасибо»!

И я сделала шаг к Чемпиньону.

— Брось кривляться! Сейчас же извинись!

— Хоккей! Лютикова, прости, пожалуйста! Ты не дура, ты дуреха.

Кому не знакомо: сморозишь сгоряча и следом раскаешься. Хотя бы мысленно. Но Груздь — не как все. Перед нами стоял всех побеждающий и всемогущий Рэмбо. Но то, что обычно тянуло к нему, теперь было гадко.

Я оглянулась на Лю-Лю. Понурив голову, она медленно брела меж сосен. В сторону от лагеря. И от нас.

— Не глупи, — услышала я спокойный совет Чемпиньона и обернулась на его голос — кисть Козловой взлетела для удара, сейчас Чемпиньон получит оплеуху, еще миг и— Чемпиньон перехватил летящую руку, Ната попятилась-попятилась... Чуть не упала. Толкнул он ее, что ли? Одновременные перехват и толчок — это возможно? Все было так скоротечно, что я не успела понять происшедшего. Да и попинать некогда: удушающая ярость бросила меня на Чемпиньона — изобью! искромсаю! не знаю, что сделаю!

Он схватил — развернул мои плечи, и я еле успевала перебирать ногами, чтобы не шлепнуться лицом в землю, крикнула в отчаянном бессилии: «Что же вы, парни?!»

Парни стояли перед Чемпиньоном. Петя мрачно предупреждал его:

— Ну вот: или извиняйся, или...

— Или — что? Что, Красавец? Все свои — не стесняйся!

— Он тебе не Красавец! — взвизгнул Галкин.

— Побереги оптику, детка. Расплясалась — с рубильника свалится, — негромко сказал Чемпиньон и, чуть расставив ноги, возложил руки на бедра.

— Лева, отойди, — сказал Белоштанный.

— Нет! — звонко ответил Лева.

— Лева умный мальчик, Лева знает: вдвоем веселее. Тоже мне — господа благородные. — Чемпиньон говорил спокойно и уверенно.

— Ну! — глухо напомнил Белоштанный.

— Бублики гну... Ха! Исторический день: начал сохатый, теперь эти... Не много ли на одну голову? Многовато. Но одному животному удалось — остальным не удастся.

— Подонок! — заверещал Галкин.

— Нехорошо. Я же не обзываюсь. Я всего лишь глаголо истину.

— Хватит!

— Согласен. Брысь с дороги — в лагерь иду. Кому сказано?

Белоштанный принял позу боксера.

Чемпиньон ударил, не размахиваясь. Резко. В солнечное сплетение. Удар! — и, руками зажав живот, Белоштанный переломился.

Галкин опешил. И вдруг с воплем «А-аа!» и поднятыми вверх кулаками ринулся на врага.

Высверк взлетевших очков, и Галкин лежит на спине.

Я оцепенела.

Он не только болтать горазд... Разделался со своими товарищами быстро, жестоко и — думайте обо мне, что хотите — красиво.

Петя не разгибался. Какая-то сила рывками тащила его назад. Чемпиньон подошел к нему, слегка взъерошил его склоненную голову, мирно сказал успокаивая и как бы даже сочувствуя:

— Сейчас пройдет. Бывает.

— Ну Груздь! — свирепо пригрозила Козлова и побежала к темным зарослям молодого сосняка: — Люся-а!

Галкин — он уже поднялся и, шарясь, искал очки — обещал Чемпиньону: — Раз так, я из тебя инструментом спесь вышибать буду! Против лома нет приема, знаешь?

И Чемпиньон, словно испугавшись, махнул к соснячку, где только что скрылась Козлова. Прежде чем нырнуть в заросли, обернулся и крикнул: — Не уходите, я сейчас!

Что еще задумал?

Петя выпрямился, глубоко вздохнул раза три и сообщил:

— Фу, черт!

— Живот надо прикрывать, защита у тебя слабовата,— вытирая очки, щурясь, очень серьезно сказал Лева. — Теоретически-то я знаю.

Вспомнилось, как перед соревнованиями по плаванию Брунэт говорил: «Груздь много тренировался, а кто вам мешал?»

— А вам кто мешал, чтоб практически? — занудясь, сказала я.

Петя лишь вздохнул, а Галкин вроде обиделся:

— Не спортом единым жив человек.

— Тогда ходи побитым. Человек.

К нам приближались ушедшие: девчонки хмуро молчали, а Чемпиньон, жестикулируя, в чем-то их убеждал. Не в своей ли правоте?

И вот — все в сборе. Что же дальше? По-прежнему дальше невозможно! А по-какому?

На эти вопросы ответил Чемпиньон:

— Сам не знаю, что со мной. Может, перегрелся, может, и удар (он показал на свою перебинтованную голову). Короче говоря, виноват! Люся, прости глупого Витьку, а? Ну, пожалуйста! — Лютикова молчала. — Хочешь, на колени стану? Ребята, мало ли чего, так что ж теперь? Все побоку? Из-за меня, признаю, из-за моей обидчивости мы забыли о ТАКОМ деле! Или ссоры для нас важнее всего? Ну, ребята, ну делайте со мной что хотите — пальцем не шевельну — заслужил.

Столько горя в голосе, столько тоски в глазах, что сам Фома неверующий поверил бы в искренность Чемпиньона. Какие-то минуты назад я ненавидела его всей душой, а сейчас не только простила — я жалела Чемпиньона. Бесхарактерная.

— Чего уж, — застенчиво улыбнувшись, сказала Люся, — если честно, я и есть дуреха.

— Ну-у! — возмутился Люсиным самонаговором Чемпиньон. — Это я дурак набитый! А за прощение — спасибо! Кому они выгодны, эти обиды? Никому. Главное, дело из-за них страдает.

Казалось, не от легкого ветра зашумели деревья — наш вздох облегченья их разбудил.

В конце-то концов «смертельные обиды» — не редкость среди нашего брата. И среди нашей сестры тоже.

Глава 37

СВЯТОЕ ДЕЛО

— Вон они! — будто увидев гостей с какой-нибудь Альфа Центавры, заорал Кузя.

И отряд, толпившийся вокруг Брунэта, загалдел, загудел возмущенно: из-за них на речку не идем!

Выражая настроение масс и собственное недовольство, Брунэт обрушился — на кого, думаете? — на меня:

— Шляемся, Логачева? Третий и последний раз предупреждаю: казарменной дисциплины не требую, но отлучаешься — ставь в известность!

Чемпиньон сказал, что «больше не будем», и отозвал Брунэта в сторонку. Пошушукавшись, он махнул нам рукой:

— Бегом! Пока Кондратьевна не уехала.

Отряд на речку, а мы — к начальнице лагеря.

Переговариваясь, мы бежали трусцой, но не к «дворцу

Эльвы», а к «Зеленому театру», который при необходимости быстро превращался в танцзал «Под звездами». Брунэт сказал, что там и найдем Эльвиру Кондратьевну.

Любопытно: после ссоры мы стали как бы «роднее», а Чемпиньона вообще не узнать, вдруг сгинули его спесь и ужимки — простой славный парень. Этот парень и привел нас к «раковине» — дощатому навесу над сценой «Зеленого театра».

Из-за сцены несло табачным дымком: знать, Горшок покуривала и, чтобы спрятать дурной пример, нашла укромное в этот час местечко.

И правда, на длинной деревянной скамейке первого ряда сидели Горшок и Эльвира Кондратьевна.

Горшок «незаметно» потушила сигарету об ножку скамьи, а Эльвира Кондратьевна (она не видела нас) продолжала:

— ...и тем самым активизировать участие в конкурсе «Зеленый друг — зеленой аптеке», согласны?

— О'кэй, шеф! — согласилась Горшок и, покачивая книгу американского писателя А. Хейли, весело объяснила: — Начиталась — американизмами несет, как формалином.

И в том, как по-ребячьи она ответила на серьезный вопрос, и в том, как по-взрослому объяснила свое ребячество, было что-то очень симпатичное. Пожалуй, только она так умела.

Извинившись за «вторжение», Чемпиньон вкратце рассказал об операции «DR» и подал Эльвире Кондратьевне вчетверо сложенное письмо Федорченко. Пока она читала, Горшок поговорила с Чемпиньоном насчет ушиба. Чемпиньон сказал, что давно забыл о нем, напомнили — вспомнил, малость зудит, однако.

Потом читала Горшок, а Эльвира принялась ходить взад-вперед вдоль скамейки.

— Отметить день рождения такого человека — святое дело, — сказала Берта Карловна, свернула странички и

почему-то передала их Козловой. — А не подключить ли сюда сельсовет и руководящий синклит совхоза? Во всех смыслах верней будет. Действуя по-человечески, к этому дню они вполне успеют назвать улицу, на которой жил Петров-младший, его именем. И вообще...

— Да-да, обязательно, — двигаясь, ответила Эльвира Кондратьевна. — Это вы хорошо подсказали.

Берта Карловна поинтересовалась, где живут «старички», а узнав про вышку лесничества, энергично встала.

— Меня не теряйте! Я в Горелой Заимке.

— Так сразу? — изумилась Эльвира Кондратьевна.

— Увы, далеко не «так сразу». Мы непростительно затянули. Словом, прогуляюсь часок, совмещу приятное с полезным. Во всяком случае, они в том возрасте, когда визит врача не лишний.

И ее крупная фигура легко и стремительно удалилась. Как инструмент для Вити готовила — сразу и быстро!

Эльвира Кондратьевна остановилась у дальнего торца скамейки, спросила, хмурясь:

— А этот парнишка деревенский... рамку обещал...

— Ваня?

— Ваня. Он надежный товарищ? А то, может, продублируем?

— Надежный! Школьник, а его все по имени-отчеству величают.

Подойдя к нам, она сказала, что сейчас «прокрутит буквально неотложный вопрос», а затем детализирует план операции «DR»; мы можем не сомневаться, ни одна мелочь без одобрения инициативной группы (теперь мы — инициативная группа!) не будет задействована.

Но прежде, чем отправиться по своим начальническим делам, она сказала с неожиданной грустью:

— Господи, были бы вы всегда такими — и через десять, и через сорок лет!

И мы, *такие* довольные собой, помчались к Брунэту. А если точно, к Барнаулке, где был Брунэт с отрядом, и,

значит, можно купаться на законном основании, в полное свое удовольствие.

«Ах, лето!..»

Глава 38

ПОЛЕТ

Мальчишки понеслись прямо к речке, а мы забежали в корпус, чтобы надеть купальники.

Когда я копошилась в тумбочке, послышался интригующий зов Лю-Лю:

— Наташа, Майя, смотрите!

Она была нагишом, стояла у дальней стены и перебирала ногами. Ее странный взгляд был устремлен куда-то... непонятно куда. Вдруг резко и коротко разбежалась и — взлетела. «О!» — невольно вырвалось у нас с Натой, а Лю-Лю крутнулась в воздухе, пружиня, стала на ноги, сделала два шажка к стене, оттолкнулась от нее, поворот — стоит перед нами: подбородок горло вверх, грудь вызывающе вперед, руки широко в стороны. Так и стояла секунду-другую, пока Ната не крикнула:

— Вот же ж дуреха! А если б об кровать?

А я слова не могла выдавить. Сначала испугалась: разобьется! Потом обрадовалась: ух, пронесло! И следом — укол зависти: что умеет! какая красивая!

Лю-Лю нисколько не обиделась на «дуреху» — приземлившись, она как бы взлетела на седьмое небо: от мизинца на ноге до родинки над бровью — вся она, обнаженная, светилась счастьем.

— Умеешь! Талант! — восхищалась Козлова. Она тоже была счастлива.

«Самый пакостный человек — завистливый человек», — считает моя бабушка. Но это у меня впервые и, кажется, прошло.

У нас с Натой по одному купальнику, у Лю-Лю их штук

...ть, если не больше. И все — залюбуешься! В этот раз ...а достала особенно роскошный экземпляр — яркий, желто-черно-красный.

— Правда, хорошенький? Мама из Югославии привезла. — И ко мне: — У нас одинаковые фигуры, хочешь — возьми на сегодня.

Она была в том настроении, когда хочется всех осчастливить. Но я не могла взять ее купальник. Здесь не гордыня: была, мол, охота в чужих тряпках красоваться! Предложи это Козлова — не отказалась бы. А Лютикова... У меня один купальник, у нее — куча. Никогда не думала об этом, а тут почувствовала: мы — не ровня.

— Ой, что я — «на сегодня»? Насовсем! Подарок. Ну, пожалуйста, возьми!

— Нет. Спасибо.

Тррр! — нет роскошного купальника, разорвала его Люська. Сильная...

Пока мы с Натой очумело моргали на такие события, Лю-Лю сдернула с кровати накидку, обернулась ею, спросила дрожащим голосом:

— Думаете, не вижу? — И вмиг ответила: — Вижу! Нашли дурочку...

Рухнула на кровать — слезы, плач, истерика. Мы кинулись ее успокаивать — не помогает. Решив, что она осознала свое с нами неравенство, я обратилась к историческому примеру как к лекарству:

— Энгельс тоже был не бедным и стеснялся этого, так что ж теперь?

— Энгельс! Какой Энгельс? Мама за купальник месяц ругаться будет — понятно тебе?

Козлова присела на кровать и, поглаживая Лю-Лю, говорила: ничего, скажешь, что об корягу зацепилась, еще повезло, что без ран обошлось. Всхлипывая, Лю-Лю ответила, что мы не знаем ее мамы — как-то Люська хрустальный стакан разбила, так она веником дралась и два дня на работу не ходила, переживала.

— Тогда смотри же, про корягу не забудь, с корягой ей будет легче, — сказала Козлова.

Была бы у меня мама, она никогда не позволяла бы себе таких глупостей. Но пусть бы и ругалась, только была бы...

— А вы меня не презираете? — спросила Лю-Лю.

— За что? Мы тебя любим, соловушка ты наша, — разнежилась Козлова и поцеловала Лю-Лю в мокрую щеку.

Значит, взбалмошность Лю-Лю Козловой тоже понравилась. Жадность как чирий на носу — неприятно.

— Ой, девочки, как хорошо, когда хорошо! — вновь залилась Лю-Лю, натягивая бежевый купальник. — Я ж потому, что плохо. А вы думали, из-за тряпки? А, ну ее! Ведь главное — фигура, верно?

— Конечно! — согласилась толстенькая Козлова. — Из-за этого я в городе на пляж, считай, не хожу. В лагере другое дело — кругом одна мелюзга.

— Ой, Ната, ты со взрослым парнем дружишь! Как интересно!

— С чего ты взяла?

— Нет? А я, товарищи, второго мая в студента влюбилась. Неделю, ой, вру, полторы — ходила сама не своя.

— А он?

— Он же не знал.

Что любопытно: как раз второго мая у меня тоже приключение было. Зашла в гастроном «Под шпилем» кофе выпить, заняла очередь за курсантом авиаучилища. Он «Советский спорт» почитывает, двигается потихоньку, я за ним. Вдруг оглядывается — меня холодной волной окатило — глаза голубые, ресницы как черные веера. Улыбнулся — по мне вторая волна — и говорит: «Девочка, запомнишь? Я скоро буду». Я молча кивнула: да-да! А внутри все аж кипит: подумаешь, «скоро», хоть вообще не приходи! Вот и моя очередь к продавщице, а его нет. Пью кофе, на дверь поглядываю — нет курсанта. Выпила, еще минут пять пождала — так и не пришел, болтун несчастный.

Лишь ночью во сне явился. Мы стояли в той же очереди и говорили, он взял меня за руку: «Сейчас покатаемся, вон мой транспорт». Я глянула в окно — на Октябрьской площади стоит самолет, на его крыле Инга Мамедова со своими куклами играет...

Глава 39

ЗВЕЗДА И КУЗЯ

За кустами тальника — смех и визг. Там, рядом с лагерем, Барнаулка по колени, где ровное и чистое — там купаются малыши.

— Гринько! — вопль их предводительницы. — Сейчас же выплюнь эту гадость! — И про себя (а нам-то слышно): — Живоглот проклятый.

— Света Ивановна, — голос девочки, — он его не кушает! Он его греет! Лягушонок замерз, холодный.

— Гринько! Оглох? — И про себя: — А, подавись ты...

Козлова не выдерживает:

— А если по правде подавится? Нехорошо!

Ее не удостаивают ответом.

Метрах в ста вверх по течению — две вымоины: одна по пояс, другая по грудь. Там купается наш отряд. Туда мы держим путь.

Брунэт стоял на берегу, вертел золотистой головой, следил за купальщиками. Вероятно, нелегко одному-то. Зоя Колышкина, воспитательница, в первый же день наступила на колючку и по болезни в Рубцовск уехала. Берта Карловна не дала ей справку об освобождении, однако наша воспитательница не растерялась: дома, говорит, десять справок выдадут. Есть же такие...

Только мы окунулись — команда Брунэта: загорать! Мы из воды, он — в воду. Одному купаться — мало радости, но он в речке всегда один.

Мы лежали на горячем песке, кругом благодать, а Лю-Лю раскисла: о сохатом вспомнила. «Что за человек такой — мастер себе и другим настроение портить!» — возмутилась Козлова и бегом к Касьяновой, как бы прочь от плохого настроения. И Лю-Лю совсем разнюнилась.

Извиваясь ужом, к нам приполз Кузя. Галко ухмыльнулся и сказал:

— Чо, Лю-Лю, о Лимпопошечке небось взгрустнула?

Она села спиной к Кузе, а я вскочила, сделала зверское лицо и, замахнувшись ногой, прошипела:

— Сейчас как стукну!

— Верю, верю, — сказал Кузя и на четвереньках, будто собака, отбежал в сторону. Там мальчишки Чемпиньона от шеи до пят песком засыпали, его голова шевельнула бинтами, рыкнула:

— Хромай дальше, не то — помогу!

— Ах, вот в чем дело! — как бы догадался Кузя. — А я думаю: в чем дело?

— Пасть порву! — страшнее, чем артист Леонов, просипел Чемпиньон.

Этим «Лимпопошечкой» Кузя не впервые досаждает Лю-Лю, и потому расскажу, с чего все началось.

У нас гостили ребята из Мозамбика. В лагерь приехали не из далекой Африки — из близкого Барнаула, где учатся в ПТУ. Скромные и даже стеснительные, говорили они мало, а если говорили, то больше о нуждах своей страны, о борьбе против неоколониализма и контрреволюции. «Не старше наших десятиклассников, но в десятки раз солиднее их, будто не в рабочие готовятся — в министры», — сказала о них Берта Карловна. Однако для меня (и не только для меня) встреча с ними памятна прежде всего историей с Васко да Гамой, да, тем самым, который великий мореплаватель, за которого при случае и «двойку» можно схлопотать. Ему так приглянулся Мозамбик, что он построил там крепость, откуда и поползли кровавые и всякие другие гнусности. С тех средневековых времен и почти до на-

ших дней страдал мозамбикский народ. Как же так: выдающийся, легендарный, и в то же время! — алчный, жестокий человек? Почему в школе об этом молчат?

Нет, все же поразительные вещи иногда происходят: в студеной Сибири — парни из знойной Африки, потомки тех, кто видел португальского морехода, человека «из учебника». Всегда было ощущение: Васко да Гама — это когда-то давно-предавно, еще и Барнаула не было; это где-то далеко-предалеко, даже не в другой стране — в дальней стороне другого континента. И вот пожалуйста, встреча под Барнаулом, и вот мы слушаем личные обиды, адресованные персонально Васко да Гаме... Будто фантастическое кино: Время и Расстояние спрессованы до малой малости. Но ведь не фантастика!

А как заерзали, зашумели наши малыши, когда Соареш сказал, что он родился в деревне на реке Лимпопо. У ребятишек рты открылись и глаза округлились!

И одно только имя твердит Айболит:
Лимпопо, Лимпопо, Лимпопо...

Быль и сказка — все перемешалось. Если он рядом, живой человек с живой Лимпопо, то и дураку понятно: стихи Чуковского Корнея Ивановича — это взаправду. И явись седой старичок, скажи: «Здравствуйте, я Айболит!» — поверили бы: он! настоящий! И, может, спросили бы: « А Соареша знаете?»

Вечером в «Зеленом театре» — концерт, выступали хозяева и гости. Пугачевой и Леонтьевым одновременно была наша Лю-Лю, она пела их песни, и аплодировали ей как тройной звезде: Люся + Алла + Валера.

Потом сдвинули скамейки — танцы! Все на площадке толкаются, а Лю-Лю — на сцене, там отводила душу, видать, на «своем» месте заново переживала свой успех. И тут взлетел на сцену Соареш. Известно: лучше негров никто не танцует. Лучше невозможно. Если не считать Лю-Лю. Как они танцевали! И как мы любовались ими!

Кончился танец — Лю-Лю в обмороке от счастья:

— Ой, хорошо-то как, Лимпопошечка!

Соареш взял пальцы Лю-Лю, над светлой и черной головами взвились светлая и черные руки.

— Мир, дружьба — хорошьё!

Если в тот вечер над нами пролетали космонавты, они слышали наши овации, вопли наши.

Что же ты, Кузя? Разве не ясно, что без песен и танцев Лю-Лю многое было бы по-иному? Не знаю, как, но без той радости. И, что же, за это теперь страдай? Терпи ухмылки бездари? Нет, таланты надо беречь!

Я встала — где он?

Кузя лежал в счастливом одиночестве. Рядом с ним вырастала горка влажного темно-серого песка. Правой рукой он выкопал нору, уже глубоко вырыл, по самое плечо. Я подошла и накрыла его своей тенью. Он насторожился, но сделал вид, будто ничего не видит, ничего не слышит — подчищал нору.

— Слышь, Кузя, еще раз тронешь Лютикову — загоню в то, что сейчас вырыл.

Сунув руку в черную дырку, он перевернулся на бок, смотрит на меня, глаза сощурены, рот скособочен — улыбается.

— Я же сюда не влезу! — шутит.

— Никуда не денешься! — не принимая шуток, серьезно говорю ему. — Другого выхода не будет.

— А-аа... Тогда, конечно. Тогда — да.

— Вот и прекрасно.

— Прекрасно будет, когда в школу пойдем. Люблю учебный процесс, тем более знаю, в какой школе ты околачиваешься.

— Вижу, больше ничего не знаешь. Могу просветить: я дружу с Чемпиньоном, а его старший брат — мастер спорта по боксу.

— Так бы и сказала! Учтем.

Глава 40

ЭХ, «ТУМБОЧКА»-ПЕСНЯ!..

Традиция нашего лагеря — ежевечерний отрядный костер. Маленький такой костерчик.

Собираются отряды у своих очагов, вожатые подводят итоги дня, потом — «разнос», потом — жуткие истории и собасенки, интересные истории и загадки... Все, что душе угодно. Обычно вечером, у огня, душе угодно песен.

«Тумбочка» — вечерняя песня нашего отряда. Любимая песня. Без преувеличения: чудо-песня.

Отряд делится на две группы: группу мелодии (М) и аккомпанемента (А). Готовы? Внимание! И — раз!

Группа А (в ритме вальса): «Тум'бочка-Тум'бочка-Тум'бочка...» И так далее, пока не надоест.

Группа М: Пропустив четыре «Тумбочки» в аккомпанементе, поет: «Же-о-О-олтая тумба!», пропустив четыре «тумбочки» в аккомпанементе, поет: «Же-о-О-олтая тумба!»... И так далее, пока не надоест.

Представьте, не надоедает. Бесконечная песня, а спеть ее «до конца» невозможно. И вовсе не потому, что бесконечная. Только начали — в каждом исполнителе пошла реакция с выделением БВ (беспричинного веселья). И под его напором «Тумбочка» взрывается мощным смехом.

— Бесподобно! — как-то еще в начале сезона возмутилась Эльвира Кондратьевна. — Извините, Олег Николаевич, но что за галиматья в репертуаре вашего отряда?

Берта Карловна — она вместе с начальницей заглянула к нам на огонек — опередив Брунэта, пророкотала:

— Ну зачем же так категорично? Это специфический шедевр! По-своему это гениально. Эс ист шьон!*

И она рассказала, а мы усвоили гениальную суть специфического шедевра. «Тумбочка» — песня счастливых,

---

* Прекрасно! (*нем.*)

добрых и близких сердец, отчего всегда мила поющим, а в слушателях вообще не нуждается. Потому немыслима она в кругу просто знакомых. Но и, спетая ими, она не даст главного — беспричинного смеха, самого прекрасного и здорового, ведь всякий иной смех — это взгляд свысока, наслаждение своей высокостью и чьей-то малостью. (Отсюда, кстати, следует: исполняя «Тумбочку», не получаете БВ — причину ищите в себе.)

Горшок тут же «записалась» в наш хор и попросила уступить ей «на десяток минут вакансию художественного руководителя». Мы, конечно, уступили. И мудро сделали. Новый худрук извлекал из «Тумбочки» такие красоты, о которых мы и думать не могли. От прикосновения мастера (а Кох была мастером, сразу видно) любая вещь становится чудом. Даже «Тумбочка».

Вот, к примеру, Горшок ведет сольную партию баса («Тум!»), а остальные откликаются альтами («боч-ка!»), и столько грации в басовом ходе, так меняется рисунок вальса, что действительно: эс ист шьон!

Или вот еще. Жест худрука — и смолкает громкая группа М, лишь высоко-высоко, на фоне аккомпанемента, звенит одинокий голос Лю-Лю, и отзывается (услышал!) одинокий же, грустный бас: «Желтая тумба». И — ураган, тайфун хлопков и смеха.

— Бесподобно, бесподобно! — повторяла Эльвира Кондратьевна, вытирая слезы. — Никогда б не подумала!

— Хо-хо! — рокотала Горшок. — Удивительный вечер — на тридцать лет помолодела. Благодарю!

Эх, «Тумбочка»-песня, кто тебя выдумал? Знать, неглупый народ мог родить тебя, коль в два слова всего столько дива вместил! Не хитры, кажись, и слова твои, ни смешинки в них, ни ума острого, да и смысл-то их черт его знает в чем; но затянешь тебя да затумбачишься, и летишь ты, непобедимая, ни остановки тебе, ни отдыху; забылись обиды жестокие, теплым ветром горечь развеяло, и вот уж тянет губы в ширь улыбную, и пошло, пошло, понес-

лось... И вскрикнет, проснувшись, птица, пораженная гро-
мом-хохотом...*

— ...но качество прополки желает лучшего.

Бойко потрескивая и мило урча, костер собрал нас, обещая привычные радости. Добрый и щедрый, он никогда не скупился, хотя мог бы, имел право и сердитым быть и скрягою. Далеко в округе подчищен лес, все труднее таскать сушняк, и с каждым вечером тощает наш друг, все ниже язычки его пламени.

Глядя на огонь и отмахиваясь от комаров, я слушала Брунэта. Получалось, что минувший день сводился к прополке укропа и — ночью — к моей проделке с Черным Скитальцем. «Розыгрыш в духе, так сказать, наших милых предков мог иметь печальные последствия», — заключил Брунэт. Он намекал на первые срывы мальчишек, что вызвало их решительный отпор, громче всех кипятился Кузя. Однако они заметно сбавили, когда Брунэт сказал, что «так называемый Черный Скиталец», заглянув в окно второго этажа, мгновенно и бесследно исчез, даже Иван Агафонович, бывший сержант разведроты, как ни старался, не нашел Скитальца.

Что все это значит?

Кое-кто оглядывался по сторонам, на тьму вечернего леса. И не напрасно.

Метрах в пяти от нас, над тропинкой, ведущей к кострищу, свисала березовая ветвь. Она шевельнулась, Лю-Лю вскрикнула «Ой!», и к нам подошла Эльвира Кондратьевна.

Спросив, не опоздала ли (как будто это имело значение), она повела речь о сохатом. Не скрывала, что пересказывает услышанное от Юрия Михайловича — «мрачного типа». К сожалению, раненый лось ни лечению на месте, ни эвакуации не поддается — крайне опасен. И это счастье, что Витя отделался ссадиной.

---

* Этот абзац — не плагиат ли? Кажется, где-то подобное читал. *Прим. публ.*

Кроме того, зверь, выхоженный после ранения человеком, становится агрессивным. Значит, браконьеры не только уничтожают животных, раня, они настраивают их против людей. Но дикие звери помнят и добро, если бы, допустим, сохатого вытащили из трясины, он испытывал бы к человеку благодарность.

Лева сказал, что все это чепуха, что есть пули, от которых животное засыпает и делай с ним что надо: хоть лечи, хоть вези.

Эльвира ответила, что, по словам Юрия Михайловича, такими препаратами располагают лишь крупные заповедники.

— Ой, опасно! Ах, опасно! — передразнивая охранников природы, сказала Лю-Лю. — Груздь Витя не смотрел, что опасно. Рисковал, а помогал!

Эльвира Кондратьевна, упомянув о разумных пределах смелости (понимай: Чемпиньон за этими пределами), объяснила, что нехорошо обвинять неизвестных тебе людей в трусости, особенно таких, как Юрий Михайлович. В него почти в упор стреляли браконьеры: искалечен глаз, повреждены шея и подбородок — оттого и черные очки, и хриплый голос.

Вот тебе, Логачева, и «мрачный тип»!

Похвалив инициативную группу за план операции «DR», она сказала, что спешит как раз по этому делу, и оставила нас наедине с костром.

А костер угасал. Бледно-синие сполохи судорожно метались по алому жару, искали, что еще может пыхнуть огнем, и не находили.

— Кто рядом, подбросьте в костер! — попросила Козлова.

— Все кончилось, — ответил Кузя и, встав, по-дирижерски вскинул руки. — Гряпем? Тум-бочка, тум-бочка... Ну, что же вы?.. Тум-бочка...

Никто его не поддержал. Даже Лю-Лю, готовая петь с утра до ночи.

Эх, «Тумбочка»-песня, видать, и самой тебе нужно БВ, и когда оно есть, звенишь и гремишь, многократно его умножая.

Но нет его.

Глава 41

ТРИУМФ

— Дорогие мама и папа Михаила Григорьевича Петрова, от имени воспитанников пионерского лагеря «Салют» сердечно поздравляем...

— Стоп-стоп-стоп! — Эльвира Кондратьевна сделала руки крестом. — Витя! Груздь! Ну, что это такое? Бу-бу-бу. У тебя ж бесподобная дикция! Надо вот как, слушай: «От имени», небольшая пауза и, повысив голос, чуть растягивая «воспитанников пионерского лагеря», с чувством — «серде-эчно...» Опорные слова выделяем интонацией и паузой — ясно?

— Это я так, пока читаю, Эльвира Кондратьевна, — оправдывая свое «бу-бу», сказал Чемпиньон и для большей убедительности помахал белой бумажкой у белого бинта.— А наизусть выучу — будет по высшему разряду. Не беспокойтесь, не первый раз.

— Ну и чудненько! — Эльвира Кондратьевна похлопала в ладоши. — Внимание, дети! Внимание!.. После заключительной Витиной фразы «Еще раз — с днем рождения!» барабан начинает отсчет такта. На четвертый удар скандируем в ритме барабана: «С днем рож-де-ни-я!» Ясно?

С небольшим перерывом репетиция длилась более часа.

И вот инициативная группа, Эльвира, Горшок и Брунэт (старшая пионервожатая уехала в Барнаул за продуктами) на скамейках «Зеленого театра» обсуждают плюсы и минусы первой репетиции. Все довольны: и тем, что она удалась, и особенно тем, что кончилась. Только Эльвира

Кондратьевна малость в сомнении, потому вновь и вновь спрашивает:

— Вы откровенно? Со всей откровенностью?

Она возбуждена и чем больше ей говорят, что все хорошо, тем больше возбуждается.

Козлова призналась в своем грехе: она полагала, что взрослые способны лишь на скучные мероприятия.

— Это мы можем! — смеясь, подтвердила Эльвира Кондратьевна. Подтвердила с тем большим удовольствием, что очевидно же: другие могут, а мы нет, у нас скучно не бывает.

— Откровенно говоря, как автор операции «DR» я побаивался, что вы, Эльвира Кондратьевна, засушите это дело. Теперь вижу: мой замысел сверкает, как ограненный алмаз!

— Ох, Витя! — предупреждая Чемпиньона против лести и в то же время, может, невольно принимая ее, улыбнулась Эльвира Кондратьевна.

А Чемпиньон еще добавил:

— Что — «Витя»? Говорю как есть: что шарман, то шарман!

Действительно, сценарий торжественной линейки, разработанный Эльвирой, удался на славу. Даже Горшок, используя «Колеса» А. Хейли, как веер, пророкотала: еще две-три репетиции, и хоть по Центральному телевидению на всю страну показывай. Но...

— ...но «папу» из приветствия, увы, придется убрать. У Григория Ивановича шумы. Позвонила кардиологу — по старой дружбе сегодня же увезет старичка на обследование. Боюсь, задержится.

— А после торжеств — нельзя? — враз озаботясь, спросила Эльвира Кондратьевна.

— Можно. Но лучше — вчера.

Чемпиньон потянулся к Эльвире Кондратьевне:

— Позвольте карандашик? Сразу вычеркну, чтоб потом не забыть.

Он старательно исправил текст, свернул бумажку, сунул ее в нагрудный карман и солидно, по-деловому выступил:

— Телевизор телевизором, а пригласить корреспондента «Молодежи Алтая» не мешало бы. Газета — документ! Опыт «Салюта» многим полезен. Да-да, Лева, не квасься... Бывал я в лагерях и получше, и похуже нашего, но нигде ничего подобного не встречал. Теперь о концерте. Хотя бы один подходящий номер. Может, это: «Врагу не сдается наш гордый «Варяг», пощады никто не желает...»? А больше не знаю. Но, по-моему, то, что надо. Как, Эльвира Кондратьевна?

— Ой, слова! Слов же никто не знает! — ужаснулась Лю-Лю.

— Папир! Карандаш! — затребовала Берта Карловна, и на чистом обороте сценария появилось: ВАРЯГ. Она знала слова этой песни.

— Да, коллективный разум — бесподобная сила! — радовалась Эльвира Кондратьевна. Она вспомнила кстати, что председатель сельсовета, судя по телефонному разговору, с энтузиазмом встретил идею операции «DR», он не сомневался, что и директор совхоза будет «за».

Операция приобретала неожиданный и потому, казалось, гигантский размах. И впрямь, корреспондент здесь не просто желателен — обязателен! Эльвира Кондратьевна обязалась сегодня же позвонить Андреевой, чтобы та официально, как председатель объединенного профкома, уведомила редактора «Молодежи Алтая» о событиях, которые назревают в Горелой Заимке.

— Уверена: будет корреспондент! Инициативная группа прогремит, заслуженно прогремит на весь край. Дело такое...

Мы молча внимали Эльвире Кондратьевне, изредка ерзали да переглядывались...

Нотку сомнения внесла Горшок:

— Не удивлюсь, если директор будет против.

Чемпиньон с ходу предсказал судьбу директора:

— Будет иметь бледный вид и легкое заикание!

Действительно: как это — против? И против чего?

Картина триумфа была столь яркой, уверенность в его неотвратимости — столь полной, что капля сомнения лишь прибавила яркости и укрепила веру. Так тень подчеркивает силу света.

— Андреева его и спрашивать не будет, — сказала Эльвира Кондратьевна. — Не тот вопрос, чтобы согласовывать.

— Я о директоре совхоза, — уточнила Кох. — Сказав «а», необходимо говорить «б», но, чтобы избавиться от «б», он выступит против «а».

— Ну нет! — громко ответила Эльвира и немножко скисла, может, под давлением «а и «б». (Кстати, что они значат?) — Не та ситуация.

— Ах, Эльвира Кондратьевна, расскажу вам про «ситуации», но в другой раз.

Брунэт, как уже бывало, разглядывал свои кроссовки — недавно купил, однако. Но почему инициативная группа в рот воды набрала? Чемпиньон за всех отдувается.

Только подумала так — Лева выскочил. И с чем выскочил!

Глава 42

ПРИНЦИПИАЛЬНЫЙ ГРУЗДЬ

— Я думаю, что, поймите меня правильно, я, конечно, могу ошибаться... — Лева умолк, но, справившись с волнением, все же закончил: — Никаких корреспондентов! Колоссальное самомнение: нас должны освещать... Вот. Откровенно если.

— Интересно, интересно, — покраснев, сказала Эльвира Кондратьевна.

— Браво! — Горшок трижды шлепнула по переплету «Колес». Как бы аплодировала.

Брунэт взглянул на Леву и вновь уставился на кроссовки. А Чемпиньон тронул повязку и встал. Взволнован человек, сидя говорить не может.

— Слыхал, Лева, как старшие товарищи реагировали? С легкой иронией. Иначе им нельзя. А мне можно и напряжник. Да, Лева, мы хорошо тебя поняли. Жаль, слишком поздно. Ты возомнил, что корреспондент приедет ради твоей персоны. Как же, Галкин умница, Галкин начитан, Галкин лучше всех. Но тебе этого мало, тебе захотелось украсить себя скромностью. И все увидели: под маской скромника — зазнайка. Ведь, уверен, никому не пришла мысль о себе, все здесь сидящие, кроме тебя, Лева, понимают: говорим о газете потому и только потому, что другим — слышь, Лева? — другим будет полезен опыт мероприятия по военно-патриотическому воспитанию. Не ожидал, Лева! От кого-кого, от тебя не ожидал.

Кажется, от Чемпиньона тоже не ожидали. Знали: умеет отмочить номер, отмочить, но не такой же! На лицах — предельное внимание. И удивление. Явись в «Зеленый театр» королева Англии — меньше бы удивились. Брунэт даже о кроссовках забыл, впился в Чемпиньона прищуренным взглядом. А тот продолжал:

— Ты, Лева, слушаешь меня и думаешь: демагог он, этот Груздь! Так?

— Так, — подтвердил Лева.

— Еще какой демагог! — вставил Красавец.

Чемпиньон глянул на него с укоризной: некрасиво, мол, не дослушав.

— Угу, — собрался с мыслями Чемпиньон. — А того, Лева, не думаешь, что, может, Груздь прав. Ведь не думаешь? Честно!

— Почему же? — не согласился Лева. — Думаю. Может, думаю, прав, а, может, думаю, нет. Это ребята скажут, а я свое сказал.

— Вот это по-нашему! — обрадовался Чемпиньон. — Лева, ты извини, пожалуйста, но в самом деле не понимаю,

как ты умудрился запутаться в простеньком вопросе. Ну, что такого? Позвонят в газету, а там сами решат: ехать или не ехать. Никто же не требует: вынь да положь нам корреспондента! При чем здесь, как ты говоришь, колоссальное самомнение?

— При том, — сказал Красавец. — При том самом.

— Ну,ну, ясненько, — понимающе улыбнувшись, огорчился Чемпиньон.

— Ой, не ясненько! Если честно-пречестно... — пискнула Лю-Лю...

Чемпиньон шагнул к скамейке, но остановился, поднял руку:

— Эльвира Кондратьевна, ребята, еще пару слов, а?

— Пожалуйста-пожалуйста!

— Насчет демагогии. Я глубоко убежден: воспитание патриотизма — нужное, святое дело. И когда я говорил о «Молодежке», то не о себе, даже не о тебе, Лева, думал. Я думал о подвиге нашего земляка. И о том, что этот подвиг достоин, чтобы о нем знали тысячи и тысячи. Но если кто думает иначе, для того, конечно же, все это демагогия. Да! И еще... Петя, ты друг Левы, потому защищаешь его. Это мне понятно. Но так, как защищал сейчас, этого я никогда не пойму. Есть же что-то выше дружбы. Сказать, что? Принципиальность!

Сел Чемпиньон, и весь его вид говорил: гоните меня из лагеря, режьте меня на куски — впредь и слова не скажу, бесполезно разговаривать с некоторыми. И ему, всеми непонятому, Кох напомнила: истинная дружба уже предполагает принципиальность, здесь не может быть «выше—ниже».

— Тем более, Берта Карловна! — все же отозвался Чемпиньон. И горячо повторил: — Тем более!

— Ну, голубчик, я не об том, — загадочно сказала Горшок.

Как бы там ни было, но в конечном итоге все, и Лева в том числе, согласились: Эльвира Кондратьевна звонит

Андреевой, а там — ее дело, звонить или не звонить редактору «Молодежки». Приедет корреспондент — его дело, что и о ком писать. Но Эльвира Кондратьевна непременно вручает ему письмо И. П. Федорченко.

Прав Чемпиньон: так просто! И нечего мудрить...

Глава 43

ЧТО СПАСЕТ ЖИЗНЬ

— Как странно: слова «предательство» и «преданность» всегда рядом.

— Думаешь, и впредь так будет — вечно?

— Нет. Преданность вечна. А предательство обречено.

— Перейдет в преданность? Все переходит в то, что рядом: день — в ночь, ночь — в новый день...

— А предательство — в новое предательство. Оно обречено, потому что ему не дано перейти в свою противоположность.

— Преданность, значит, перейдет?

— Нет. А если «да», то ее просто не было.

— Выходит, и она обречена?

— Преданность, как воздух. Пока все нормально, мы его не замечаем. Но если бы воздух превратился в свою противоположность, исчезла бы Жизнь. Воздух, как преданность, вечен. И вечна Жизнь.

— Да, ты же не знаешь: теперь есть оружие, способное превратить воздух во что-то иное.

— Надеюсь, вы знаете, что остановит это оружие и спасет Жизнь?

— Что?

— Преданность. Гитлер напал на нас и потому еще, что верил: будут предательства.

— А разве не было?

— Его победила наша преданность.

Вдвоем, Михаил Григорьевич и Ваня, шли по лесу и тихо разговаривали. В голосе Вани я узнавала его живые интонации, а голос Михаила Григорьевича был просто человеческим голосом, ровным и вечным.

Они приближались ко мне, но не видели меня. И я спешила — раньше, чем они увидят меня, нужно найти галстук. А его не было. Ворошила хвою и песок — галстук здесь! — но его не было. А они шли... втроем. Третьим был мастер Матвейка, Матвей Петров.

— Преданность — норма здоровья. Враги Жизни боятся его больше любого оружия и потому сеют бациллы предательства.

— О, гляди-ко! Никак Логачева! — удивился мастер.

— Да, ищет. Все ищет...

— Найдет?

— Кто ж ее знает. Должно, найдет, если постарается.

— Несерьезный разговор. «Должно, найдет». Если враги убедятся в вашей преданности, войны не будет. Жизнь спасена.

— Так просто?

— Очень сложно.

— Куды как сложно! Вон Логачева сказыват да сказыват, как моя Настенька за Ваниным платочком в полымя шагнула. А сама-то чо? Красно бает, а маненько до дела— забывает.

— Опять эта Логачева!

— Да ведь ищет.

Усталость вязала руки, пот заливал глаза. Я спешила. Где галстук? Его не было, нет его, нет...

— И все-таки страшно, что они, похоже, одного корня.

Я хотела крикнуть: «Нет! у этих слов разные корни, но с ужасом убедилась — мой голос пропал».

Когда я проснулась, пот действительно заливал мое лицо.

Заглянула под подушку — галстук был там.

Луч солнца, прошив березу, рисовал живые узоры на красивой Лю-Лю. Все спали.

А «тихий час» кончился — пора вставать.

Глава 44

ДВУЯЗЫЧНИКИ

Не дожидаясь общего подъема, я надела сарафан и тихо вышла. У фонтана с краном-педалью освежила лицо.

Звездная площадь залита солнцем. На солнцепеке стоял Радар. Высунув розовый язык и слегка вертя головой, он что-то рассматривал. Сделал короткую пробежку — вновь смотрит. Он изучал повадки кузнечика. Я поравнялась с Радаром — он прекратил занятия и мелкой трусцой побежал впереди меня.

На скамье у входной арки сидели две девочки из шестого отряда и лениво, будто себе в наказание, пели:

Рядом цветы и, конечно, луна.
Луна, луна.
Цветы, цветы.

Я восхитилась ими: петь в такую жару — поступок!

Скамейка слева была свободна. Я присела на нее, Радар вытянулся у моих ног. Часто дыша, он грустно посмотрел на меня: «Извини, но помочь не могу, человеческие задачки — не мое собачье дело. Уж вы сами...» Насторожившись, резко повернул голову на кленовые заросли: «О! Это по моей части! Впрочем, ничего особенного». Зевнул, нехотя встал и ушел.

Невдалеке, из-за громадного куста, торчал передок «Лады». Когда девочки перестали нудить, от легковушки послышались скандальные голоса — мужской и детский. «Ишь, моду взял, оглоед чертов!» — «Ну не могу, сколько говорить!» — «Чужая глотка — прорва, не набросаешься.

Ешь!» — «Они мне тоже дают». — «На базаре за нее десятку б выручил. Деньги раздавал бы?» — «Не». — «Вот и ешь!» — «А ты обратно увези».

Они таились, будто делили ворованное. И подойди к ним я или кто другой — так бы не говорили. Двуязычники.

Моя бабушка рассорилась с подругой: «Не могу терпеть ее, двуязычницу. Со мной — одна, на трибуну взобралась — совсем другая».

Все же идея Чемпиньона — пригласить корреспондента — идея для нас: для ребят, для Эльвиры Кондратьевны (да-да!), для самого Чемпиньона. Это Лева вынудил его заговорить о Михаиле Григорьевиче, а до того был момент, когда мы помнили и думали только о себе. Как это ни гадко, но это так. Потому Лева и взбунтовался, потому Эльва и покраснела, потому все мы легко приняли демагогию (демагогию? а если он — искренне?) Чемпиньона. Так было легче — скрыться от самих себя. Неужели правильными словами о долге можно скрыть ложь? Неужели в «правильных» словах есть могущество, перед которым бессильна даже Горшок?

Но почему же ты молчала? Потому, что и все. И потому, что не была уверена, впрочем, и сейчас не совсем уверена, что я права. А может, «не совсем уверена» — тоже прятки? Тоже для собственного облегчения?

«Лучше я спать не буду из-за того, что меня клюют, чем из-за того, что я смолчала», — совсем недавно призналась моя бабушка. Ее клюют...

Из зарослей осторожно явился худенький отпрыск автовладельца. С опаской зыркнув на меня, на засмеявшихся девчонок, он прошмыгнул в ворота. Пройдя шагов десять, вытер руки о траву и поскакал в глубь родного лагеря. Во всей его фигурке — радость: наконец-то *свободен*! А мой отец — какой он?

Мягко заурчал мотор, и светлая «Лада», слегка покачиваясь на невидимых ухабах, с хрустом вдавливая сосновые шишки, выползла из зарослей и, стремительно набирая

скорость, покатила на Горелую Заимку — по пути в город деревни не миновать.

На повороте, из-за деревьев, вылетел мотоцикл. Чтобы не столкнуться с «Ладой», он выскочил за пределы наказанной дороги, на крутом вираже обогнул три сосны и направился к лагерю. Мотоциклистом был Ваня.

Мельком, но хорошо подумалось: будто знала, что он приедет, вышла к воротам и жду.

Глава 45

ВОПРОС О СПРАВКАХ

— А ты мне только что снился, — вместо приветствия сказала я.

— Как «только что»? А, днем спите, юные обломовцы! Я в пятом утра лег.

— И как дела? — спросила я, имея в виду рамку для портрета.

— Неважнецки! — ответил Ваня, имея в виду совсем другое. — Вы там что-то затеяли, да? Так директор против.

Это случилось с полчаса тому назад. Окно директорского кабинета открыто, и Ваня, находясь «на посту», все слышал. Слышал, как председатель сельсовета говорил про инициативу ребят (это про нас), про человеческий фактор, о котором ежедневно пишут газеты, о том, что улицу, на которой стоит дом погибшего, следовало бы назвать его именем. Директор назвал председателя студентом (председатель два года как кончил институт, еще этой весной в школе преподавал). Выругавшись, директор сказал, что, отметив день рождения пропавшего без вести, руководство села и совхоза пожнет бурю праведного гнева: почему официально погибшим не оказывают таких же почестей? «Твой человеческий фактор твоей газеткой тебя же и прихлопнет.

Но прежде райком меня взгреет!» — будто бы вскричал директор. Председатель сказал, что это мысль: отныне широко отмечать дни рождения всех участников Великой Отечественной войны, тем более, что их осталось немного. Директор заорал, что хорошо идеи толкать тому, у кого, кроме власти, ничего. «А деньги чьи? Мои, совхозные! Я на хозрасчете, каждый рубль собственным горбом зарабатываю — не дам!» — решительно сказал директор. Председатель: «Деньги для человека, а не наоборот. Да и какие там деньги? Главное — внимание». Директор: «Я руководитель работающего предприятия — не богадельни. И мое внимание — прежде всего работникам. Мир велик — всех не обогреешь! А тебе мой совет: кончай со сказочками для наивных».

— Ну это мы еще посмотрим! — пригрозила я. — Операция «DR» все равно состоится! Да, ты же не знаешь...

И я рассказала ему про операцию «День рождения».

— Не, всем лагерем не получится. Ваше начальство против нашего не пойдет. Так не бывает.

— Но председатель «за!»

— В том-то и фокус, что под конец согласился с директором.

— Пусть! Ты не знаешь нашей Эльвиры Кондратьевны! И наших ребят не знаешь! От правого дела они не... ни на шаг! Михаил Григорьевич не отступил... А нам-то чего бояться? Кого? Бюрократов? Не отступим! Иначе — предательство.

— Во всяком случае, я — с вами, — грустно сказал Ваня.

Он уехал, а я бросилась к своим ребятам. А все вместе мы бросились искать Эльвиру Кондратьевну. Нас вели общие чувства: гнев и решимость!

Вожатая малькового отряда, жуя шоколад (ну, народ, все бы жевать да жевать!), сказала, что Эльвира Кондратьевна, вероятно, на насосной станции — там что-то ремонтируют. Насосной станцией называлась дощатая будка, внут-

ри которой, за громадным замком, время от времени бухтели механизмы.

Будка стояла на берегу Барнаулки. Туда, узкой тропой меж высоких трав, мы и направились. Шли гуськом, на ходу бичуя директора совхоза. Сильнее других кипятился Чемпиньон: «Выведем его на промокашку и сдадим в химчистку!»

Движущийся митинг прервал Радар. Выскочив из-за куста, он положил перед нами цигейковую шапку-ушанку: «Вот, получите и успокойтесь». Мы прекратили «прения».

— Кого-то грела, а теперь собака играет, — обиделся за человечество Красавец, взял шапку и примостил ее на ветвях в глубине куста, говоря, что отныне ни человек ее не увидит, ни собака не достанет. Я же от неожиданности чуть не спросила у Радара: «Ты где это взял?» Это была шапка Черного Скитальца.

Ремонт, должно, закончили, на будке висел замок, и мы повернули обратно. Впереди, оглядываясь, семенил Радар. Я с умыслом шла последней. Вздумала проверить: действительно ли шапка та самая? Поравнялась с кустом, раздвинула ветви — нет шапки! Только что была и вот, пожалуйста... Сообщить ребятам! Но в динамиках лагерного радиоузла щелкнуло, затрещало, голос Эльвиры:

— Внимание! Всем! Всем! Через тридцать минут — репетиция операции «DR». Повторяю...

Нас как бурей подхватило: вперед, к Эльвире!

Выслушав новость о кознях бюрократа, она авторитетно заявила, что решения руководства местного хозяйства на пионерский лагерь не распространяются, наш непосредственный руководитель — Андреева. «Наш царь и бог», — шутя, добавила она, и этой добавкой окончательно убедила: задуманное — сделаем!

Лю-Лю захлопала в ладоши, а Чемпиньон сказал, что мы, инициативная группа, никогда не сомневались в принципиальности Эльвиры Кондратьевны, и что, если приедет

корр. «МА», надо рассказать ему о позиции директора совхоза, заклеймить деятеля.

Эльвире Кондратьевне понравились такие речи, и она похвалила нас за активную гражданскую позицию.

— А что особенного? Иначе нельзя, — скромно ответил Чемпиньон и так же скромно полюбопытствовал: — Кстати, Эльвира Кондратьевна, мы надеемся, вы дадите нам соответствующие справки?

Какие еще справки? И кто это — «мы»?

— Какие справки, Витя? — вскинув брови, спросила Эльвира Кондратьевна.

— Ну, что мы, инициативная группа, активно участвовали в разработке и проведении мероприятия... — как бы читая готовую справку, и как о само собой понятном, шпарил Чемпиньон. — Ребятам в комсомол пора — счет добрых дел не помешает.

— Ребятам? — Эльвира Кондратьевна, медленно переводя взгляд, посмотрела на каждого из нас в отдельности, будто усомнилась: а те ли передо мной люди, которых знала? — Ребятам, говоришь?

— И мне не лишне, — просто сказал Чемпиньон. — Честно говоря, был намек, что, возможно, этой осенью в члены райкома комсомола выдвинут. Так что сами понимаете...

— Ты комсомолец? — спросила Козлова.

— В ноябре будет год, как состою в железных рядах вээлкаэсэм.

— Угу, — сказала Эльвира Кондратьевна. — Железные ряды — это хорошо.

— А насчет операции «DR» не сомневайтесь — сделаем в наилучшем виде. Не придется краснеть.

Эльвира покраснела, а Лю-Лю всплеснула руками:

— Ой, какие справки? При чем здесь справки? Почему я ничего не знаю? Все скрывают — нашли дурочку!

— Я тоже впервые слышу, — сказал Красавец.

— И я впервые. Но, может, они пригодятся? С ними

считаются, — промямлил Лева. — Всегда и везде — справки.

Во мне что-то вспыхнуло, высветив Чемпиньона наскозь и глубже.

— Груздь! — произнесла я, и мой голос, как металл на сорокаградусном морозе. — Ты не имеешь права приветствовать родителей героя от имени пионерского лагеря. Ты вообще не имеешь права участвовать в этом деле.

Глава 46

«КЛЯНУСЬ!»

Однажды бабушка пришла из магазина вдрызг расстроенная. В очереди, впереди нее, стоял юноша в куртке с флагом США на спине. Бабушка сказала, что были бы у нее деньги, она купила бы эту одежду и уничтожила. Молодой человек, смеясь, ответил, что ни за какие деньги не продаст свой куртан. Тогда бабушка спросила, понимает ли он, что таскает. Юноша сказал, что ему надоели ее приставания, что моя бабушка неприлично себя ведет. «Действительно! — сказала я. — Ну ты даешь!» Бабушка подошла к книжной полке и достала томик В. Пескова и Б. Стрельникова (это о том, как они путешествовали по Америке). «Сейчас, сейчас, — листая и волнуясь, говорила бабушка. — Сейчас ты убедишься: американцы даже на день рождения или свадьбу вывешивают национальный флаг. Молодцы! А мы? Не ценя своего, не понимаем чужого...»

Напомнив о вчерашней телепередаче — аргентинцы сжигают флаг США, — бабушка сказала, что, если бы один из тех демонстрантов приехал к нам и увидел, к примеру, меня, щеголявшую в майке с флагом Америки, он искренне подумал бы, что я одобряю преступления, которые творятся

под этим флагом. «Ты серьезно?» — удивилась я. «Как никогда! Чего не могу сказать о родных соотечественниках. Думаешь, в магазине меня поддержал хоть один человек? Как бы не так!» Кончилось это тем, что она отругала меня за галстук: валяется неглаженый на диване. Надо отметить, что она ругается необидно.

И вот я спрашиваю у ребят и прежде всего у Эльвиры Кондратьевны: Груздь, издевавшийся над галстуком, имеет ли он право на высокие слова о том, кто погиб, защищая честь знамени?

— Ну, сравнила! — хмурясь, сказал Лева. — Несравнимые вещи!

— А что, собственно, случилось? А, Витя? — спросила Эльвира Кондратьевна.

— Сам хотел бы знать, — растерянно улыбаясь, ответил Чемпиньон. — Понял, что обо мне, а что — не врублюсь... Ты уж, Майя, просвети нас, темно-серых.

Я рассказала, как Груздь брал мой галстук и чем это кончилось.

Девчонки подтвердили: да, так и было.

— Ха! Клуб любителей фантастики! — как бы с облегчением вскричал Чемпиньон, встал и, прижав ладонь к месту, где сердце, торжественно заявил: — Вот честное комсомольское, чтоб мне мать больше не видеть — обо всем этом впервые слышу! Клянусь!

У меня потемнело в глазах, дыхание перехватило.

— Ты... ты... — И вдруг, не помня себя, бросилась на Чемпиньона. — Убью гада!

Если бы Красавец и Козлова не усадили меня на место, не знаю, что сделала б. Может, вцепилась в его наглую рожу, может, царапала бы его, била, кусала. Все могло быть.

Я заплакала. Эльвира Кондратьевна подала мне воды и, когда я малость пришла в себя, сказала: может, отложим этот разговор?

— Не раньше, чем доберемся до правды, — ответила я и попросила: — Ну, ребята, ну, Эльвира Кондратьевна, ну, пожалуйста...

А что «пожалуйста» — сама не знаю.

Чемпиньон стоял посреди комнаты и демонстрировал смущенную невинность: согласен, неловко получилось, но все понимают, что я ни при чем.

Глава 47

СЛЕДСТВИЕ ВЕДЕТ ЧЕМПИНЬОН

— Правда... Нас двое, а правда одна. Я тоже хотел бы до нее добраться.

— Чтоб задушить? — сказала Козлова.

— Мне, Наташа, не до шуток. Такое обвинение — плакать хочется... Честно говоря, ума не приложу: за что? За тот случай? На Медвежьей поляне. Сговорились — так, Наташа?

— За кого ты меня принимаешь?!

— Ну хорошо, не сговаривались. Тогда почему ты говоришь, что эту гадость на галстуке написал я? Ты видела, как я его брал? Как писал?

— Майя сама говорила. А я ей верю.

— «Говорила», «верю». Я тоже говорю — верь и мне. Люся тоже скажет: Майя говорила, так? А сама не видела, так?

— Ну, так.

Озабоченный горем, но уверенный в себе, он стоял посреди комнаты и спокойно задавал вопросы. Ничего не скажешь — хорош гусь!.. Но правда-то на моей стороне.

В мою сторону он и повернулся.

— Логачева, Майя, можно пару вопросов? — вкрадчиво, будто кот на охоте, начал он. Пусть! Наше дело правое.

— Хоть сто!

— Спасибо... Майя, только честно, кто додумался, что егеря, приезжавшие за лосем, браконьеры?

— При чем здесь баня вэрээз?* — опередила меня Козлова.

— Конечно, ни при чем, — учтиво согласился Чемпиньон. — А розыгрыш с Черным Скитальцем? А байка о нем же — чья выдумка? А раненый лось — кто рассказал о нем и фактически подтолкнул на грубое нарушение дисциплины? Кто ведро для идущих к лосю доставал? Молчишь? Отвечу для Эльвиры Кондратьевны: все это наша высокосознательная Логачева. Но и это не все. Скажи, Майя, откуда ты взяла, что у меня есть старший брат? Я единственный сын своих родителей. Ведь говорила Кузьмину про моего брата, мастера спорта по боксу?

— Так это ж совсем другое дело!

Он пропустил мое возмущение мимо ушей. Он гнул свое:

— И говорила ему, что дружишь со мной, так?

— Ну.

— Видишь ли, Майя, о какой-то особой дружбе с тобой я ничего не знаю. У меня со всеми одинаковые отношения.

— Но надо знать, зачем я это говорила! Я хотела...

— Вот что значит: «Логачева говорила». Соврать, как с горы скатиться. И если она знает, «зачем» — соврет. Теперь ей понадобилось оправдать порчу галстука. Что ж, фантазии, как вы убедились, Майе не занимать...

Я вздрогнула. Как если бы полная тишина и вдруг — выстрел. Так испугал меня телефонный звонок.

Эльвира взяла трубку.

И пока она слушала, изредка вставляя «да», «конечно», у меня было время осмотреться.

---

* ВРЗ — вагоноремонтный завод. «При чем здесь баня ВРЗ?» — сугубо барнаульский речевой оборот; то же, что «в огороде бузина, а в Киеве дядька». *Прим. ред.*

От недавней уверенности («наше дело правое») остались жалкие ошметки. Картина — в страшном сне не увидишь. Этот мерзавец из правды (из правды!) лепил напраслину, против которой я — ноль без палочки. Что я могу ответить? Что? Все, что я могла сказать, уже сказала. А он повернул так, будто все, что я говорю, все — ложь. Ребята молчат — поверили? Ужас, ужас! Встать и — ну вас к черту! Тогда уж точно: абсолютная победа Чемпиньона. Нет, стоять до последнего! Как бабушка, как Михаил Григорьевич... И я вроде бы успокоилась, взяла себя в руки.

Глава 48

ВОТ ЭТО СЮРПРИЗ!

Под окном кто-то истошно звал Радара.

Эльвира Кондратьевна положила трубку и некоторое время смотрела на окно. Однако, по всему видно, ее не тревожили заоконные вопли, ее встревожил телефонный разговор.

— Бесподобный день, — задумчиво сказала Эльвира Кондратьевна и предложила мне и Груздю кончить миром, поскольку-де вряд ли кто нас рассудит, а, главное, кто добр, тот и прав, доброта всегда права.

— Ой, мир! Витя, Майя, ну помиритесь!

— Я-то согласен, — охотно отозвался Чемпиньон. — Майя, я все прощаю. Мир?

— С подонками — только война!

— Ой, Майя-а... — затянула Лю-Лю.

— Да-а, — как бы вторя Лютиковой, подтянул Чемпиньон (он уже сидел рядом с Левой). — Тогда что ж, не ради продолжения ссоры, ради правды. По Логачевой выходит, что у меня самодельный галстук. — Он встал и, подойдя к Эльвире Кондратьевне, протянул ей угол своего галстука. — Вот, фабричная работа.

— Фабричная, — устало подтвердила Эльвира Кондратьевна.

— Каким получил его в третьем классе, такой он и сейчас, — соврал Чемпиньон, во всяком случае я ему не поверила. — Надо же придумать: рану галстуком перевязывал. Да я скорее кровью изойду, чем это...

— А еще комсомолец... С-сволочь!

— Майя! — призвала меня к порядку начальница.

— Я правду говорю.

— Правду?! — натурально поразился Чемпиньон. — Она говорит правду! — Изображая горе и отчаяние, он звучно хлопнул себя по бедрам. — Почему же раньше о галстуке молчала? Доведись мне такое, я бы сразу, при всех, кому угодно пощечину закатал, потом делайте со мной что хотите! Это как при ожоге — дергаются, не раздумывая. А ты... Что делается! Что делается!

— Ну вот что, — постучав по столу, сказала Эльвира Кондратьевна, — прекращаем этот разговор. Запрещаю. Это первое. И второе... Что, Лева? Запрещаю, потому что не умеете друг друга слушать, так можно бесконечно... И второе. Операция «DR» отменяется.

— Ой! — пискнула Лю-Лю.

— Частное письмо не может быть доказательством истины. А если товарищ Петрова решил кое-что приукрасить, чтобы смягчить горе родителей? А если это письмо написали сами родители? Бывают случаи: задним числом сочиняют подвиг и даже награды за него получают. А если Петров сейчас за границей?

— Ой, что вы такое говорите? — ужаснулась Лю-Лю.

— Это точка зрения директора совхоза. И она не лишена логики. Иначе соответствующие органы давно подтвердили бы правоту письма.

— Сам очковтиратель и других такими считает, — сказала я.

— Отсутствие всякого присутствия! Не зная человека...

— Знаю, Эльвира Кондратьевна! Знаю. И Петровых знаю. О наградах они вовсе не думают.

— Ха! Она все и за всех знает! Убедились, Эльвира Кондратьевна? Она и вас чуть в авантюру не втянула. Носится с этим днем рождения. Понавыдумывала, потом расхлебывай за нее!

— Ты же десять минут назад хвалил Эльвиру Кондратьевну за принципиальность!

— Да! Но в отличие от некоторых я не баран, который уперся в ворота и знать ничего не знает. Так мы можем далеко зайти.

— Операция все равно состоится! — сказал Красавец. — И это даже лучше, что без некоторых.

— Мой папа говорит, что некоторые пользуются тем, что лучшие люди погибли на войне, и совсем распоясались.

— Бесподобно! Поймите же, что местные власти против, что не могу я, по закону не могу вести вас на такое дело. И хватит об этом! Хватит! Вопрос решен окончательно.

Я подняла руку:

— Эльвира Кондратьевна, я на себе убедилась, как плохо, когда людям не верят. И вопрос — можно? Что сильнее: стыд перед мертвым солдатом или страх перед живым бюрократом?

— Бесподобно! Хоть кол на голове теши! — Она потрогала виски и скорбно уведомила присутствующих, что я запущенный ребенок, что теперь историю с письмом президенту Америки и все прочие истории она видит в ином свете, и этот свет меня не красит.

— А что за письмо? — вроде бы невинно спросил Чемпиньон и, не получив ответа, поддержал начальницу: — Разболтались ребята, разболтались. Сообщить бы в школу, чтоб знали.

Ответ Эльвиры Кондратьевны как гром среди ясного неба.

— Они, Витя, славные ребята. А кто ты? Не знаю. Чемпиньона и пушкой не прошибешь, не то что словами.

Он величественно посмотрел на Эльвиру Кондратьевну и сказал назидательно и как бы сожалея:

— А надо бы знать. Вам-то надо бы знать... Пожалуйста, скажите Берте Карловне, чтоб выдала мне справку о ране. Я плохо, очень плохо себя чувствую. И, пожалуйста, соедините меня с Андресвой.

— Вот как! Есть жалобы? Говори — слушаю.

— Опять не знаете, — подосадовал Чемпиньон, подошел к телефонному аппарату и, вертя диск, успокоил: — Сейчас узнаете.

В нем было что-то такое, перед чем Эльвира Кондратьевна оробела. Нажать на рычаг и прекратить фокусы Чемпиньона — мне казалось, что она это сделает, но нет, сидела бездвижно.

— Алло! — уже в трубку говорил Чемпиньон. — Профком? Будьте любезны... О мама! Не узнал — богатой будешь. Здравствуй! Ты можешь прислать «тачку»? Немедленно. Ага... Потом расскажу. Да, хуже не бывает. Жду!

Вот это сюрприз!

Эльвира Кондратьевна побледнела.

Глава 49

НЕТИПИЧНЫЙ ФИНАЛ

Спустя час с небольшим, когда наш отряд собирался на Барнаулку, за Чемпиньоном приехала «тачка».

Сверкая свежей повязкой и помахивая черным «дипломатом», к нам приближался готовый к досрочному отбытию Чемпиньон. Остановился, позвал Леву «на доверительное слово». Оно было сказано так, чтобы все слышали:

— Если в Барнеаполе хоть кто-то вякнет в мою сторону, ты, дружище, лично ты будешь чесаться. Дело такое — чуешь? — керосином пахнет. Как всегда будь умницей, ды-

ши целебным воздухом и не чихай. Прощай, мой друг, прощай, покоя сердце просит.

— Трусишь?

— Счастливо, ребята! — по-киношному улыбаясь и подбодря рукой, попрощался Чемпиньон.

— До скорого, Витек! — робко откликнулся Кузя.

После купанья — санитарный час. Лагерь готовился к приезду комиссии. Слово «комиссия» никто из взрослых не произносил, ее наезд мы вычислили сами. Это был один из итогов беспрерывного разговора о Чемпиньоне.

Хмурая Эльвира Кондратьевна побродила по территории нашего отряда, что-то буркнула Брунэту и, больше никого не замечая, удалилась. Жалко смотреть, честное слово! Может, сказать бы ей, что отряд решил защищать ее «до последнего патрона»?

Так плохо, как, вероятно, уже никогда не будет...

Но пали сумерки, проснулись комары, засветился отрядный костерчик — грохнула «Тумбочка». И правда, гениальная песня! Куда-то сгинуло все постылое, вместе со всеми я орала, подчиняясь вскинутым в сиреневое поднебесье рукам Берты Карловны. И жесты, и мимика — все повелевало: громко! и еще громче!

Уж мы горланили!

— У-мер-ли! — на полный такт грохнула Берта Карловна, вернув руки из-под небес. Как бы испытывая мучительное наслаждение, она прикрыла глаза и повела песню, лишь слегка шевеля кончиками пальцев, иногда они просили и умоляли: тише! и еще тише... Вместе со всеми я «умирала», самозабвенно шепча дурацкое «боч-ка» и любуясь дирижером. И вот настал звездный миг Лю-Лю, она солировала, ее «желтая тумба» взвилась высоко-высоко, и там грустно ей было и одиноко...

Уже кое-кто похрюкивал, уже близился ожидаемый и всегда неожиданный взрыв хохота, как Берта Карловна пе-

ременилась: озабоченно глядела куда-то поверх наших голов; еще дирижировала, еще выдавала бархатное «тум!», но без «мук творчества», уже была вне «Тумбочки», вне игры с нами... И Кузя, который стоял рядом с дирижером и, размахивая руками, якобы дублировал его, почему и светился бахвальством, этот Кузя вдруг померк, превратился в мышонка и юркнул за крупные габариты Горшка...

Я оглянулась, и:

«Мамочка!» — невольно сорвалось с губ.

Нетипичный финал. Тихо-тихо. «Тумбочка» впервые истаяла, уйдя в ничто. Не до песен и не до смеха.

Метрах в тридцати от нас, на фоне темного леса чернел... Черный Скиталец. Его глаза горели тусклым огнем. Лю-Лю вцепилась в мою руку и сняла секундный страх. «Где ж ты пропадал, бедняжка?» — мысленно спросила я его.

Могучая фигура Берты Карловны ринулась к гостю. Вслед за нею, почти вплотную, трусил Кузя, но, не одолев и трети пути, рванул обратно, забился в гущу напряженно молчавшей толпы. Кажется, он потихоньку скулил.

Стремительным шагом Берту Карловну догнал Брунэт. И в это время Черный Скиталец качнулся и спросил: «Почто не поете? Слова забыли али чо?» Спросил притворным, но уж больно знакомым голосом. Я оглянулась — да, Красавца с нами не было.

Берта Карловна сразу оценила юмор («Слова забыли — хо-хо!») и остановилась, а навстречу летящему Брунэту выскочил Радар, тявкнул: «Зачем пошел? Игру испортил!» — и бросился назад, к Черному Скитальцу. Тут и наш отряд обрел голос — заорали, засвистели, а больше всех орал, радовался Кузя.

К нам неспешно приближались Брунэт и Красавец, над ними, на шесте, помахивая ушами зимней шапки, плыло погрудье Черного Скитальца. И разом, словно по команде, ребята хлынули встречь Черному Скитальцу, и, качнувшись, он сгинул в вопящем толповороте. Бабушкино изде-

...не вызвало ажиотаж, какому позавидовал бы и «Модерн Токинг».

Тем большим было разочарование. Фи, всего-навсего кусок закрашенного картона, а свет глаз — свет фонарика, прилаженного сзади прорезей. Шапка, правда, настоящая. (Это была та самая шапка, которую Красавец будто бы спрятал от Радара, а по правде забросил в траву.) Стоило ребятам узнать секрет Скитальца, узнать правду, и — словно их обманули. Так, не веря в чародейство фокусника, мы жаждем его чудес и, значит, не устраняем надежды на чудо. Это особенно заметно, когда случится увидеть изнанку фокуса, — сожалеем, что все просто, и, следовательно, была надежда: а вдруг?..

Я — не исключение. Исчез Черный Скиталец, и лес преобразился, в нем поселилась тайна. Знала, что все это мои выдумки, но краешком ума надеялась: в бору живет неизвестность. Было жутковато, но и хорошо.

А оказывается, Черного Скитальца стащил Красавец. Вот он, счастливый донельзя, захлебываясь (никогда таким не видела!), рассказывает, как в «страшный вечер», когда, включив свет, я обличала мальчишек, он прошмыгнул у меня за спиной, тихо сбежал по лестнице, подхватил чучело...

— А ну, дай-ка! — потребовала Эльвира Кондратьевна. Она подошла незамеченной.

Кузя щелкнул включателем фонарика и передал «смотрящего» Скитальца начальнице лагеря.

— Что, Юра, бессонница не прошла? — приняв Скитальца, но глядя на Кузю, спросила Эльвира Кондратьевна.

— Какая еще бессонница? — ошарашенно спросил Кузя.

— Ну как же? — спокойно удивилась Эльвира Кондратьевна. — Витя Груздь свидетельствует, что вот этим самым (она встряхнула Скитальца) половина мальчишек была напугана до смерти, а ты до сих пор по ночам вскрикиваешь. Только сейчас звонили из Барнаула.

— А-а! Ну да, ну да, кошмары проклятые...

— Кузя! — окликнул его Красавец.

— Ну да, их не было и нет. У меня. А за других не ручаюсь.

— Подонок, как все трусляки, — шепнула ему Козлова.

Кузя зашел ей за спину и тихо огрызнулся:

— Не очень-то, не очень! А то, гляди, столкнемся на тусовке, а у меня память крепкая, но первишки — барахлишко — за себя не ручаюсь.

У Козловой в руке ветка от комаров. Не оглядываясь, той веткой достала Кузю, извинилась — невзначай, Юрик!

Это — «за кулисами». А на «сцене» — Эльвира и Берта в окружении ребят.

— Заварили кашу — как расхлебывать буду? — рассматривая Черного Скитальца, пожаловалась Эльвира Кондратьевна.

Серьезны лица ребят.

— Ох, Майка, Майка, — вздохнула Лю-Лю. И мне сочувствие, и, заодно, Эльвире напоминание: Логачева-то повар, она заварила... Я, конечно, не отрицаю — виновата. Хотя, если бы не поклеп Чемпиньона, может, и не было бы сейчас ожидания беды. Но Лю-Лю — ей-то какое удовольствие подзуживать? Этого мне не понять.

Заговорила Берта Карловна, и то, что и как она говорила, укрепляло догадку: начальнице лагеря не сдобровать.

Говорила же она о том, что народ, как самый мудрый педагог, не случайно придумал и Чудище поганое, и Вия — это своеобразная прививка против дурного в жизни.

Она как бы репетировала речь в защиту Эльвиры Кондратьевны.

— Так можно и фильмы ужасов оправдать, — сказал Брунэт.

— А почему бы и нет? Если в оптимальных дозах и, так сказать, под наблюдением врача... Разве не очевидно, что эмоциональное однообразие, вызванное сладкой информацией, ослабляет дух? И дети жадно тянутся к страш-

ным историям. Скажете: притягивает занимательность. Отнюдь! «Занимательно» — всего лишь внешнее условие глубинного, инстинктивного движения. Это то же, что «вкусно» при недостатке кальция в организме, в противном случае ребенок добровольно и даже с удовольствием не кушал бы мел, которым пишут на школьной доске.

— Не лишено, не лишено, — согласился Брунэт, удивленный и озадаченный мудростью Берты Карловны.

— Только кто нас поймет? — грустно улыбнувшись, сказала Эльвира Кондратьевна. — Попробуй заикнись об этом!

— А вы попробуйте, не заикаясь, — так же грустно улыбнулась Берта Карловна.

Глава 50

ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА

После отбоя, как обычно, аппетитно поболтав, девчонки разом умолкли.

Липкая дрема струилась из темных углов, от посапывающих кроватей, а мне не спалось. Думала о всяком-разном, пока не додумалась, что этой ночью не сомкну глаз. И себе в наказание, а другим в отместку, захотелось пострадать... С мыслями о желанной бессоннице незаметно уснула, да так крепко, что проспала подъем.

Разбудил меня шум под открытым окном. Касьянова доказывала, что меня следует поднять, Лю-Лю протестовала: Брунэт не велел.

Я выглянула в окно: привет! Лю-Лю ойкнула, словно в этом году уже не чаяла меня видеть, а Касьянова прокричала, что у центрального входа меня ждет заимковский кавалер. Между нами было метра два, не больше, однако «кавалер» — такой новостью хочется одарить всех.

Сполоснула лицо и, преследуемая Касьяновой и Лю-Лю, помчалась к воротам.

Первое, что увидела, — Ванин мотоцикл, а возле него Лева читает «Молодежку». Пройдя под аркой, еще увидела: у забора, лицом к скамейке, сгрудилось человек пятнадцать. Судя по тишине и склоненным затылкам, ребята порядком чем-то увлечены.

Протиснулась сквозь любопытствующих, и рот раскрыла от удивления. На скамейке сидел Ваня — даже «здравствуй» ему не сказала. И лишь потому, что на той же скамейке, рядом с Ваней, стояло нечто сказочное, чему и название сразу не придумаешь. То есть это была рамка для портрета Михаила Григорьевича. Но какая рамка! Ажурное кружево из солнечного дерева окаймляло оконце, из которого через стекло смотрел на нас молодой Миша Петров. Сверху — выступ двускатной крыши, а снизу — полочка с миниатюрной кружевной оградкой; полочка, конечно, для цветов...

Ваня увидел меня, сказал с простотой человека высокого достоинства:

— Вот. Приемлемо?

— Спрашиваешь!

— Капитальная потрясуха, — тихо сказал Кузя. Он был серьезно и потому необычно озабочен. — Покажи такое дачникам — бросятся, как на штурм. Через год — машина. У нас сосед тот так же...

Я не дослушала о Кузином соседе — переключилась на Леву.

— В Западной Германии такие штуки роботы делают, — повышая голос, чтобы его непременно услышали, поведал Галкин. — Быстро и качественно.

— Ой, нетушки! — не поверила Лю-Лю. — Такое только руками делается.

— Для робота это семечки!

Лева все знает. Но сейчас от его эрудиции несло чем-то нехорошим. Ага, так вот почему он в сторонке!

— Завидки берут? — спросила в лоб.

Он посмотрел на меня как на чокнутую и, хлопнув га-

…етой о вытянутую руку, двинул под арку. Жаль, конечно, …о — попутного ветра!

А Ваня охотно согласился, что робот — это вещь, что …главное его достоинство — скорость. Я сказала, что он и без робота быстро управился. «Ну, нет!» — ответил Ваня. Просто они с отцом использовали уже готовые детали, была у них одна затея, но раз такое дело...

— Твой отец — человек!

— Ну! — подтвердил Ваня и, передав мне рамку («Не урони!»), достал из-под скамьи коробку, а из нее — гладкую доску, окантованную резьбой же. — Текст-то готов?

— Не знаю. Сейчас!

Вернула Ване его работу и — к Эльвире Кондратьевне! Из-за Чемпиньона о деле забыла. Текст за Эльвирой, но теперь, когда она против операции «DR», может, и от текста отмахнется? Ничего, сами с усами!

Переступила порог и еще не оставила дверную ручку, как сообразила: не вовремя.

— Ой, простите!

Эльвира Кондратьевна плакала. Начала спешно приводить себя в порядок.

— Проходи, проходи, Майя, — сказала, улыбаясь. А глаза красные и возле красивого носа изумрудно сверкает слеза.

Попадись в эту минуту враги Эльвиры Кондратьевны— не знаю, что б сделала! До чего довели человека.

Прикрыв дверь, я посоветовала Эльвире Кондратьевне не бояться никаких комиссий, все мы за нее горой.

Она подошла ко мне и, слегка трогая подбородком мою макушку, сказала:

— Спасибо, девочка. Только откуда ты взяла про комиссию?

Я молчала. Подумалось о матери, которую я не помню, и захотелось к бабушке. И совсем несуразное: хорошо бы жить втроем: бабушка, Эльвира Кондратьевна и я.

— Комиссия — не самое страшное, — призналась она

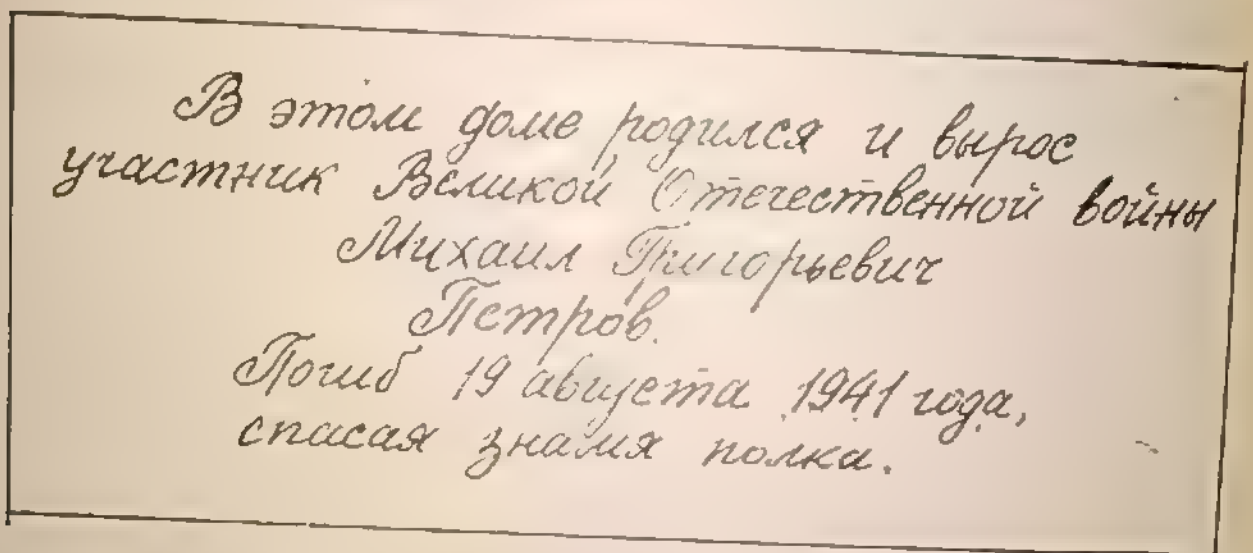
и отступила назад. — Любимый, но ревнивый человек — вот кошмар и бесподобный ужас!

Это было так неожиданно, что я обрадовалась. Посочувствовать бы человеку или помолчать, а я — бух! — еще один совет подбросила:

— А вы разведитесь!

— Что ты, что ты! Я совсем не о том! — испугалась Эльвира Кондратьевна. И своим, нормальным голосом: — Ну, Майя, что там у тебя? Выкладывай.

Я выложила. Она взяла ручку, бумагу, начертала прямоугольник, а в нем — текст:



— Но ведь не спас, — уточнила я.

Эльвира Кондратьевна повертела авторучку, поправила бумагу на столе и сказала, что Михаил Григорьевич не позволил врагу прикоснуться к знамени и тем спас его, отстоял честь полка. Знамя по форме — вещь, а его суть — духовна. И если, к примеру, изодранная или старая куртка уже не куртка — утиль, то знамя, даже в огне горевшее, осколками изранение, остается знаменем. Пока оно с теми, кто поклялся ему на верность и кто свободен, оно остается знаменем, при любых обстоятельствах оно живет. А без единого пятнышка, новенькое, «как из магазина», но доставшееся врагу, оно гибнет. Прикосновение, насмешка врага для него смертельны.

— Так? — закончив маленький урок, спросила Эльвира Кондратьевна.

А почудилось, будто она сказала: если ты, Логачева, согласна, что это так (а это, конечно, так), то согласись и с тем, что, позволив глумиться над своим галстуком, ты его потеряла; потому и не носишь его; ты уже не пионерка.

«Так», — с тоскою, мысленно ответила я. И вслух повторила:

— Так.

Эльвира Кондратьевна пожелала взглянуть на «изделие народного умельца» — это можно?

— Конечно, конечно! — разрешила я, хотя это дело Вани — кому показывать свою работу, а кому — нет. Просто я струсила, испугалась, что, продолжив разговор о знамени, нарвусь на разговор о галстуке...

Эльвира Кондратьевна оценила мастерство Вани одним, но точным словом: «Бесподобно!»

— Фирма веников не вяжет! — гордо заявил Кузя. Будто он представлял эту самую «фирму».

— Да уж, пожалуй, что, — согласилась Эльвира Кондратьевна. — Настоящее произведение искусства!

— За настоящее и монету не жалко, — подсказал Кузя. — Мастеру на инструмент.

— Да-да, непременно, как же, — глядя на Ваню, засуетилась Эльвира Кондратьевна. — Извините, но в скромных пределах. Наши возможности...

— О чем разговор! — солидно удивился мастер. — Кроме того, и наши ребята будут. Так что это не только от пионерского лагеря. В общем, никакой такой платы.

Кузя хихикнул: смешно, что ли, что не все за деньги делается? Только хотела сказать об этом Кузе — догадка мелькнула: директор, выходит, за! Если занмковские ребята собираются на день рождения Михаила Григорьевича, то, значит, директор совхоза одумался? Теперь он за операцию «DR»?

— Какой там! — хмурясь, отмел мою догадку Ваня. —

Он чего боится? Сегодня чествуй сына, а завтра помогай его родителям. В том и дело, чтобы ничего не делать. А все остальное — демагогия. Мы его знаем как облупленного.

Сказав «а», надо будет говорить «б» — вспомнилось предупреждение Берты Карловны. Не Горшок — Дом Советов! Вот кого, действительно, в Советы...

— Ой, ну что за люди такие, ей-богу! — возмутилась Лю-Лю, осуждая совхозное и лагерное начальство. А может, наоборот, защищая Эльвиру Кондратьевну? Из-за «таких» и наша начальница от прекрасного сценария отказалась...

Сама же Эльвира Кондратьевна молчала и, помолчав, ушла потихоньку.

— Слышь, парень, а ты не прав, — скрипнул Кузя, когда Ваня начал свои изделия в картонный короб складывать. — Напрасно от тугриков* отказался. Я тебе капитальнейший пас выложил, а ты... Напрасно!

Я отдала Ване бумажку с текстом, он прочел («Угу»), сунул ее в короб.

— Понимать надо, я прав? — сказал он. Не Кузе отвечал — мне о своем прогнозе напомнил. — Не желает ваше начальство против нашего-то? Здесь парнишка в очках говорил, что все отменили. Мы-то придем.

Я сказала, что мы тоже будем. А если... Пусть одна, но приду!

Ваня малость взбодрился:

— Правильно! Чего бояться в родном Отечестве?

---

* Тугрик — денежная единица Монгольской Народной Республики. Здесь — деньги вообще. *Прим. ред.*

Глава 51

ПРЕКРАСНОЕ УТРО

Утренняя линейка закончилась объявлением Эльвиры Кондратьевны:

— Все свободны! Седьмой отряд прошу остаться.

Наш отряд, словно куст на ветру, заволновался, зашелестел: что? почему?

Я была уверена, что сейчас прикажет: в сторону Горелой Заимки ни шагу!

Но с приказом тянули, а тем временем большинство согласилось с Кузей: «Где-то что-то аварийное — пошлют вкалывать». Похоже, что так. О несрочных делах обычно сообщают накануне вечером. «Неожиданно заросло — пропалывать! Неожиданно прорвало — откапывать!» — развивал свою мысль Кузя, набирая очки мудреца. И захныкал отряд. Громче всех — Лю-Лю: у нее справка, не имеют права... Бегать — пожалуйста, а работать — справка. На всякий случай родители обеспечили, кто ж еще?

А Эльвира, Горшок и Брунэт в сторонке переговариваются, никак к согласию не придут. Что там у них? О чем они?

(Старшей пионервожатой ни на линейке, ни сейчас с ними не было — подменяла тетю Нюру, которая, между прочим, об операции «DR», ничего не знала, если, конечно, «по секрету» ей не сказали.)

Наконец-то столковались, к нам подошли.

Ура-а-а!! После завтрака отряд идет на экскурсию в... Горелую Заимку! Так сказала Эльвира.

Все довольнехоньки: Кузя ошибся — нет, не «урок трудового воспитания»! Или обрадовались, что операция «DR», хоть в урезанном виде, но состоится? Не одна же Логачева об этом думает.

— Чего я там не видел, в этой Заимке? Как назем пахнет? — в единственном числе ворчал Кузя. Будто вместо

обещанных «Трех мушкетеров» сказку про курочку Рябу ему подсунули.

И Козлова, эта вечная обличительница, наставив на Кузю два растопыренных пальца («рога»), ласково вертя ими, ласково же пропела:

— А тю-тю-тю! Забодаю, забодаю, забодаю!..

— Верю, ты можешь! — смеясь (не ухмыляясь!), ответил Кузя.

Хорошо! Как на последнем уроке перед летними каникулами.

Берта Карловна сказала, что она идет с нами. Вот и еще одна хорошая новость. Правда, Эльвира засомневалась: может, не стоит?

— Сто́ит! Хозяйка в том возрасте, когда сам приход врача — уже лекарство. Тем более, что ее Гриша в Барнауле на обследовании.

А вот это — жаль. Жаль, что в такой день он не увидит, как чествуют его Мишу. И жаль, что я не увижу Григория Ивановича. Но Екатерина Алексеевна, тетя Нюра, Абеке, Зайра, Айбатик — они дома. Оказывается — вот тоже новость! — я соскучилась, я ужасно хочу их видеть.

Теперь — скоро. Ах, какая будет встреча!

Утро было прекрасным. Бесподобное утро...

Глава 52

ВСТРЕЧА

Только миновали арку — Брунэт непорядок увидел:

— Майя, быстренько к кому-нибудь за галстуком! Мы тебя здесь ждем.

— Ой, и правда! — возмутилась Лю-Лю. — Забыла, куда идем?

Будто для нее это полная неожиданность: все при галстуках, а Логачева — нет.

— Вот еще — бегать! — фыркнул Кузя, развязывая свой галстук. — Все равно животом мучаюсь — пойду ляг-прилягу.

— Как давно, голубчик? Покажи, где, — подлетела к нему Берта Карловна.

— Здесь, — показал на коленку. — И правая нога на левую пятку хромает. Правда, ноги болят.

— Симулянт! — обрадовалась Берта Карловна и шлепнула Кузю по попе.

Кузя скривился, как бы страдая и одной рукой потирая место шлепка, другой протянул мне галстук:

— Жертвую. Дома запасной имеется.

В каком-то отупении, механически я взяла чужой галстук, но надевать его не стала. Утро померкло.

Оставив Кузю у ворот («Такие дела насильно не делаются», — сказала Козлова), отряд отправился в путь. Брунэт скомандовал «шире шаг!», надо спешить, ведь с деревенскими ребятами ничего не обговорено... Он не закончил свою мысль.

Под сосной отдыхал солдат. Увидев нас, встал и, прихрамывая, нам навстречу.

На что Красавец невозмутим — ахнул! Ахнул и давай награды вслух называть: два ордена Славы, «Красная Звезда», две «Отечественной войны», медали, знак «Гвардия» и нашивки за ранения. Вот каким был тот солдат! Еще он был в старой гимнастерке. И она, и пилотка, и брюки, и сапоги — все выцвело под солнцем и дождями, в пыли дорожной... И сам он был старым, худым и морщинистым.

— Голубчик Иван Агафонович! Да вас не узнать! Здравствуйте! — пророкотала Берта Карловна.

Теперь и мы узнали: Иван Агафонович, сторож-то наш!

— Здравствуйте, доброго здоровьичка!.. Удивлены, однако, что вырядился не в орденарный день? Не Девятое ж мая! Это, ребятишки, не себя ради. К Мише Петрову идем — пусть знат: которы в живых остались, вроде не ху-

до воевали, ага... Иван Иванович деревню взбулгачил: Миша-то герой! Барнаульские ребята откопали. Ага. Я к Катерине: что ж получается, мамаша, почему мы, земляки, ни сном ни духом? А она: некогда, говорит, всю ночь пластались — пионеров ждем, угощение готовили. Раз такое дело, я, переодемшись, к вам, чтоб, значит, с коллективом по месту работы. По дороге думаю: раз начальство не уважат солдата — от имени воевавших вручу ему под портрет свою Славу, «Звездочку» и «Отечественную», чтоб, значит, такое, понимаете, дело... Ох, ребятки, светопреставление было — не приведи и помилуй! И все, кто на передовой, кто воевал и погибал, все верили: одолеем фашиста — начнется жизнь по сплошной правде, без всяких таких злоупотреблений. Ага... Вот и говорю вам, скворчата мои золотые, а придем — еще речь скажу: встрените каку гадость и прочее бюрократство — смело на них! От имени Миши Петрова, от имени двадцати миллионов — только таким, значит, манером, чтоб с маршрута долой и не рыпайся! Иначе не оправдать их веры, а гибли-то лучшие, нам не ровня, не!.. Ну, пошли-пошли, побойчее, однако — нас ждут, цветы, поди, увянут, нехорошо получится. Там Иван Иванович таку массу собрал, больше десятка, — считай, отделение... Соединимся и — вперед!

Лю-Лю в печали: не вышло с сюрпризом... Какой сюрприз, если, судя по всему, Ваня развернул бешеную активность! Пожалуй, оно и к лучшему, что не предупредила его о «сюрпризе». И что ему директор? Молодец! А Эльвира бюрократов испугалась. Чего бояться в родном Отечестве?

Красавец (между прочим, грезит офицерскими погонами!) попросил Ивана Агафоновича вспомнить самый интересный случай из его жизни.

— А чего и вспоминать-то? Вчера случилось! Отоспамшись, вылез на улицу, сижу, на солнышке греюсь — «уазик» подкатыват. Ага. И что, думаете? Аж из Ленинграду девка приехала, чтобы, значит, старинные истории

записывать. Кому — что!.. Ага. Не скажете, говорит, дедушка, — это я-то дедушка — не скажете, говорит, кто здесь преданья знает? Скажу, говорю, я тот самый и есть, а ты, дочка, кем будешь? Кандидатом наук, говорит, и документ показыват — экспедиция у них такая. Ну, я ей про Черного Скитальца. Уж она благодарила-благодарила, адрес в блокнотик, напечатаю, говорит, журнал вышлю...

Козлова спросила, откуда он про Черного Скитальца узнал.

Иван Агафонович ответил весело:

— Оттуда, откуда и вся деревня знат. Дело такое — старинное!

Лю-Лю на меня своими глазищами уставилась: так вот оно что!

— Итак, в лагерь высокие гости жалуют, — вдруг сказал Лева.

Глава 53

КОМИССИЯ

Сверкая никелем и черным лаком, на изгибе дороги, из-за боярки, показалась «Волга». Будто ждала нас в засаде.

Метров за двадцать до встречи с нами остановилась, с обеих сторон до отказа распахнулись дверцы. Машина как бы перекрывала дорогу, давая понять: задержу!

Не исключено, однако, что там, в машине, проветривали салон. Такая жара, а кузов черный — перегрелся.

Нет, из «Волги» проворно вылезла женщина, и мы невольно замедлили шаг.

Женщина улыбалась и явно ждала нас. Она была плотной, но стройной. Белая блузка, серая юбка, белые босоножки. На шее — серый бантик-шнурок. Аккуратная прическа с химической сединой. Она подняла руку, слегка

трогая безупречную укладку, — под мышкой темнело пятно. Такая жара...

— Здравствуйте, дети! — сказала она, голосом и улыбкой напоминая ведущую ТВ-программы «Спокойной ночи, малыши».

Мы ответили сдержанной разноголосицей.

Женщина протянула руку Брунэту:

— Здравствуйте, товарищ Иванов! (Брунэт смутился). Забыли? А я вас помню! — весело, как бы прощая Брунэту его беспамятство, сказала женщина. — А-а, Берта Карловна! — обрадовалась женщина. — Ну, как вы тут — ничего?

— Вот именно: ничего. А вы озону решили вдохнуть? Полезное дело!

— Ну озон — это по вашему ведомству, — излучая счастье, сказала Андреева (конечно же, это была она, мать Чемпиньона). — А вот относительно полезных дел угадали. Бесполезными не занимаемся. Некогда! — И совсем расцвела, видать, довольная своей трудной участью.

— И нам, доча, некогда. Опаздываем! — сообщил Иван Агафонович.

Отряд очнулся, загудел: верно, опаздываем.

Она же на Ивана Агафоновича лишь коротко взглянула и, взывая к тишине, требовательно вскинула руку.

— Дети! — произнесла она с тем выражением, с каким, открывая собрания, говорят «товарищи!». — Никто никуда не опаздывает. В связи с приездом комиссии с этого момента и на последующие два дня все мероприятия, связанные с отбытием за пределы лагеря, отменяются. Таким образом, сейчас мы пойдем в лагерь. — И Брунэту:— Командуйте!

Андреева взялась за дверцу машины — осталось сесть и уехать.

Не села. К ней подошла Козлова и грубовато сказала, что не все можно отменить, к примеру, наше дело никак не отменишь, завтра уже будет не то.

— Знаю. И то, что вас ждут, и то, зачем ждут, — все знаю. И потому говорю: отменяется. А старших надо — что? — слушаться.

— Правильно, доча! — сказал Иван Агафонович. — Я тута старше всех, меня и слушаться. Пошли, ребятишки!

Андреева, сурово глядя на Брунэта, сказала:

— Делайте что вам велели! Развели, понимаешь...

В «Волге», на заднем сиденьи, о чем-то переговаривались мужчина и еще одна женщина. Шофер, казалось, ничего не видя, смотрел впереди себя и беззвучно перебирал пальцами по баранке.

И Брунэт, наш вожатый Олег Иванов, тряхнув белыми кудрями, спокойно, очень спокойно ответил:

— Пусть ребята сделают то, что решили. А мое место — с ними.

Лю-Лю взвизгнула: «Ой, ну конечно!», ребята зашумели. И только я молчала.

Андреева наклонилась к темному проему в машине.

— Ну, как вам это нравится? Анархия, полная анархия! Кому доверили детей?!

Иван Агафонович подошел к Андреевой, тронул ее за локоть.

— Не сердись на ребятишек, дочка. Езжай своей дорогой, а мы своей потопали. Ага.

Комар впился в висок, я взмахнула рукой и — прихлопнула его Кузиным галстуком. Зажала его в кулак, забыла о нем... И поняла, почему сама на себя не похожа, почему в стороне от этого, может, главного разговора.

Молча выбралась из окружения ребят и пошла к лагерю.

Никаких объяснений — все равно не поймут.

Шла, надеясь и боясь, что услышу: Майя, ты куда?

Никто меня не окликнул. Значит, поняли?

Ваня спросит обо мне — ему расскажут про историю с галстуком, и он согласится: да, сегодня Логачевой здесь делать нечего.

Вспомнилось, как говорила Чемпиньону: не имеешь права от имени лагеря...

А что скажет бабушка? Конечно, я ничего не утаю... Она скажет: «При чем здесь этот мальчик? Ты забыла или не знала, что такое пионерский галстук, и передала его, как обыкновенную вещь. Ты сама во всем виновата... Разумеется, он — не положительный герой, но это вовсе не значит, что можно на него валить и свои грехи. Или потому и валила, что он, как ты выражаешься, гусь? Удобно — скорее поверят в твою невиновность».

Бабушка прищокнет языком, возьмет томик Юрия Трифонова и уйдет на кухню. И это будет значить, что она оскорблена в лучших своих чувствах.

А может, скажет всего три слова: ты меня удивляешь!

Но Ваня подумает: и хорошо, что не пришла...

И он, и ребята, и бабушка — они моя комиссия...

Вздрогнув, я оглянулась. Подкравшись, «Волга» предлагала мне место — задняя дверца открыта. Не говоря ни слова, я проникла в салон.

Возложив красивую руку на спинку кресла и обернувшись к мрачным членам комиссии, Андреева сказала:

— Хоть один ребенок элементарно воспитан!

Похвалила меня за то, что бросила своих товарищей. Не заметила, что «один ребенок» без галстука. Хотя знала, к кому мы шли. Сыпуля доложил, расписал...

— Вы Андреева?

— Что? Ты знаешь Веру Никитичну? Нет, милая, я Галина Сергеевна, секретарь крайкома профсоюза. Ну, как вы здесь? Не стесняйся!

Я молчала. А ведь отлично, что я — единственный «элементарно воспитанный» ребенок! Значит, ребята — все, кто там был! — пошли к Петровым. Операция «DR» продолжается.

Я попросила остановить машину.

— Что случилось? Тебе плохо?

В голосе — тревога, в глазах — непонимание.

Глава 54

ГОД КОМАРА

Барнаульские старожилы уверяют, что никогда ничего подобного не было.

Год комара. К концу лета от свирепых вампиров нет спасения. Вечерняя прогулка по Ленинскому проспекту только с защитной веткой. И это в центре города! А каково в лесу, на даче, в деревне?

10 сентября 1983 года. По-летнему жарко, но мы с Ингой Мамедовой в плотных спортивных костюмах. В сумке Инги — два теплых платка и две пары варежек. Скоро это нам пригодится. На площади Спартака мы ждем автобус, чтобы уехать в Горелую Заимку. Нет, сегодня ж обратно.

Мне так плохо, как никогда. Кругом лживые бесчестные люди. Во всем мире есть лишь один дом, где живет справедливость. Дом Петровых в Горелой Заимке. Приеду, поплачусь. «Это знаю, однако, — скажет тетя Нюра. — Горчицей накормят, а раззвонят, что медом». Но потом они, Григорий Иванович, Екатерина Алексеевна и тетя Нюра, скажут что-то такое, что глаза на правду откроет. И, сильная той правдой, вернусь я в Барнаул, передам ее, силу добрых людей, моей бабушке.

Когда все, что было в пионерлагере, забываться стало, тогда все это вдруг обрушилось на нашу семью.

По словам бабушки, на партийном собрании она резко говорила о жилье, о махинациях директора завода и председателя профкома. Это в июле. А уже в начале августа меня поставили на учет в детскую комнату милиции. В отместку бабушке. И зачастили комиссии, чтобы доказать: моя бабушка, ну, не совсем, что ли, а потому меня надо спасать, а спасение мое в детдоме. Кажется, главный свидетель их обвинения — Черный Скиталец. Мол, нормальный человек никогда не решится собственными руками сделать подобную вещь. А моя бабушка решилась. Собрали

подписи родителей: Груздь, мол, почами не спит; Кузя, который всю жизнь был двоечником, теперь такой-де из-за Черного Скитальца.

Рабочие, которые пятнадцать лет ждут квартир и от имени которых выступала бабушка, от своих претензий отказались. Приходил какой-то мужчина: «Спасибо, Нина Григорьевна, теперь обещают, что скоро, но войдите в наше положение: если будем вас поддерживать, опять сто лет ничего не получим. Уж извиняйте. Жизнь проклятая!»

Неделю тому назад бабушке объявили строгий выговор за клевету на сплоченный коллектив. Теперь она ходит к психиатру, надо получить справку, что не болеет нервным расстройством, а врач говорит, что расстройство очевидно. Бабушка говорит, что ее довели, что без справки у нее дитя, то есть меня, отымут.

Во дворе она всем рассказывает, что на Брянщине, откуда она родом, из тыкв делают головы со светящимися глазами и ртами, и ничего, все, кто их видел, живы-здоровы. Как жаль, что Берта Карловна в Талды-Курган уехала...

...У меня в кармане аккуратно сложенный галстук. Тот самый. Покажу и объясню Петровым, почему я не была у них в день рождения Михаила Григорьевича. Уж они-то поймут.

А ведь все началось с галстука. Если бы Груздь не надругался над ним... Комиссия за комиссией, но о пионерском галстуке, о полковом знамени — хоть бы слово. В этой кутерьме даже бабушка о главном забыла. Как же так?

— Сейчас и мы поедем, — сказала Инга встречь новому «Икарусу». — Дай комаров прогоню, чтобы в автобус не тащить.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От публикатора 3
Глава 1. Подлость 6
Глава 2. Семь дней спустя 12
Глава 3. «Спасите, мальчики!» . . . . . —
Глава 4. Легенда о Черном Скитальце 16
Глава 5. Страшная месть 22
Глава 6. Черный Скиталец: миф или реальность? . . 25
Глава 7. Он вернулся! 29
Глава 8. Триумф профессора В. В. Денисова . . . 31
Глава 9. Встреча в Белом Доме (сон) 36
Глава 10. Следствие по ночному делу 38
Глава 11. Только раз в году 43
Глава 12. Враг моей бабушки 47
Глава 13. Информационный вакуум 52
Глава 14. «Может, хоть вы управу найдете?» . . 54
Глава 15. Доказательство от абсурда 56
Глава 16. Цвета радуги 63
Глава 17. Ваня+Майя 67
Глава 18. «Тайна Востока» 69
Глава 19. Весть из 1941 года 74
Глава 20. Оружие Победы 86
Глава 21. Не к добру это... 91
Глава 22. Закон природы 94
Глава 23. Пресс-конференция в Нью-Йорке . . . 99
Глава 24. «Пиши, Майя, пиши!» 109
Глава 25. Беда 111
Глава 26. В западне 113
Глава 27. Чужая 116
Глава 28. Рохля на посту 119
Глава 29. На приеме у врача 122
Глава 30. Вокруг «дурака» 125
Глава 31. Вновь мрачный тип 127

Глава 32. Бандиты 129
Глава 33. Нам — благодарность 134
Глава 34. План операции «DR» 137
Глава 35. План операции «DR» (продолжение) . . 141
Глава 36. Лес шумит 146
Глава 37. Святое дело 149
Глава 38. Полет 152
Глава 39. Звезда и Кузя 155
Глава 40. Эх, «Тумбочка»-песня!.. 159
Глава 41. Триумф 163
Глава 42. Принципиальный Груздь 166
Глава 43. Что спасет Жизнь 169
Глава 44. Двуязычники 171
Глава 45. Вопрос о справках 173
Глава 46. «Клянусь!» 177
Глава 47. Следствие ведет Чемпиньон 179
Глава 48. Вот это сюрприз! 181
Глава 49. Нетипичный финал 184
Глава 50. Произведение искусства 189
Глава 51. Прекрасное утро 195
Глава 52. Встреча 196
Глава 53. Комиссия 199
Глава 54. Год комара 203

Иван Иванович Березюк

ОПЕРАЦИЯ «DR»

Повесть

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Художник А. Емельянов
Художественный редактор В. Еранкин
Технический редактор М. Сафонова
Корректоры Н. Тырышкина, Г. Ульченко

ИБ № 2213

АГ 00099. Сдано в набор 4. 10. 1988 г. Подписано к печати 14. 01. 1989 г. Формат 70x108/32. Бумага книж.-журн. офсетная. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,1. Усл. кр.-отт. 10,237. Уч.-изд. л. 9,543. Тираж 30000 экз. Заказ № 2605. Цена 45 коп.

Алтайское книжное издательство Государственного комитета по делам издательств, полиграфии и книжной торговли — 656015, Барнаул, пр. Ленина, 76.

Производственное объединение «Полиграфист» управления издательств, полиграфии и книжной торговли крайисполкома — 656023, Барнаул, ул. Г. Титова, 3.

Березюк И. И.

Б 48 Операция «DR»: Повесть. — Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. — 208 с.

В повести рассказывается об интересных, а порою необычных и таинственных происшествиях в одном из пригородных пионерских лагерей. Главная героиня книги — прямая и честная девочка Майя Логачева пытается понять окружающих ее людей, ровесников и взрослых, нередко ошибается, ведь путь формирования личности не всегда устлан розами... Об этом и о многом другом, важном и не очень важном, о том, чем болят, за что болеют горячие сердца подростков, и повествует автор.

Б $\frac{4802010201-20}{M\,138(03)-89}$ 37.89

Р2

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190